

Виктор Болотов

ВЫСКОЧИТЬ ИЗ КОЛЕИ
МОИ ЗАПИСКИ
ПРО ОБРАЗОВАНИЕ
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Виктор Болотов

**ВЫСКОЧИТЬ ИЗ КОЛЕИ.
МОИ ЗАПИСКИ ПРО ОБРАЗОВАНИЕ
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**

Москва, 2021

УДК 373
ББК 74.2
Б79

Болотов, В. Выскочить из колеи. Мои записки про образование
Б79 вчера и сегодня [Текст] / В. А. Болотов. – М.: ИПК Радуга, 2021. –
190 с. – 150 экз. – ISBN 978-5-907292-40-6 (в обл.).

Книга президента Евразийской ассоциации оценки качества образования, профессора, академика РАО Виктора Болотова представляет собой подборку эссе, в разные годы опубликованных в «Учительской газете». Уникальность ее в том, что автор, затрагивая ту или иную злободневную и актуальную тему образования, всегда пытается посмотреть на проблему под неожиданным углом, предлагая свои пути ее решения, а также показывая логику зарождения того или иного сюжета. Смелость, откровенность, независимость оценок, широкая эрудиция и активная жизненная позиция – все эти качества позволяют считать академика Виктора Болотова одним из ярких представителей образовательного сообщества России XXI века.

УДК 373
ББК 74.2

ISBN 978-5-907292-40-6 (в обл.)

© Болотов В.А., 2021
© Учительская газета, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Сквозь бури и отмели <i>От соучастников авторских колонок</i>	4
Как родились эти записки	8
Об образовательной политике	9
О школе, учителях и директорах.....	84
О содержании школьного образования.....	120
Об оценке качества образования.....	129
О педагогическом образовании и науке	165
И в заключение – о жизни.....	181

Сквозь бури и отмели

От соучастников авторских колонок

Летом из Москвы до Липецка можно домчаться за четыре с половиной часа. Если пробок на выезде не случится и с водителем повезет. А вот какие это будут часы — пролетят ли они незаметно или станут мучительно и тягуче сочиться по капле — зависит от компании. Мне повезло и с водителем, и с компанией: на круглый стол в Липецкий педуниверситет я ехала с главным редактором «Учительской газеты» Петром Положевцем и Виктором Болотовым — профессором, доктором наук, академиком РАО (если вы держите в руках эту книгу, то, наверняка, все регалии Виктора Александровича известны вам не хуже моего).

Когда оказываешься в обществе умных людей, помни золотое правило: молчи и слушай — узнаешь много нового и любопытного, постигнешь суть вещей, сможешь лицезреть мир под иным углом. Я так и делала. Молчала и слушала. А они говорили. Про нынешнее состояние школы — средней и высшей, подводные камни последних реформ и высоких решений, всевозможные кадровые перестановки и их очевидные и вероятные последствия. Я чувствовала себя ребенком, которого пустили в театр с «актерского» входа. До этого момента мне казалось, что я неплохо разбираюсь в проблемах образования, на деле же получалось — весьма посредственно. Потому что всегда смотрела на них из зрительного зала, пусть даже и из партера, но никогда — из-за кулис. Из меланхолических размышлений о темных пятнах собственного мировосприятия меня вырвал голос Петра Григорьевича: «Послушайте, Виктор Саныч, а давайте откроем в “Учительской” вашу авторскую рубрику. Рассказывайте там, о чем хотите: о своем детстве, о математике, о любимых книгах, об идеальной школе. А вот Анна вам поможет. Анна, вы же поможете?». Так на въезде в полыхающий

сиренью Липецк я неожиданно оказалась участником «педагогической поэмы», вошедшей в историю «Учительской газеты» под лаконичным названием «Записки Виктора Болотова».

Премьеру рубрики запланировали на первый январский номер 2014 года. Решено было, что колонки Виктора Александровича станут выходить раз в две недели. Работали так: я звонила ему, и мы разговаривали. Иногда я спрашивала – он отвечал. Но чаще это были монологи, прерывать которые не было ни смысла, ни необходимости. Потому что это были готовые тексты, которые оставалось лишь «положить на бумагу». Работа в дуэте требует эмоциональной гибкости и способности идти на компромиссы. Очень быстро поняла, что Виктор Александрович не выносит пышных словесных орнаментов, а потому не стоит заниматься бессмысленным украшательством его высказываний – все эпитеты и метафоры будут обнаружены и безжалостно изгнаны. Уже на третьей колонке («подаче», если говорить газетным языком) я стала находить в этой непривычной для меня аскетичности особую прелесть: строгий, а точнее – стройный язык ученого лишь подчеркивал глубину его мыслей, широту взглядов и точность оценок. При этом, несмотря на кажущуюся простоту формы, заметки Виктора Александровича полны юмора, неожиданных остроумных сравнений. Когда будете читать, сразу заметите эту улыбку – не широкую, а словно бы затаившуюся в уголках губ.

Искать темы для сюжетов не приходилось – их подбрасывала сама жизнь. Образовательное море никогда не бывает спокойным. Бури, мели, водовороты – это его повседневность. И какой бы шторм ни случился, будь то очередная попытка создать единый учебник истории или «уволить» из программы по литературе зазевавшегося классика, ввести новые критерии в систему рейтингования школ или аттестации учителей, мы в газете знали: Болотов расставит все по местам, проанализирует множество «за» и «против», просчитает риски и выведет некую общую формулу.

Помню лишь несколько эпизодов, когда наш колумнист отказался от комментариев: не стоит обсуждать это сегодня, еще рано, нужна пауза, недостаточно данных, не будем рубить с плеча. Что-что, а рубить с плеча — это действительно не его метод. Сейчас вы перелистнете страницу и сами в этом убедитесь.

По большому счету, сборник «Записок Виктора Болотова» — это история российской системы образования за последние почти десять лет. Со всеми ее победами, поражениями, удачами и промахами. «Инструкция по применению», которую я бы рекомендовала и студентам педагогических вузов, и учителям, и управленцам — для настройки профессиональной оптики. Здесь нет готовых рецептов, но есть четкое видение всех переменных и констант нашей жизни, пища для раздумий и собственных выводов.

Возможно, вы удивитесь (хотя что же тут удивительного?), но по прошествии лет я отчетливее всего помню одно из самых первых размышлений Виктора Александровича. Оно не про скандал, не про острое или болезненное. Оно — про умение быть благодарным и говорить «спасибо». Про то, как мальчишка с «хулиганской» окраины Красноярска смог переломить свою судьбу, развернуть ее на 180 градусов и подняться на вершину успеха. Это не было чудом — это было большой работой. Но все получилось, потому что рядом были надежные люди — учителя, наставники, друзья, за которыми хотелось тянуться. «Мои учителя и наставники, они все были очень разные. Но одна общая черта их объединяла: им было не все равно. Им нравилась молодежь. Их всерьез интересовало ее мнение. Они не давали нам ценных указаний. Они работали вместе с нами. И каждому из них я говорю спасибо».

Пользуясь случаем, я тоже хочу сказать спасибо Виктору Александровичу Болотову. Думаю, мои коллеги, продолжившие работать с ним над этой рубрикой, ко мне присоединятся. За опыт много письма, умение различать очевидное в неочевидном, не-

изменный такт и настоящее товарищество. Очень надеюсь, что вслед за этой книгой будут и другие – «о детстве, математике, о любимых книгах и идеальной школе». Лично я их очень жду!

*Анна ХРУСТАЛЁВА,
специальный корреспондент
«Учительской газеты»*

Если верить словарям, академический стиль представляет собой умение излагать мысли в сжатой и доступной форме, с преобладанием абстрактно теоретического компонента текста при наличии обстоятельности и глубины описания. Почему-то кажется, что академики должны вещать именно в таком ключе. Однако если почитать колонки академика Виктора Болотова, написанные специально для «Учительской газеты», то с первых же строк становится понятно – его стиль не просто доступен и понятен каждому, а всегда конкретен, часто жгуч и беспощаден, но неизменно очень уместен и злободневен. Кажется, нет такой темы, по которой у него не было бы своего собственного, особого мнения. Оно нередко бывает перпендикулярно общественному, но никогда не противоречит здравому смыслу. С ним можно не соглашаться, но его всегда интересно слушать. И, конечно же, читать.

*Вадим МЕЛЕШКО,
журналист «Учительской газеты»*

Как родились эти записки

Много лет по приглашению Петра Положевца, тогда главного редактора «Учительской газеты», и при поддержке журналистов этой газеты – сначала Анны Хрусталёвой, а потом Вадима Мелешко, я вел колонку в «Учительской газете». Мой коллега – постоянный читатель этой газеты, как-то сказал, что было бы любопытно посмотреть мои тексты в динамике.

По моей просьбе Вадим Мелешко сделал подборку колонок за последние несколько лет, я их сгруппировал по проблематике, и получились эти записки. При чтении надо понимать, что колонки писались либо по поводу проблем, которые в данный момент волновали читателей «УГ», либо в связи с какими-то событиями или датами.

Сравнивая тексты, я заметил, что некоторые проблемы обостряются периодически – особенно связанные с содержанием школьного образования и вопросами оценки качества образования, некоторые уже потеряли свою актуальность, но дают представление о сюжетах, которые в свое время волновали школьное учительство.

Начну же я со слов благодарности тем, без кого этих записок просто не было бы, – журналистам «Учительской газеты» Анне Хрусталёвой и Вадиму Мелешко, а также главным редакторам «Учительской газеты» Петру Положевцу и Арслану Хасавову.

И особая благодарность Юлии Белавиной, без которой эта книжка никогда бы не появилась на свет.

Ваш Виктор Болотов

ОБ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Молитвы не спасут

Учительская газета, № 13 от 1 апреля 2014 г.

Внимательно слежу за дебатами вокруг единого учебника истории, и вот какие мысли в связи с этим приходят в голову. Совершенно очевидно, на мой взгляд, что учебник, особенно в сегодняшней жизни, не играет столь значительной роли, какую пытаются ему приписать политики, раздувающие этот вопрос, превращающие его в тему для злободневных обсуждений. Куда важнее, думаю, говорить о подготовке нового учителя истории, чем о создании нового учебника. Потому как книга теперь — отнюдь не единственный источник знаний. Интернет кишит текстами разного толка — левыми, правыми, умеренными, радикальными. Все открыто. Все доступно. И какое бы пособие мы не положили перед ребенком, он, при желании, в считанные секунды найдет в Сети информацию, опровергающую официальную точку зрения. Да, мы можем заставить своих учеников выучить правильные формулы и определения — в советской школе так и делали. Рискну заметить, что можно заставить детей зазубрить слова молитв и даже Нагорную проповедь с первой до последней буквы, но изменит ли это навязанное знание поведение человека, повлияет ли на его внутренние убеждения? В вермахте на пряжках солдатских ремней было выгравировано «Gottmituns» — «С нами Бог», — но эта благая мысль не помешала фашистам утопить Европу в крови. Ясно, что массовое заучивание одного-единственного, пусть даже самого правильного текста, глобальных наших проблем не решит.

Цель преподавания истории в школе — научить ребят понимать сложный контекст развития государства и общества, осознавать, что даже этическое отношение к тем или иным действиям,

как утверждал философ и историк-методолог Коллингвуд, меняется по ходу исторического процесса. Потому-то роль учителя куда более значима, чем роль учебника. Вспоминаю, как работал с детьми блестящий педагог Александр Наумович Тубельский. Как учил разбираться в сложнейшем периоде нашей истории – революционных событиях 1917 года. Он распределял роли: ты будешь эсером, а ты меньшевиком, большевиком или кадетом. А дальше смотрели на их программы, идеи, примеривались к разным позициям, соглашались или спорили. Тубельский предлагал игру, в которой, хотя история сослагательного наклонения и не терпит, все же пытался просчитать, по какому пути пошла бы Россия, возьми верх та или иная партия. И тем самым мастерски развивал у учеников пресловутое историческое мышление, которое лишь и позволяет понимать ход времени и критически относиться к обилию мутной полуправды, льющейся на нас с экранов телевизоров и из Интернета. Умение вычленять крупницы истины, формировать свое отношение к происходящему вокруг – это и есть, на мой взгляд, задача исторического образования.

Что касается воспитания гражданственности и любви к родине, то решить эту проблему также помогает не бездумное зазубривание лозунгов и идеологических постулатов, но интерес к прошлому собственной семьи, земли, на которой стоит твой дом. И любовь эта, безусловно, должна быть честной: необходимо помнить, что каждая страна, как и любой из нас, имеет свои победы и поражения, каждой есть чем гордиться и за что краснеть.

Да здравствуют туристы и толкинисты!

Учительская газета, № 19 от 13 мая 2014 г.

Меньше чем через неделю у пионерии очередной день рождения – 92 года прошло с тех пор, как на II Всероссийской конференции комсомола было принято решение о повсеместном создании

пионерских отрядов. Всегда абсолютно искренне и от всей души поздравляю с этим праздником хорошего своего товарища, Елену Евгеньевну Чепурных, последнего главного пионервожатого СССР.

Надо сказать, что детские организации – изобретение отнюдь не советское: скауты появились задолго до провозглашения власти рабочих и крестьян. И пионер – первый, идущий впереди – отнюдь не русское слово. Идея была замечательная, так как детские объединения – необходимый инструмент для позитивной социализации самых юных граждан любого общества. Свято место пусто не бывает: если государство не хочет заниматься своими детьми, всегда найдется тот, кто возьмет это непростое дело на себя, и тут уж предугадать последствия невозможно, а власти останется, как говорится, только самой на себя жалобы писать. Примеров тому масса, и мы, к сожалению, видели не раз, что происходит с подростками, предоставленными самим себе.

Нужно ли ограничивать число детских организаций? Ни в коем случае! Кому-то нравится туризм – прекрасно, занимайтесь на здоровье. Я уже рассказывал, какую роль лично в моей судьбе сыграл туристический клуб «Марина» в родном Красноярске, научивший не только штурмовать скалы и сплаваться по горным рекам, но оставаться человеком в любых ситуациях. Было время, когда шпану, угонявшую мотоциклы, сажали за руль картов и учили разбираться в моторах – это к слову о пользе технического творчества. А вот чего не должно быть в детских организациях, так это идеологии: как только в дело воспитания вмешивается политика, все хорошее стремительно идет на спад. Так что не надо загонять детские общности ни в какие рамки. Пусть их будет много. Пусть они будут разные. Я даже не имею ничего против толкинистов и прочих «ролевиков», если они соблюдают правила человеческого общежития.

Любая детская организация – это, конечно, детско-взрослое сообщество. Необходимо готовить профессиональных вожатых

и воспитателей, каждый из которых должен быть, прежде всего, большим психологом, умеющим слушать и слышать ребенка. Но помимо этого хорошо бы поддерживать волонтерские движения, дающие возможность старшим подросткам работать с малышней, а студентам вузов – с подростками, по интересным для них проектам. Вспоминаю опыт Красноярской летней школы, где студенты разных университетов – Московского, Новосибирского, Красноярского, Физтеха – возились со школьниками, изучали с ними физику, математику, играли в футбол, по вечерам обсуждая, чем японская поэзия отличается от китайской. Это был тот опыт человеческого общения, о котором можно сотню раз прочитать в умной книжке, но который никогда не станет твоим, если не постичь его самому.

Не бойтесь собственной тени

Учительская газета, № 42 от 21 октября 2014 г.

Волны перестройки вынесли на образовательный берег действительно избыточное число учебников, в том числе и каких-то совершенно фантастических. Часть из них была проникнута явно антигосударственным духом, но по мере того, как создавалась и отлаживалась система грифования, проблема таких книг была решена.

Депутаты, выступившие с инициативой создания единых учебников по русскому языку, истории и литературе, видимо, не в курсе, что их идея ошибочна уже хотя бы с содержательной точки зрения. По закону об образовании учебная литература создается с учетом примерных образовательных программ, которых может быть несколько. Учитель имеет право преподавать литературу по системе Занкова, Эльконина – Давыдова, Библиера – Курганова, это его свободный выбор. Но любая из этих методик предполагает учебник, созданный в логике той или иной системы. Кроме

того, у нас профильная старшая школа. Совершенно очевидно, что будущим гуманитариям история нужна в большем объеме, чем будущим инженерам, первым просто необходимы нюансы и детали, которые вторым ни к чему. Какой же тут единый учебник? Даже из соображений дидактики выходит, что это штука вредная.

Ну и, конечно, каждый, кто работает в школе или вузе, знает прекрасно, что учебник – это всего лишь вспомогательный материал. Любой нормальный педагог всегда использует массу дополнительной информации, чего и ученикам своим от всей души желает. Даже если мы примем и утвердим единые учебники, детей от Интернета не отключишь и амбарный замок на библиотеку не повесишь. Так чего же мы тогда добиваемся? Будем воспитывать двоемыслие: в классе говорить, что положено, а за его стенами то, что думаем на самом деле?

Что касается опасений, будто детям сложно переходить из школы в школу, потому что на новом месте их могут ждать другие учебники. А как вы думаете, легко ли было ребенку из провинции, который попадал в советские времена в элитную городскую школу области или края, не говоря уж про Москву или Ленинград? Конечно, нелегко, хотя, заметьте, там ему выдавали ровно те же книги! Даже в одном классе часть детей осваивает материал на высоком уровне, другие же – еле-еле душа в теле. Поэтому, коллеги, давайте не будем бояться собственной тени. Разница в уровне подготовки от учебника мало зависит.

В чем я согласен с Дмитрием Ливановым, так это в том, что есть некоторые устоявшиеся факты и события, переинтерпретация которых никому не нужна, по крайней мере до тех пор, пока настоящие ученые это не докажут. Поэтому необходимо создавать примерные программы по истории, литературе и русскому языку, фиксировать в них основные положения, этапы, произведения, обозначая определенный контекст, где присутствует безусловное уважение к своей родине – большой и малой. Но при этом да-

вайте четко понимать, что если говорить, будто у нас все и всегда было идеально и безоблачно, ничего, кроме усмешки, у подрастающего поколения это не вызовет. Надо по-честному разбираться со своими ошибками, только при чем тут единые учебники?

Объединенный не значит единый

Учительская газета, № 44 от 4 ноября 2014 г.

Поводом к этому размышлению послужила недавняя новость о том, что в центре Москвы прошел митинг, собравший около полутора тысяч участников: учителя, родители, дети школы-интерната «Интеллектуал» и гимназии № 1588 вышли на улицу в знак протеста против предстоящего объединения. Выступавшие говорили о том, что хотят жить своей независимой, самостоятельной жизнью, и перспектива слияния ни одно из этих учебных заведений не устраивает.

Надо сказать, что дискуссии о том, какая школа эффективнее — в двадцать, сто или тысячу человек, — начались не вчера, и единственно верный ответ так и не найден. Укрупнение школ не наше изобретение, в мире оно ведется давно, во многом по причинам экономическим, ведь чем больше учебное заведение, тем дешевле обходится государству его содержание.

Я бы поставил вопрос так: какую задачу мы хотим решить, объединяя школы? И чем это обернется для учителей, детей и родителей? Слияние школ требует большой предварительной работы. Для начала необходимо провести самообследование каждого учебного заведения. Его можно организовать своими силами, но лучше пригласить сторонних экспертов. Выясняются плюсы и минусы всех участников объединения. Затем планируются этапы будущей совместной деятельности, проектируются шаги развития. Хорошо, если этот диалог поможет организовать некто третий — Институт развития образования, например, или педагогический университет.

А ведь есть еще работа с родителями, потому как они везде разные. Не секрет, что в успешных школах больше родителей с высоким социально-экономическим статусом, они готовы вкладывать средства в дополнительное образование детей, в походы, в экскурсии, в кружки и студии. А в школах попроще большинству родителей бывает вполне достаточно, если ребенок просто отсидит в классе положенное ему по закону количество часов. И вот теперь этим сообществам с противоположными взглядами на жизнь вообще и образование в частности необходимо найти компромисс.

Да, это идеальная модель, далекая от той реальности, которую мы наблюдаем сегодня. Модель, которая требует нескольких лет тщательной и кропотливой подготовительной работы. Но если этим этапом не пренебрегать, может получиться вполне успешное учебное заведение. В высшей школе такие примеры есть, например, университет им. Ярослава Мудрого в Великом Новгороде. Из пяти вузов и нескольких техникумов в течение двух лет был выстроен единый университет с внушительной программой развития, в которую поверили и большая часть преподавателей, и студенты.

Хотя, конечно, только время и серьезные исследования покажут, насколько разумна была идея массовых объединений. Увеличатся ли в таких школах число ребят, которые могут преодолеть нижний порог ЕГЭ? Станет ли больше высокобалльников, победителей олимпиад? Заживут ли прежде столь разные коллективы общей наполненной жизнью? В противном случае к чему весь этот переполох?

Отобрать паспорта – и дело с концом

Учительская газета, № 07 от 17 февраля 2015 г.

Прочитал на сайте «УГ» об очередном заседании патриотов «Единой России», на котором «досталось отечественному образованию». Не буду перечислять все претензии, которые единороссы предъявляют нашей школе в целом и Министерству образова-

ния и науки в частности, вы найдете их здесь: <http://www.ug.ru/news/14112>. Однако характер обвинений обескуражил настолько, что не могу их не прокомментировать.

С 1990 года я работаю на федеральном уровне в системе образования и за это время слышал массу критики в ее адрес — и справа, и слева. Ругали коммунисты, негодовали либералы, но патриоты «ЕР» превзошли их всех вместе взятых. Заявить, что Министерство образования и науки — это «пятая колонна», то есть, продолжая мысль автора, — все сплошь шпионы, работающие в интересах другого государства, — это сильно, такого еще не бывало. Я не согласен со многими вещами, которые делает Министерство, но давайте спорить аргументированно. А вот с аргументами у «обвинителей» дела обстоят неважно. Начать с того, что на месте г-жи Яровой я уволил бы всех помощников, которые готовили ей информацию о количестве часов, выделенных в школе на изучение русского и иностранного языков. Она не имеет никакого отношения к действительности. Идти с такими цифрами, взятыми, простите, с потолка, на большую трибуну — это неловко и уж точно недостойно человека, занимающего столь высокий пост.

Теперь, что касается предложения «искоренить в российской школе чуждые влияния.., сделав изучение иностранных языков в лучшем случае платным». В нашей стране с давних времен существовали приверженцы западных ценностей и те, кто предпочитал уникальный, самобытный русский путь, и нельзя сказать, что кто-то из них во всем прав, а другой абсолютно заблуждается. Но автаркия, к которой склоняются сторонники линии г-жи Яровой, — это очевидный тупик. Сегодня в этой системе координат живет, пожалуй, одна лишь Северная Корея, но я бы не хотел проснуться завтра и обнаружить за окном Пхеньян. Если следовать этой «патриотической» логике, мы должны забыть про любые международные турниры, соревнования, конкурсы: зачем принимать у себя этих сомнительных иностранцев с их сомнительными ценностями, да еще и общаться

с ними на их чуждом нам языке? И уж тем более не стоит посылать наших ребят на соревнования за границу: а вдруг они там проиграют или какую «идеологическую заразу» подхватят? Подобный призыв к демонстративной изоляции чрезвычайно неконструктивен, даже в той конфликтной ситуации, что сейчас сложилась у России с западным миром. Но мы же видим, что переговорные процессы не прекращаются, рано или поздно компромиссы будут найдены.

Предложение сделать изучение иностранных языков платным напомнило мне давнюю историю, как я, будучи еще молодым аспирантом, приехал проводить олимпиаду по математике в один отдаленный район в Сибири. Встретили меня там не слишком приветливо, мол, сейчас вы сманите лучших наших ребят в свой университет, а кто пахать будет, кто скот пасти будет? «Так, может, паспорта отобрать, чтобы уже наверняка никуда не делись?» – предложил я тогда в шутку. И услышал в ответ вполне серьезное: а что, может, и отобрать...

Я искренне удивлен, что кому-то до сих пор нужно объяснять, что иностранный язык – это необходимый инструмент, без которого полноценная жизнь – деловая, научная, культурная – сегодня просто невозможна. Чего добиваются авторы идеи сделать изучение иностранного языка платным? Еще большего социального расслоения среди населения? Пусть те, кто побогаче, дают своим детям хорошее образование, чтобы они пользовались всеми благами мира – информационными, коммуникационными, культурными, а те, кто беднее... Да что о них говорить! Сразу отобрать паспорта – и дело с концом...

Добро пожаловать в Северную Корею

Учительская газета, № 21 от 26 мая 2015 г.

Депутаты-единороссы Ирина Яровая и Вячеслав Никонов внесли в Госдуму законопроект, согласно которому преподавание ма-

тематики, русского языка, литературы и истории по всей стране должно вестись по единым учебникам и прилагающимся к ним пособиям. Если этот закон будет принят, что очень вероятно, так как лоббируют его всерьез, мы не просто вернемся в советское время, когда, как ни крути, альтернативные учебники все же существовали, но окажемся в Северной Корее, где все хором встают, хором садятся, хором ложатся спать. Потому как, если верить документу, новые линейки будут строиться на «общепринятых знаниях», автоматически исключая любые спорные и проблемные вопросы. Кроме того, под нож пойдут все общеобразовательные примерные программы, а, значит, на свободном творчестве педагога будет поставлен крест.

Мне также очевидно, что про профильное обучение в старшей школе надо будет забыть раз и навсегда. О каком углубленном изучении тех или иных дисциплин может идти речь, если на всех одна книжка? Авторы инициативы старательно делают вид, что пекутся о благе детей, на самом же деле, преследуя совершенно иные, далекие от человеколюбия интересы, планируют изрядно испортить школьникам жизнь. Например, любому здравомыслящему человеку, думаю, понятно, что математика для гуманитариев и будущих студентов физмата — это две совершенно разные вещи. Первым важно научиться использовать математику в повседневной жизни, вторых волнует наука как таковая, со всеми ее теориями, внутренней красотой и гармонией. Теперь же выходит, что и те и другие могут о своих интересах и потребностях забыть: учебник-то один.

Главный аргумент, которые выдвигают авторы законопроекта, настаивая на введении единого учебника, сводится к тому, что дети, переходя из одного учебного заведения в другое, испытывают адские мучения, так как на новом месте у них в руках оказываются незнакомые им доселе книги. На редкость наивное утверждение людей, которые ни дня не провели в школе. Ясно же, что требова-

ния в двух соседних школах, даже если они работают по одним учебникам, могут быть совершенно разными. И ребенок, успешный в одной школе, в другой может скатиться на двойки.

Еще один довод законодателей: единые учебники помогут детям легко и безболезненно сдавать ЕГЭ. Это уж вообще абсурд! Одни занимаются по учебникам, другие только делают вид, что занимаются. Первым сдавать экзамен будет легко, вторым – сложно. И не важно, одну и ту же книгу носят они в портфеле или разные.

Разумно, на мой взгляд, поступили историки, приняв культурно-исторический стандарт, договорившись о единой концепции преподавания своей дисциплины. И только что в Министерстве образования и науки состоялся экспертный совет, где были одобрены три линейки учебников, которые этой концепции соответствуют. Кстати, писали ее больше года, к работе были привлечены и ученые, и учителя-практики. Было много споров, но в итоге компромисс все же нашли. Почему бы по этому пути не пойти и другим предметникам? Это будет куда дешевле и эффективнее. Потому как еще один немаловажный вопрос, который стоит за законопроектом Яровой – Никонова: сколько будет стоить реализация этой инициативы, и кому она выгодна?

Аршином общим не измерить...

Учительская газета, № 39 от 29 сентября 2015 г.

Некоторое время назад педагогическую и родительскую общественность взволновала новость: министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов заявил, что ведомство подумывает отменить льготы для поступающих в вузы выпускников техникумов и колледжей. Дескать, все больше девятиклассников выбирают систему СПО не потому, что так уж хотят посвятить себя той или иной рабочей профессии, а оттого, что надеются избежать Еди-

ного государственного экзамена при поступлении в университет. С замечанием этим не поспоришь: данные многочисленных опросов показывают, что это действительно так, и с каждым годом ситуация только усугубляется.

Традиция принимать выпускников учреждений СПО в вузы на льготных условиях берет свое начало еще с советских времен, когда вчерашний студент, допустим, строительного техникума мог поступить в строительный же институт лишь по собеседованию. Достаточно долго эта практика была полностью оправдана: человек с молодых ногтей определялся с будущей профессией, хотел в ней расти и развиваться. Вместе с тем в последние годы, когда на первый план вышло стремление во что бы то ни стало получить хоть какое-то высшее образование, естественно, начались перекосы. Отсюда и желание министерства вообще запретить поступление в вузы, минуя ЕГЭ. Главный довод – жалобы самих вузов на то, что по сравнению со вчерашними одиннадцатиклассниками, сдававшими единый государственный экзамен, выпускники техникумов и колледжей плохо знают математику, физику, да и гуманитарные дисциплины у них хромают, а потому такие студенты не могут осваивать программу высшей школы на должном уровне. Заполнить эти пробелы за время учебы в университете они тоже не успевают, ведь таких ребят стараются сразу перевести на 2–3-й курс, в то время как глубокая базовая теория читается как раз в первые годы. Выходит, что человек и в техникуме достаточных предметных знаний не получил, и в вузе они опять проходят мимо него. Но ведь у этой медали есть и другая сторона: обладатели дипломов о среднем профессиональном образовании в большинстве своем гораздо более мотивированы и выбирают куда более осознанный, чем у их сверстников, поступивших в вуз сразу после школы. К тому же и будущая профессия для выпускников учреждений СПО отнюдь не «терра инкогнита», в своей будущей профессии они уже сейчас неплохо разбираются.

Имеет ли эта дилемма решение? Имеет, и практика многих наших вузов это доказывает. Достаточно создать специальные программы для выпускников техникумов и колледжей, которые учитывали бы, что студент уже владеет определенными практическими навыками, а вот его теоретические знания нуждаются в шлифовке и огранке. Поэтому не стоит вводить ЕГЭ для выпускников учреждений СПО, поступающих на родственную специальность. Не надо мерить всех одним аршином, ибо эти люди, безусловно, заслуживают определенных преференций. Достаточно просто создать для них особые учебные планы, учитывающие уровень их изначального образования

Физкульт-привет

Учительская газета, № 41 от 13 октября 2015 г.

На минувшей неделе Президент РФ Владимир Путин подписал закон, возрождающий физкультурно-спортивный комплекс ГТО. Документ предусматривает создание центров тестирования, где любой желающий сможет совершенно бесплатно сдать нормативы ГТО и выяснить, в хорошей ли физической форме находится.

Внимание к здоровому образу жизни – один из основных трендов XXI века, когда здоровье рассматривается как едва ли не важнейший ресурс человека, позволяющий ему быть успешным в этом сложном мире. Посему очередную возможность уделить внимание своему физическому состоянию можно только приветствовать.

Но, как известно, блестящая идея и ее грамотное воплощение – это вовсе не одно и то же. Не секрет, как любят у нас даже самые благие начинания превращать в кампании. Поэтому первое, чего боюсь, так это превращения ГТО в такую вот ура-кампанию, наподобие той, что развернулась несколько лет назад вокруг третьего урока физкультуры, который ввели, невзирая на то, что

во многих школах не было ни нормальных спортзалов, ни стадионов, да и учителей не хватало.

Второе, о чем нужно помнить: не все дети смогут сдавать нормы ГТО. Тут следует строго соблюдать принцип добровольности. Если ученик не может или просто не хочет участвовать в этом движении, его нельзя наказывать и подвергать остракизму. А такое развитие событий вполне вероятно, если из показателей ГТО надумают сделать критерий и начнут сравнивать школы, а с ними и директоров, и учителей физкультуры на основании того, сколько их воспитанников и с какими результатами прошли через этот комплекс.

В то же время важно, чтобы те, кто сдал нормативы, не получал ненужных льгот. Общаясь с ректорами престижных вузов, не раз обсуждал с ними, какие достижения абитуриентов они считают достойными для предоставления им преференций при поступлении. Практически все говорили о том, что спортсменам-разрядникам вполне можно было бы накидывать несколько дополнительных баллов к уже имеющимся у них после сдачи ЕГЭ. Потому что если человек добился столь серьезных успехов в спорте, значит, он умеет организовывать свою жизнь, грамотно планировать время и нагрузки. Подобный талант в серьезной учебе необычайно важен. Что касается нормативов ГТО, наверное, их можно учитывать при приеме в учебные заведения, которые требуют хорошей физической формы: военные и спортивные. Однако сомневаюсь, что умение быстро бегать и подтягиваться должно быть плюсом при зачислении на факультет ядерной физики или иностранных языков...

Часто ссылаются на римскую поговорку: в здоровом теле — здоровый дух. На самом деле римляне имели в виду необходимость гармонии: любому здоровому телу необходима духовная и интеллектуальная наполненность. Поэтому давайте и мы в погоне за физической формой не будем забывать о цельном и крепком внутреннем содержании.

Не оскорби ближнего своего

Учительская газета, № 47 от 24 ноября 2015 г.

Председатель Комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Ирина Яровая, выступая на заседании Всемирного русского народного собора, заявила, что в будущем было бы неплохо включать в ряды экспертов школьной учебной литературы представителей различных религиозных конфессий. В первый момент, услышав такое, недолго и испугаться. Но не стоит паниковать, лучше внимательно разобраться, что имеется в виду, и есть ли в этой идее рациональное зерно.

Экспертиза учебной литературы – серьезный многоступенчатый процесс, рассматривающий каждый учебник, каждое пособие, каждый УМК с разных сторон. Специалисты РАН проверяют, насколько та или иная книга соответствует современным научным представлениям о мире. Эксперты РАО отвечают на вопросы дидактической сообразности издания, оценивают, комфортно ли будет работать с ним учащимся определенного возраста. Бессмысленно ведь предлагать малышам информацию, изложенную сухим языком энциклопедий, точно так же, как нельзя преподавать физику в старшей школе с помощью комиксов.

Рецензируя учебники, можно принимать во внимание множество нюансов и деталей. Так, однажды мне попало исследование, сделанное в США, где авторы, проанализировав ряд учебников, пришли к выводу, что многие из них провоцируют гендерное неравенство, формируя у детей стереотипы поведения. Потому как девочки, упоминания о которых встречаются в заданиях, все как одна хорошие и прилежные, а мальчики, напротив, бестолковые хулиганы, сделанные, если вспомнить Маршака, «из колючек, ракушек и зеленых лягушек». Я сейчас не обсуждаю, правы были американские коллеги или нет, но сам угол зрения весьма любопытен и имеет право на существование.

В наше взрывоопасное время, полное нетерпимости и межнационального непонимания, авторы учебной литературы должны быть особенно осторожны в своих оценках и высказываниях. Вы помните, наверно, скандал, разразившийся несколько лет назад вокруг одного из учебников, где в связи с военными средневековыми конфликтами некоторые наши народы-соседи описывались весьма нелицеприятно. Еще в одном пособии черным по белому было написано, какая именно нация распяла Христа. На мой взгляд, подобные выпады недопустимы: известно ведь, что все столкновения и войны начинаются по границам религий и национальностей. Поэтому, думаю, было бы правильно привлечь представителей основных вероучений к экспертизе учебников по литературе, истории, краеведению, обществознанию с целью выяснить, нет ли в книгах нападок на ту или иную религию, оскорблений по национальному признаку, не возбуждают ли они негативное отношение к отдельным конфессиям.

Предвижу возражения: в России церковь отделена от государства, а школа – это светский институт. Все так. Но веротерпимость – аспект государственной политики. Поэтому перед священнослужителями надо ставить конкретный вопрос, относящийся исключительно к «политкорректной» составляющей того или иного учебника. Не в их праве будет запретить преподавать в школе теорию Дарвина, но лишний раз обратить внимание на то, соблюдаются ли в учебной литературе принципы взаимного уважения и веротерпимости, вполне разумно.

На старт, внимание... гайки!

Учительская газета, № 01 от 5 января 2016 г.

Не буду скрывать: 2016 год встречаю без особого оптимизма, потому как добрых перемен ждать от него не приходится. Экономического роста в ближайшее время не предвидится, продолжается

стремительная девальвация рубля, так что финансово будем жить сложно и трудно. Вопрос, конечно, не в том, что кто-то будет голодать, во всяком случае, в сфере образования, но в очередной раз затянуть пояса наверняка придется. И в ситуации такого экономического неблагополучия не стоит, как мне кажется, усиливать контрольно-надзорное давление на школу вообще и на учителя в частности. Реально денег на образование выделяется меньше – я говорю не про объемы и цифры, а про покупательную способность каждого из нас. И в этом случае спрашивать с образования все больше и больше, требовать от него каких-то сверхъестественных подвигов, на мой взгляд, просто некорректно. Однако боюсь, что курс на «закручивание гаек» будет продолжаться, и уже в этом плане наступивший год станет не очень простым и весьма конфликтным.

Однако хорошо уже то, что в сфере законодательства никаких революций не планируется. Будут, безусловно, некие эволюционные изменения на уровне нормативных актов и подзаконов, но это рабочие моменты. Настоящим «взрывом» могло бы стать официальное утверждение единых учебников, но уверен, этого не случится.

Еще в прошлом году в России началось обсуждение единой концепции преподавания русского языка и литературы. Конечно же, оно продолжится и, скорее всего, станет весьма жарким. И это нормально. При наличии национальных экзаменов ЕГЭ и ОГЭ профессиональное сообщество обязано прийти к определенному консенсусу по поводу содержания соответствующих школьных дисциплин, а значит, нужно договариваться о концептуальном инварианте каждой из них.

Важно, чтобы в этом обсуждении верх взяла не политика, а здравый смысл, присущий серьезным профессионалам. Я против того, чтобы по каждому поводу взывать к верховной власти, ждать, что президент оставит все дела и отдаст четкое распоряжение,

творчество каких писателей включить в школьный курс литературы, а каких – нет. Не президентское это дело. Такие решения должны принимать профессионалы, те, кто эту самую литературу преподает.

При этом подчеркну: единая концепция вовсе не означает, что во всех предметных областях необходимо ввести единый учебник. В рамках одной и той же концепции не просто могут, но должны существовать несколько вариантов учебников – для базового, углубленного и профильного уровней.

Но все эти вызовы мы примем завтра. А сегодняшний день давайте проведем вместе с самыми близкими своими людьми, думая о лучшем, надеясь на лучшее. С Новым годом, дорогие коллеги! Будьте счастливы!

Сервис на вынос

Учительская газета, № 03 от 19 января 2016 г.

В конце минувшего года меня пригласили принять участие в работе общественного педагогического совета только что созданного Фонда поддержки учебного книгоиздания и образовательной среды. В состав совета также вошли мои уважаемые коллеги: Александр Асмолов, Игорь Реморенко, Ефим Рачевский, Алексей Семенов, Исак Фрумин и Майя Пильдес. Чем нам предстоит заняться? Поиском и поддержкой лучших инициатив и проектов, связанных не только с традиционным учебным книгоизданием, но и в целом с образовательной средой, главным образом – электронной. Средства фонду выделены солидные – 500 миллионов рублей на два года. И, конечно же, хотелось бы, чтобы они пошли на разработку и поддержку сервисов, по-настоящему полезных и учителю, и ученику.

Для чего это необходимо и почему именно сейчас? 2015 год прошел в дебатах о едином учебнике, и полемика между сторон-

никами унификации и вариативности, думаю, скоро не утихнет. Но этот шум, как мне кажется, носит вторичный характер, поскольку на самом деле хороший учитель ни дня не работает с одним учебником, всегда использует массу дополнительных материалов. Вопрос, где он их берет. К сожалению, зачастую это его личная проблема. Где может, там и находит: в Интернете, у других учителей, на курсах в институте повышения квалификации. На это уходят силы и время. И насколько проще было бы работать, существуя единый портал, на котором была бы собрана коллекция образовательных сервисов для всех предметников по всем темам. Чтобы учитель физики не сбивался с ног в поисках программы, позволяющей ему продемонстрировать на компьютере сложные опыты по магнетизму или ядерным реакциям. Чтобы у биолога была возможность наглядно продемонстрировать детям, как в зависимости от изменений внешней среды ведут себя те или иные популяции животных.

Не секрет, сколько времени занимает проверка домашних, контрольных и самостоятельных работ. А ведь можно создать сервис, который позволит ребенку выполнять эти задания на компьютере. Машина все проверит и найдет ошибки, учителю же останется лишь прокомментировать их. Кроме того, учителю не придется придумывать свои задания, он сможет воспользоваться подборками готовых разноуровневых примеров, сопряженных с ЕГЭ и ОГЭ. Так что в понятие образовательной среды я включаю и средства оценивания учебной успеваемости.

Предполагается, что будет создан единый интернет-ресурс. Допускаю, что со временем школам придется на него подписываться, ведь работа фонда рассчитана всего на два года, а дальше нужно думать о самоокупаемости. Естественно, мы рассчитываем на широкое профессиональное обсуждение, ведь кто, если не сами учителя, лучше знает, что необходимо действующему педагогу в повседневной практике.

Предвижу резонный вопрос: чем эта инициатива отличается от идеи «Электронной школы», о создании которой говорилось на последнем Госсовете. Дело в том, что пока не ясно, во что выльется это поручение президента. Будет ли это параллельная система обучения, когда утром ребенок ходит в обычную школу, а вечером – в электронную? Если так, не станет ли это двойной нагрузкой? А может, речь идет о дистанционном образовании, о виртуальном учреждении, выдающем свои дипломы. Но что тогда делать с социализацией молодого человека, с его воспитанием? Поэтому лично для меня принципиален термин «сервис» как инструмент, помогающий учителю и ученику в их совместной работе. А вот словосочетания «Электронная школа» я побаиваюсь.

Почем лозунги для народа?

Учительская газета, № 10 от 8 марта 2016 г.

Воспитание детей стало нынче темой весьма острой. Утверждена Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Премьер-министр России Дмитрий Медведев подписал постановление об утверждении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан России на 2016–2020 годы». Слышал, что бродят идеи подготовить законопроект, согласно которому уроки патриотизма необходимо ввести не только в школах, но и в детских садах.

Естественно, раздаются голоса, напоминающие о роли семьи в таком важном деле, но главная «партия» в этом хоре у тех, кто возлагает основную ответственность на школу и учителя. Подобная позиция, безусловно, не лишена логики. Но способна ли школа в одиночку решать проблемы воспитания будущего поколения? Вопрос открытый.

У некоторых горячих голов возникает непреодолимое желание начать измерять уровень воспитанности наших школьников

и подростков. На мой взгляд, это абсолютно тупиковый путь. Если мы начнем тестами или еще какими бы то ни было инструментами проверять душевные качества наших детей, тут же получим обратный результат: с формальной точки зрения все будет просто замечательно, на деле же вырастим армию лицемеров, знающих наверняка, как отвечать на те или иные вопросы. Ведь одно дело поставить галочку в «правильной» графе, совсем другое – испытывать здоровые искренние чувства. То же самое можно говорить и про уроки патриотизма. В лучшем случае дети зазубрят парутройку громких лозунгов и клятв, но какое отношение все это имеет к неподдельной любви к своему Отечеству?

С моей точки зрения, гораздо важнее поставить вопрос о создании условий, в которых будет происходить процесс воспитания детей и подростков, формирования их личностных качеств, в том числе, конечно, и любви к родине. Повторюсь, что специальные уроки и тестирования ничего, кроме вреда, не принесут. А вот если мы начнем не на бумаге, а на деле поддерживать исторические и краеведческие музеи, которые уже сейчас существуют практически в каждой школе, от этого будет реальная польза. Не красивые лекции нужны нашим детям, а живая история предков, которые защищали наш общий дом и строили завтрашний день, история, которую можно было бы руками потрогать и самому принять участие в ее реконструкции. Разве уроки абстрактного патриотизма заменят рассказы о выдающихся выпускниках школы, о знаменитых семьях и династиях, живших некогда на этой земле, о том, чем славится не только большая, но и малая родина? Всю эту работу надо организовывать неформально, в том числе и в школьных музеях, а не для отчета – за партами.

При этом я глубоко убежден, что настоящее воспитание – это не программы и стратегии, а семья. И начинается оно, конечно же, с наших матерей. Поэтому сегодня, 8 марта, всем женщинам хочу пожелать быть хорошими мамами, иметь хороших мам, дочек и

сыновей. Думаю, что любящие братья, отцы и мужья тоже никому не помешают.

Не хочу — это надо уважать

Учительская газета, № 12 от 22 марта 2016 г.

Один из крупнейших международных экспертов в области раннего развития детей, доктор психологии Никован Оуденховен из Нидерландов, недавно назвал российскую систему дошкольного образования лучшей в мире. Ведь детский сад у нас отделен от школы, а к воспитанникам относятся не как к «обучаемым», но как к детям, которым надо больше играть, чем за партами сидеть.

Конечно, столь высокая оценка необычайно лестна, но действительность, на мой взгляд, гораздо более разнообразна. Я бы сказал, что смотреть надо не столько на страну, в которой находится детский сад, сколько на программу, по которой он работает. Если говорить про зарубежный опыт, то до сих пор вне конкуренции остаются идеи Марии Монтессори и Вальдорфской педагогики, но свои оригинальные разработки есть и в России, например, знаменитая «Радуга». Цель у лучших программ одна: обеспечить ребенку максимальный комфорт.

Многие, наверное, помнят, что, когда детский сад был объявлен самостоятельным уровнем образования, сторонники тотальной стандартизации тут же заявили о необходимости ввести итоговую аттестацию для выпускников-дошколят. К счастью, здравый смысл победил, и ключевую роль здесь сыграл Александр Асмолов, который отметил, что детский возраст самоценен, сад — не место для подготовки к школе, ребенок должен «выиграться». Так что теперь у нас даже в законе записано, что по завершении дошкольного уровня образования никакой итоговой аттестации быть не должно. Поэтому если смотреть с формальной точки зрения, выходит, что «дошкольное» законодательство у нас действительно одно из лучших в мире.

Однако если детский сад – это самостоятельный уровень образования, нам все же придется решить, как оценивать его качество. И тут стоит обратить внимание на международный опыт, где принимается в расчет не качество самих дошкольников, но среды: содействует ли она развитию ребенка или мешает? Одну из таких методик оценки среды изучает Московский городской педуниверситет, и на одном из последних вебинаров нашего тренингового центра коллеги подробно рассказали о том, что у них выходит. В частности, они интересовались у воспитателей, предусмотрено ли в детском саду место для уединения ребенка, может ли он отказаться от еды, которая ему не нравится, лечь спать в разгар игры, если вдруг начало клонить в сон, или, напротив, не спать, когда положено. Опрос показал, что пока еще далеко не все воспитатели признают за ребенком право на самостоятельные поступки и решения. Хотя именно это – возможность побыть одному, не есть то, что не нравится, спать и бодрствовать, когда хочется, – и является показателем комфортной среды детского сада.

Очевидно, что и в системе обучения воспитателей надо что-то менять. Не трогая блестящую прикладную подготовку (Никован Оуденховена, например, восхищает то, как наши воспитатели замечательно рисуют, лепят, какие чудесные поделки готовят вместе с детьми), добавить больше возрастной психологии и педагогики. Только комплексная работа с теорией, практикой и исследованиями и может сформировать педагога нового типа. И тогда наше лучшее в мире дошкольное образование, возможно, станет самым лучшим.

Дотянуться до звезд

Учительская газета, № 44 от 1 ноября 2016 г.

Возвращение астрономии в курс средней школы обсуждается сегодня горячо и активно. Вот и министр образования и науки

РФ Ольга Васильева официально заявила, что астрономия вновь появится в программе как отдельный предмет, обязательный для изучения. И это уже не вопрос для дискуссии.

Конечно, знание устройства вселенной и умение ориентироваться по карте звездного неба — это важный признак общей культуры. Но сразу возникает вопрос: астрономия станет еще одним уроком в расписании, дополнительной нагрузкой? Не секрет, что, по мнению подавляющего числа экспертов, наша школа и без того перегружена содержанием, каждый год мы добавляем в программу новые факты, сведения, произведения, при этом не вычеркивая ничего из старого. Появление лишнего часа весьма не понравится Роспотребнадзору, и его можно понять: дети и без того проводят в школе немало времени, получают задания на выходные и каникулы, хотя это запрещено.

Ольга Васильева предлагает пожертвовать ради астрономии часом второго иностранного языка. Однако далеко не во всех школах в образовательные программы включено изучение второго иностранного. На мой взгляд, разумнее всего рассредоточить вопросы устройства вселенной по разным учебным курсам. Как представляли вселенную в эпоху Античности? Чем отличаются воззрения Птолемея от взглядов Коперника? Об этом было бы уместно говорить на уроках истории Древнего мира и Средних веков. Ведь это как раз те научные теории, на которые опиралась большая часть активного населения тех лет: путешественники, мореплаватели, первооткрыватели. И без знания их общая мозаика прошлого будет неполной. Изучая античную мифологию, учитель литературы может рассказать детям, почему те или иные планеты названы именами богов и героев: Ориона, Венеры, Меркурия или Плутона. Ну а собственно устройству вселенной, различным концепциям ее происхождения — от теории большого взрыва до креационистских идей, современным взглядам и гипотезам, карте звездного неба вполне можно посвятить специальный модуль,

включенный в курс физики в старших классах. Думаю, он должен быть рассчитан на семестр — для общего развития этого времени вполне достаточно. Тем же, кто хочет заниматься астрономией дополнительно, нужно, естественно, предоставить такую возможность в кружках и факультативных программах.

Еще одна задача, которую требуется решить, связана с организацией учебного процесса. Ясно, что телескоп в каждую школу не поставишь и планетарии открыты не во всех наших городах, но есть прекрасные компьютерные программы, которые воссоздают карту звездного неба, помогают рассмотреть любые космические тела и явления, от созвездий до метеорных потоков. Так что с помощью современных технологий астрономия вполне может стать не только полезным, но еще и увлекательным предметом.

О «кочках» зрения

Учительская газета, № 08 от 20 февраля 2018 г.

Недавно в Минобрнауки России прошло закрытое заседание Научно-методического совета по учебникам. Правда, не очень понятно, почему закрытое, обсуждали качество учебников. Тема эта вечная, поэтому сейчас, когда то и дело добрым словом поминают советское время, я тоже хочу вспомнить кое-что. Советским школьникам была хорошо знакома такая формулировка: «Издание исправленное и дополненное». То есть и тогда ошибки встречались. Другое дело, что с этим, очевидно, боролись. Но главный вопрос: как?

Ошибки были, есть и будут, и их надо выкорчевывать. Но означает ли это, что ради выкорчевывания обязательно нужно искать новые механизмы экспертизы? Не проще ли бросить клич всем учителям, родителям, ученикам: «Нашли опечатку или ошибку? Присылайте! Мы сделаем все, чтобы издатель отреагировал». Это и будет общественная экспертиза.

А функция РАО — дидактическая экспертиза, проверка учебника на соответствие психофизиологическим возможностям ребенка, чтобы в первом классе не поднимались вопросы уровня академиков или чтобы в одиннадцатом не разжевывали все, как для дошкольников. Конечно же, здесь не обойтись и без проверки на соответствие ФГОС, и нельзя не проверять учебники на соответствие международным требованиям: что они развивают — память или умение применять полученные знания? Была такая экспертиза после PIRLS, естественно, оказалось, что далеко не все наши учебники работают на развитие читательской грамотности.

В свою очередь, РАН отвечает за экспертизу содержания учебника, проверяет его на соответствие современным представлениям о развитии науки. Это логично и обоснованно, хотя тут тоже можно перегнуть палку. До сих пор в ходу анекдот об одном эксперте академии, который сказал, что в ответе на вопрос о том, сколько будет дважды два, допущена неточность, потому как не указана система счисления...

Вопрос разделения полномочий здесь, конечно же, важен, но не первостепенен. Гораздо важнее, кто проверяет. Пул экспертов надо выращивать, этим надо целенаправленно заниматься, иначе у нас вместо точек зрения будут «кочки» зрения.

И еще я очень боюсь, что весь этот шум вокруг новой экспертизы учебников приведет не к повышению их качества, а к тому, что будет затеяна игра в правильные и неправильные издательства, такие игры мы уже видели неоднократно.

К тому же по большому счету сейчас ни на какую адекватную экспертизу уже нет времени. На календаре февраль, а до того как проверенные по новым правилам учебники попадут в школу, они должны быть не только проверены, но и напечатаны в нужном количестве, куплены, доставлены. До конца учебного года три месяца, не уложимся.

А еще может случиться так, что все это предвестник очередного витка разговоров о едином учебнике. Неужели у нас действительно «слишком много плюрализма в образовании»? А такие высказывания вновь слышны. Я надеюсь, конечно, что идея единого учебника уже снята с повестки дня, но опять-таки боюсь, что можно ее туда вернуть, организовав такую экспертизу, которая будет считать правильным только один учебник.

Даешь «цифру»!

Учительская газета, № 15 от 10 апреля 2018 г.

С введением правительственной программы по цифровой экономике все чаще обсуждается проблематика цифровой школы. Правда, нередко это обсуждение выглядит так: «Сейчас мы поставим доски, компьютеры, откроем ресурсы, запустим сервисы, и все сразу будет в порядке!». А давайте положи руку на сердце спросим себя: что существенно изменилось в содержании или в методиках школьного обучения, после того как мы массово поставили компьютеры и интерактивные доски? Ничего – по-прежнему идет эксплуатация старых технологий во всех смыслах этого слова.

Поставкой железа или созданием цифровых образовательных ресурсов мы проблему не решим, потому что цифровая школа – это не столько здание, наполненное техникой, сколько особая среда. И планировать ее можно, только хорошенько обдумав, из чего складывается такая школа.

Во-первых, из деятельности ученика. Что он делает в здании? На мой взгляд, когда у нас будет цифровая школа, в здании он будет только тогда, когда нужно взаимодействие с другими лицом к лицу: это все, что связано с социализацией и воспитанием, физкультура, лаборатории, потому что все-таки есть предметы, где сколько теории ни учи, а пока не обожжешься щелочью или

не щипнет электрическим током, так и будешь думать, что вся эта наука и есть только на экране компьютера — в виде графиков и формул. В остальном цифровая среда должна освободить ученика от привязки к одному месту — получать знания, сдавать зачеты и экзамены, получать сертификаты об освоении той или иной компетенции он может где угодно: дома, в инфотеке, в специализированных центрах и т.п.

Во-вторых, речь должна идти о деятельности коллектива. На мой взгляд, она должна изменить вектор — от предметной ориентации к организационной — по поводу обучения и воспитания. И главная задача здесь — создание и поддержание мотивации ребенка на получение образования. Этот вопрос, кстати, педагоги и родители должны решать вместе, потому что и те и другие понимают — именно мотивация обеспечивает успешность наших детей. И все равно до сих пор случаются конфликты на тему того, кто и кому больше должен — родители школе или школа родителям.

Большие возможности в цифровой среде открываются и для сетевого взаимодействия педагогов. Оно, по сути, становится формой непрерывного повышения квалификации учителей — не раз в несколько лет, а постоянно, за счет содержательного общения с коллегами.

Третий аспект — сама школа, которая организует информационное пространство вне пределов образовательной организации. Здесь, кстати, очень важно использовать крауд-технологии, потому что решение проблем школы сообща — силами учителей, детей, родителей, местного сообщества — это важный элемент равноправия...

Здесь можно еще много фантазировать и прогнозировать, но главное одно — когда мы все это поймем, обо всем договоримся, вот тогда можно будет переходить к разговору о том, какие нам нужны гаджеты и сервисы. Но одними призывами и лозунгами «Даешь цифровое пространство!» ничего не решишь, выдумывай.

ванием в институтах и исследовательских центрах идеальных моделей тоже, а попыткой спустить сверху программу действий на суконном языке тем более. Из всех возможных методов самым действенным можно считать, пожалуй, передачу передового опыта. В регионах такие почти «школы будущего» уже есть: некоторые возникли сами по себе – от понимания того, как надо, некоторые – при вузах. Пусть они и становятся локальными драйверами изменений. А в основе этих изменений должны быть независимый аудит школы (не для начальства, а для себя) и индивидуальная траектория достижения образа цифровой школы. И у каждой она будет своя.

Верховой ветер

Учительская газета, № 23 от 5 июня 2018 г.

Месяц или два назад я участвовал в дискуссии по поводу возможного разделения Министерства образования и науки. Я говорил, что здесь есть и плюсы, и минусы. Идеальных структур нет. Идеальная структура – это когда схема, которая делается из логических соображений, адекватно накладывается на персоналии. А в реальности случается так, что самая идеальная логическая схема абсолютно не работает при плохой команде, а самая тяжелая оргсхема может быть даже вполне успешной при хорошей. И это мы каждый день наблюдаем на примере российских, да и не только, органов власти...

Безусловно, в разделении высшей школы и науки и общего и среднего профессионального образования есть плюс, хотя есть и минусы. Например, подготовка педагогов для системы школьного образования, которая ведется во многих вузах, теперь попадает в другое ведомство. И в этом плане возникает вопрос о том, как соответствующее министерство будет работать с этими вузами. Напомню, в 1990 году была такая же конфигурация власти в об-

разовании — педвузы принадлежали Министерству просвещения... Это, кстати, одна из серьезных проблем, которые надо будет решать. Помимо этой современному Минпросу придется решать еще и другие задачи, например, надо что-то делать с жуткой перегрузкой школьников. В 5–6-х классах дети начинают хуже учиться не потому, что внезапно тупеют, и не потому, что у них вдруг случается гормональный криз, нет, просто объемы нагрузки, предметной нагрузки, на этих детей начинают настолько сильно превосходить объемы начальной школы, что дети просто не успевают справляться с ними. Нужны ли такие объемы? И вопрос перегрузки надо решать с привлечением психологов и дидактов: методисты никогда не придут к сокращению дидактических единиц в предметах!

Вторая очень жесткая проблема, которая до сих пор не решена вопреки декларациям, — это перегрузка учителя и школ отчетностью.

А третий вызов — это контрольно-надзорные процедуры. Вот ввели ВПР, и уже руководство Рособрнадзора говорит о том, что будет наказывать тех учителей и директоров, которые будут завышать результаты. А как оно будет узнавать, что результаты завышены? Каким таким хитрым способом? Ну и опять налицо контрольно-надзорный зуд.

Что касается высшего образования и науки, то одна из главных проблем, которую придется решать уже другому министерству, — это налаживание более тесного взаимодействия Академии наук и вузов. У нас уже есть примеры такого взаимодействия — это Физтех, Новосибирский госуниверситет, МГУ, СПбГУ, которые прекрасно работают с институтами Академии наук. Но эту практику надо расширять и на все другие вузы. Тем более, что, например, в таких регионах, как Дальний Восток, проблему подготовки кадров высшей квалификации одни вузы не решат. Там ее надо решать только в симбиозе с Дальневосточным отделением Ака-

демии наук. Ну и, конечно, глобальная конкуренция, а президент явно поставил в своем указе такую задачу, и здесь можно выиграть только в тандеме науки и ведущих университетов.

А вообще во времена моей молодости говорили так: любая большая перестройка – это верховой ветер: вверху все гудит, шумит, шишки падают, правда, редко и не всегда по цели. До рядового учителя все эти процессы еще очень долго будут доходить. Можно спокойно продолжать работать. Но при этом внимательно следить за проектами предполагаемых новшеств и активно включаться в их обсуждение.

Внесите ясность!

Учительская газета, № 25 от 19 июня 2018 г.

Сейчас образовательное сообщество будоражат слухи о том, с кем останутся педвузы – с Министерством просвещения или Министерством науки и высшего образования? Говорят, ректоры даже письмо написали с просьбой оставить их организации в Минпросе. Их можно понять: если под эгидой Минпроса педвузы могут оставаться сами собой, то, окажись они подведомственными Министерству науки и высшего образования, их очень скоро могут слить...

Проблема ведь еще и в том, что лишь половина регионов обеспечивается педагогами из педвузов. Вторая половина – это те, кто окончил классические, федеральные, национальные исследовательские университеты... Возьмем, к примеру, Архангельскую область: понятно, что здесь не будут выделять педвуз из состава федерального университета. То же самое в Приморском крае и ряде других субъектов. В целом, на мой взгляд, все переживания о том, где окажутся педвузы, мало осмыслены. Они все-таки должны быть в Министерстве науки и высшего образования. А вот контрольные цифры приема, их распределение надо осуществлять только в кооперации обоих министерств.

Есть еще проблема, которая тоже начинает волновать профессиональное сообщество, — это техникумы в составе университетов. По Закону «Об образовании в РФ» организации высшего образования могут реализовывать любую программу более низкого уровня. Но теперь встает вопрос: кто будет финансировать эти программы? При существующей нормативной базе это прерогатива Минпроса. Но пока непонятно, каким образом этому ведомству теперь будет дана возможность действовать в рамках существующей правовой нормы. А лицензированием и аккредитацией программ ведь вообще занимаются регионы... Так что пока здесь получается очень сложная конструкция: вузы — в Минвузе, программы — в Минпросе, аккредитация — в субъекте.

Очень много разговоров идет о том, где будет единый госэкзамен — в Рособннадзоре или Минпросе? По логике Рособннадзор сугубо контрольно-надзорный орган, поэтому постановка вопроса о том, что государственная итоговая аттестация и ее содержание должны уйти в Минпрос, вполне правомерна.

Ну и последнее, что тоже активно обсуждается, — это судьба Российской академии образования. Вроде бы научные учреждения должны принадлежать Минвузу, но совершенно очевидно, что Минпросу тоже нужно экспертное сопровождение, которое будет заниматься обработкой и анализом статданных, проводить мониторинги, разрабатывать проекты нормативных актов и т.д. Кто теперь будет это делать? Здесь, кстати, возможен возврат к расстановке сил 1990-х годов, когда были и Минпрос, и Госкомитет по науке и высшей школе, и отдельная Академия педнаук, но и у министерства, и у госкомитета были свои институты, которые обеспечивали им экспертное сопровождение. Главная проблема — избежать дублирования, когда одно и то же исследование делается двумя структурами и два раза на одно и то же выделяются деньги.

Все эти вопросы пока остаются открытыми, и все ждут скорейшей ясности, чтобы понимать, к кому апеллировать и с кем ра-

ботать. Внести эту ясность может, пожалуй, только вице-премьер, курирующий это направление. Именно он должен сказать четко, что и как будет в дальнейшем. Правда, в том, что касается педвузов, уже совершенно ясно: запланированные реформы потребуют изменения нормативной базы... и даже указов президента. А это очень и очень непросто.

Не только знаний сила

Учительская газета, № 04 от 22 января 2019 г.

Насколько успехи экономики зависят от эффективности работы системы образования? Давно доказано, что экономическая мощь государства напрямую связана с уровнем развития человеческого капитала. Напомню, что человеческий капитал — это совокупность знаний, умений, навыков, которые используются для удовлетворения потребностей человека и общества. И чем лучше капитал, тем лучше экономика. Капитал же, в свою очередь, напрямую связан с тем образованием, которое человек получает в детском саду, школе, вузе, Доме творчества, музыкальной школе, институтах повышения квалификации и так далее. Поэтому связь между экономикой и образованием, как мне кажется, является абсолютно доказанной.

На сегодняшний день также является уже доказанным тот факт, что так называемые мягкие навыки гораздо важнее огромных объемов информации, усвоенной за период обучения. Навыки эти связаны в первую очередь с критическим и креативным мышлением, коммуникативностью, умением работать в команде и так далее. Кстати, важность всего этого понимали еще в давние времена, этому пытались учить и в советской школе, правда, не всегда успешно. Но сейчас потребность в подобных навыках актуальна как никогда. Мир перестает быть «стационарным» и становится все более и более меняющимся, человеку теперь не-

достаточно однажды полученных в школе и университете знаний, ему необходимо учиться постоянно, всю жизнь. Время талантливых одиночек прошло, сегодня почти все достижения – результат коллективного творчества, труда, и без «мягких навыков» совершенно не обойтись. Да, прочные знания все равно нужны, их никакими навыками не заменишь. Но если есть только знания, толку от них будет мало.

Правда, в народе любят повторять, «кто умножает познания, умножает скорбь», что бывает горе от ума и так далее. Но это уже совсем не о человеческом капитале. Какой толк вам будет от того, что вы выучите наизусть энциклопедию, но не научитесь делать что-то руками, применять эти знания на практике, в конкретных ситуациях? И будет ли обществу польза от вас? Именно поэтому полноценное образование – это не только знания, а еще и умения, навыки, компетенции.

Однако тут есть вот какой момент. Даже если у человека будет все – и огромный запас знаний, и множество самых востребованных «мягких навыков», но не будет желания работать и укреплять экономику страны, вся конструкция в целом тоже будет нежизнеспособной. Иными словами, нужна идея, способная стать неким жизненным стержнем для каждого человека.

А вот это, в свою очередь, переводит нас в русло разговора о необходимости воспитательной работы, о развитии личности, качествах, которые система образования должна помогать формировать у всех учащихся. Например, необходимо развивать в людях чувство ответственности, повышать их мотивацию, предлагать им (или помогать самим определять) цели и смыслы, ради которых они будут жить, учиться, работать. Не зря же мы постоянно говорим, что наша задача не столько научить человека чему-либо, сколько сделать так, чтобы он сам захотел учиться, расти, развиваться.

Но эту проблему, конечно же, силами одной только школы не решить, нужны совместные согласованные действия учителей,

родителей, представителей общественности, власти. И уж, конечно же, одними только уроками тут никак не обойтись. Огромную роль в деле формирования личности играют внеурочные и внешкольные занятия, поэтому повышенное внимание следует уделять системе дополнительно образования.

Надо ли запрещать реформы в образовании?

Учительская газета, № 05 от 29 января 2019 г.

Последние лет 15 часто можно слышать призывы, дескать, давайте прекратим все реформировать и поживем спокойно хоть какое-то время. С одной стороны, это понятно. Как говорит один из моих знакомых, директор школы, «с тревогой захожу в Интернет – вдруг там опять сообщат о каком-нибудь очередном изменении в системе образования». С другой стороны, мир меняется быстро, и эти изменения, хотим мы того или нет, неизбежны. Вопрос в том, насколько предлагаемые реформы обоснованны, просчитаны, нужны именно в этот момент и можно ли обойтись без необоснованных и неоправданных изменений.

Однако для этого нужна серьезная образовательная политика, нужны научные исследования, выстроенная и очень весомая аргументация, подтвержденная статистикой, анализом тенденций и прогнозов. Для этого надо уйти от ручного управления, когда то или иное судьбоносное решение принимается по результатам какого-то отдельного разговора с той или иной знаковой личностью. И не должно быть так, что, услышав однажды сказанное кем-либо на высоком уровне умное слово, люди непременно должны взять под козырек и тут же наперегонки кинуться воплощать его в жизнь.

Поэтому доказательная образовательная политика – то, к чему мы должны стремиться и чего должны требовать от наших руководителей. Это касается всего – введения новых предметов, новых экзаменов, новых программ. Любой из подобных шагов

обязательно должен быть самым тщательным образом обоснован, причем не для какого-то узкого круга специалистов, а именно для широкой аудитории, которой потом и придется со всем этим работать. Например, если вводится новый учебник, надо подробно изложить, чем именно он лучше других, в чем его конкретные преимущества, выраженные в достижении целей, определенных ФГОС, и так далее.

Понятно, что всех убедить нам никогда не удастся. Но оно и не нужно, на самом деле ставку надо делать не на всех вообще, а на людей, которые определяют векторы развития образования. Как минимум – на руководителей школ, ведь именно они принимают ответственные решения на уровне отдельно взятой образовательной организации, а потому делать это они должны предельно осознанно, с пониманием всей важности момента, но никак не потому, что кто-то сверху им приказал. Они должны понимать логику реформ. И логика эта должна быть предельно внятной.

Конечно, всегда есть опасность, что кому-то захочется использовать все доступные методы воздействия на массы, чтобы внушить им какую угодно идею. Тем более что современные технологии позволяют и не такое. Но лично я, например, при анализе любого нововведения в образовании исхожу из следующего: что это дает 1) ученику, 2) учителю, 3) директору. Стало ли им в результате жить легче или сложнее, стали ли они из-за этого более здоровыми, умными, развитыми или нет.

Обратите внимание: в этой схеме отсутствует пункт 4 – государство. Всегда можно сослаться на него, мол, давайте откажем себе во всем необходимом, лишь бы ему было хорошо. Но подобная установка изначально ложна, потому что государство как раз и существует, чтобы сделать жизнь своих граждан лучше и легче. И если оно начнет экономить на образовании, призывать детей и взрослых потерпеть, затянуть пояса, то ему же в результате будет только хуже.

Деление на ноль

Учительская газета, № 06 от 5 февраля 2019 г.

В прошлом номере «УГ» обсуждали идею президента РАН Александра Сергеева о переподчинении ряда школ, чтобы они «максимально эффективно готовили детей к университету и дальше в науку». Выскажу и свое мнение по этому вопросу.

На самом деле в субъектах РФ уже существуют самые различные образовательные школы регионального и федерального подчинения, губернские и президентские гимназии и лицеи. Более того, при каждом крупном университете обязательно есть одна или несколько школ, тесно связанных с ним в плане целевой подготовки абитуриентов для этого вуза. И учится там, как правило, отборный контингент, а попасть туда может далеко не каждый. Все это, разумеется, для того, чтобы умные и одаренные дети могли реализовать себя с максимальной эффективностью.

Но стоит ли нам и дальше развиваться в том же направлении, создавая все больше и больше вот таких «продвинутых» учреждений? Прежде чем ответить на этот вопрос, давайте посмотрим на ситуацию с позиции стороннего наблюдателя.

Начнем с того, что в подобных школах, как правило, созданы куда более комфортные условия как для учебы, так и для работы, там отличная инфраструктура, хорошие зарплаты, а значит, есть возможность и для привлечения высококлассных специалистов. Поэтому совершенно неудивительно, что дети и учителя из обычных школ будут стремиться попасть туда. А в итоге мы получим очередной «пылесос», который вытягивает из других учреждений самых умных, способных и перспективных учащихся и педагогов. Все это неминуемо приведет к еще большему расслоению общества на избранных и всех остальных.

Кроме того, имеет смысл вспомнить, что согласно исследованиям психологов, если из школы изъять отличников, оставшим-

ся не на кого будет равняться в классе, а значит, тем самым мы искусственно снижаем здоровую конкуренцию. То же, кстати, касается и педагогического коллектива. Когда из школы уходят наиболее продвинутые и опытные преподаватели, вряд ли оставшиеся начнут работать «еще лучше, еще веселее». Так зачем же понижать планку?

В лицеях и гимназиях учатся дети родителей, имеющих, как правило, высокий социальный статус (и, соответственно, высокий уровень дохода). Но зачем же в очередной раз создавать очаг напряжения, улучшая жизнь богатым и обедняя бедных?

И потом, давайте уже быть честными до конца: если мы считаем, что в упомянутых главой РАН школах с особым статусом должны учиться лучшие из лучших, есть ли у нас такая же уверенность, что эти люди потом останутся в России и будут работать на ее благо? От себя могу сказать: нет, такой гарантии нам никто не даст. Наоборот, как показывает практика, дети, получившие образование в особых условиях, очень часто становятся «гражданами мира» и уезжают в другие страны, чтобы поднимать их экономику и укреплять их науку. Поэтому я бы не стал «множить сущности сверх необходимого», а внимательно посмотрел, насколько эффективны те продвинутые учреждения, которые у нас уже есть на сегодняшний день.

Идея меритократии, когда руководящие посты отдают наиболее способным и умным людям, выращенным в элитарных учреждениях, хороша лишь на бумаге. На практике же она, увы, приводит к тому, что государством начинают управлять представители обособленного сообщества, касты, куда остальных не допускают по определению. И этим людям чужды проблемы остального общества, что, как можно догадаться, совершенно не вяжется с идеями демократии. А мы ведь хотим жить в демократическом государстве, верно?

Единство и борьба противоположностей

Учительская газета, № 07 от 12 февраля 2019 г.

Про необходимость создания единого образовательного пространства сегодня говорят очень много. И главный аргумент в пользу этого пространства – истории про бедную Машу или бедного Сережу, которые волею судеб были вынуждены переехать из одного региона в другой, а в новой школе вдруг оказалось, что там учатся по совсем другим учебникам и совсем другим программам, из-за чего новички сразу же становятся аутсайдерами.

Однако давайте посмотрим на эту проблему под иным углом. Если в одной и той же школе, в одной и той же параллели ученика переведут из класса «Д» в класс «А», разве не станет это для него таким же стрессом или даже трагедией? Ведь требования к детям из этих классов вполне могут быть очень разными, поскольку, как известно, в один класс нередко набирают самых умных, в другой – обычных, в третий – тех, кто остался. Поэтому требование ввести для всех единую программу и единый учебник не является гарантией сохранения единого образовательного пространства, так как по этим учебникам и программам работают разные учителя, которые по-разному преподают для разных детей.

Любой разумный учитель, хотим мы этого или нет, обычно выделяет в каждом классе три группы учащихся – сильных, слабых и середнячков. При этом 90 процентов времени он работает именно с середнячками, остальные же либо «сами справятся», либо «уж на троечку-то наскребем». Так вот, нормальный педагог любой учебник всегда будет использовать только как опору, а основной массив дидактических и методических материалов привлечет со стороны, в зависимости от контингента, с которым имеет дело. Поэтому вряд ли можно всерьез говорить о том, что нам необходима унификация учебников и программ, без которой невозможно сформировать единое образовательное пространство.

Даже если завтра решат, что всем учителям нужен вообще всего один-единственный учебник, все равно учителя будут работать с разными детьми по-разному.

С другой стороны, совершенно справедливо требование привести все к единому знаменателю, как минимум в том, чтобы ученики одного и того же класса из Калининграда и Магадана, Ставрополя и Нарьян-Мара понимали друг друга и имели полное право к концу года получать не менее того объема знаний, умений и навыков, который закреплен госстандартами. Это важно и для сохранения преемственности поколений, чтобы бабушки и дедушки, родители и дети оперировали едиными культурными и историческими понятиями.

Но каким образом это сделать? Только предъявлением ко всем учащимся единых требований по итогам обучения, пусть и с разделением на базовый и профильный уровни. Все ученики нашей страны, которые находятся в этом едином образовательном пространстве, должны на выходе получить единый джентльменский набор компетенций, знаний, умений и навыков. Будет больше – хорошо, но никак не должно быть меньше того, что определено и закреплено в нормативных актах. В этом смысле обязательный ЕГЭ по математике и русскому языку действительно выровнял ситуацию в целом по стране, поскольку он основан именно на единых КИМах и проводится по единым для всех требованиям.

Поэтому не стоит делать культ ни в разнообразии, ни в единообразии подходов. Гармония возможна в грамотном сочетании одного и другого.

Горе от ума

Учительская газета, № 08 от 19 февраля 2019 г.

Говорят, власть у нас заинтересована в том, чтобы система образования плодила тупых и преданных граждан. Позволю себе с

этим не согласиться. Как минимум потому, что власть у нас очень неоднородная. Одни ее представители хотят одного, другие – другого, третьи сами не знают, чего хотят. Правда, тут можно четко выделить две категории «властителей».

Первые стремятся к максимальной управляемости общества, чтобы все решения сводились к классическому «как я сказал(а), так и будет!». И им совершенно неинтересно, чтобы их приказы, указы и распоряжения кто-то обсуждал, ставил под сомнение. К сожалению, таких людей хватает и в правительстве, и в Госдуме, и в Совете Федерации. И именно они выступают за сохранение традиций авторитарной школы, чтобы у нас были только один учебник, одна программа, единая форма, единая трактовка всех исторических событий.

Представители другой категории понимают, что, если мы хотим быть успешными и конкурентоспособными на мировой арене, нам нужно делать ставку не только на ядерное оружие, но и на развитие человеческого капитала. К счастью, сторонников этой точки зрения у нас становится все больше.

Чтобы страна могла развиваться, нам всем нужно научиться мыслить стратегически, понимать, что надо сделать сегодня, завтра, через год, десять и более лет. А это возможно, только если люди перестанут быть пешками, тупыми исполнителями чьей-то воли, научатся смело высказывать свою точку зрения, критиковать чужие и предлагать свои решения, нести ответственность за слова и действия, а не сваливать все на тех, кто ими руководит.

Я не очень люблю Черчилля, но мне нравится его фраза о том, что «демократия – наихудшая форма правления, если не считать всех остальных». Да, в условиях демократии нужно разговаривать с народом, убеждать его. Это гораздо сложнее, чем просто приказать и потребовать исполнения. Но компромисс возможен лишь в том случае, если люди понимают, что именно от них нужно, имеют право голоса и право выбора.

Правда, тут нужно вот еще о чем вспомнить. На сегодняшний день вряд ли можно найти где-либо кристально чистую модель авторитарного или, наоборот, демократического государства. Как правило, все существующие модели располагаются между этими полюсами, используя самые разные способы манипулирования сознанием масс. Иногда мы вроде бы наблюдаем картину всеобщего торжества демократии, а на поверку оказывается, что там всем заправляют отдельные кланы, группировки и семьи. И наоборот: вроде бы безусловный авторитаризм, но люди в нем могут вести очень осмысленное существование, выражать свою точку зрения, что-то предлагать, с чем-то не соглашаться.

Кстати, если вспомнить, университеты всегда были «рассадником инакомыслия». И именно потому, что люди там не просто получали знания, а учились использовать их для анализа событий, явлений, процессов, учились иметь собственное мнение. И перед представителями власти всегда был выбор, что с этим делать: либо все закрыть и разогнать, либо пытаться взаимодействовать с умными людьми, а еще лучше — сделать их своими союзниками, советниками. Как? А вот тут не обойтись без создания единой системы ценностей, которую бы разделяли все жители государства или хотя бы большинство из них. Это, например, когда за слова о том, что как жаль, что в 1941 году Гитлер не захватил СССР, человек сразу же получает по морде и окружающие этому аплодируют.

Под градусом патриотизма

Учительская газета, № 09 от 26 февраля 2019 г.

У всех на слуху скандал с учебником по экономике за авторством Игоря Липсица, к которому предъявили претензии по поводу якобы его «непатриотичности». Попробуем подняться над проблемой и поговорить о ней отвлеченно.

Многие помнят, какой резонанс вызвали в свое время сборники задач по математике и физике Григория Остера, написанные им в точном соответствии с его же «Вредными советами»: «Толя поспорил с Колей, что съест 5 баночек гуталина, а съел только 3. Сколько баночек гуталина не смог осилить Толя?», «Если схватить Петю и резко встряхнуть, из карманов у него вылетят гвозди, ножик, рогатка, камешки, пробки, кусочки свинца и 144 рубля мелочью. В чем причина такого удивительного явления природы?» и так далее. Многие сильно возмущались, чему автор учит детей, как вообще такое возможно!

Но это по большому счету просто проблемы восприятия юмора, пусть и «черного». Кто шуток не понимает, тому оно противопоказано. А ведь бывают и другие крайности, когда в книгах, предназначенных для школьников, публикуют рецепты взрывчатых веществ, способы приготовления ядовитых и наркотических веществ. Это уже совсем другой уровень претензий. Есть и гораздо более грубые примеры. Например, в одном учебнике истории автор предлагал ученикам доказать, что в России в 90-е годы XX века произошел переворот. Этот и другие, подобные ему, примеры, конечно же, вызывают озабоченность как у экспертов, так и у простых граждан.

Однако давайте задумаемся: а что вообще должно и чего не должно быть в учебнике, который призван не только обучать, но и воспитывать, укреплять нравственность ребят? Как минимум там не должно содержаться информации, которая нарушает законодательство, учит плохому (в контексте УК).

У умного учителя упомянутый задачник Остера не вызовет никакой болезненной реакции. Он ведь и так понимает, что нормальные дети никогда не будут воспринимать описанное как руководство к действию, ведь у них уже сформированы паттерны «что такое хорошо» и «что такое плохо». И хороший учитель всегда найдет возможность обыграть любую ситуацию, в том числе и

остеровскую, так, чтобы заставить ее служить на пользу образовательного процесса.

Что же до патриотизма, то, конечно же, можно написать в учебнике очень много хорошего про свою страну, сказать, что Россия — родина слонов, наш президент самый лучший в мире и у нас вообще все замечательно. Можно даже заставить детей все это выучить и сдать на «отлично». Но опыт СССР показывает: если изучаемое идет вразрез с наблюдаемым ежедневно, толку от заученного материала ноль, а двоемыслие никогда не способствует душевной гармонии.

О том же самом говорит нам и опыт христианства, которому более 2000 лет. Можно выучить все заповеди и даже все Священное Писание, но если оно не проникло тебе в сердце, не стало частью тебя, ты всегда будешь говорить одно, а делать другое. Что плохо, по сути.

Учебник не обязан реагировать на сиюминутную конъюнктуру рынка. Вот сейчас мы под санкциями, а через год, скажем, их снимут, так зачем же, спрашивается, весь учебник ориентировать под них? Между тем Липсица в этом и упрекают. Хотя это должно быть на совести учителя.

Не надо искать красных под кроватью. Иначе все это приведет к наступлению «черной сотни».

И последнее. Кардинал Ришелье сказал: «Дайте мне страницу текста, и я подведу автора под виселицу». Так вот, не стоит руководствоваться этим принципом, потому что однажды мы сами рискуем попасть в ту же самую ловушку.

Кто и что угрожает русскому языку?

Учительская газета, № 10 от 5 марта 2019 г.

В последнее время все чаще говорят о необходимости защитить русский язык, которому угрожает опасность. Между тем, как мне кажется, его главные враги — это наши доморощенные ура-па-

триоты. Потому что, когда какой-нибудь высокопоставленный чиновник заявляет, мол, «русский язык должен стать родным для всех жителей России», это на самом деле вызывает прямо противоположную реакцию у всех, кому предлагается их собственный родной язык заменить на русский.

Но если брать в мировом масштабе, то с русским не все так просто. С одной стороны, интерес к русскому языку на постсоветском пространстве начинает расти. В первые годы после распада СССР была попытка сохранить русский язык только для определенных слоев населения, однако сейчас он все больше возвращает себе статус одного из языков международного общения. Люди начинают понимать: знание не только английского, но и русского языка намного увеличивает возможности для них самих и их детей во всем мире.

С другой стороны, популярность языка напрямую связана с уровнем развития экономики и с открытостью нашего общества. Во многих странах наш язык стали изучать именно после того, как между народами выстроились прочные и тесные связи в плане туризма, торговли, обмена студентами и так далее. Вспомните, что сейчас в отелях и ресторанах всего мира служащие нередко владеют русским языком, чтобы иметь возможность общаться с нашими туристами, понимать их. А ведь если в отеле нет туристов, а в магазинах и на рынках покупателей, нет и смысла учить чужой язык. Пока учат. Но что будет дальше?

И если честно, я не верю, что русский язык здесь способен выдержать конкуренцию с английским. Он для этого слишком сложен. Да и к тому же романо-германские языки в мире распространены гораздо шире, поэтому людям, которые разговаривают на французском, испанском, немецком, португальском и так далее, выучить английский гораздо легче, чем русский.

Есть еще одна проблема, связанная с тенденцией вытеснения кириллических алфавитов латинским, что мы наблюдаем на постсоветском пространстве. Но само по себе использование кирил-

лицы вовсе не означает, что эта страна по умолчанию относится к нам лучше остальных. Достаточно вспомнить хотя бы Болгарию, где такая же кириллица, как и у нас, и даже языки похожи, но братушки нам друзья только на словах. Зато Казахстан, который обещает к 2025 году полностью перейти на латиницу, в этом плане гораздо более дружелюбное для России государство.

А вот засилье иностранных слов в русском языке вызывает куда большую озабоченность. Ну зачем, скажите, засорять свою речь словами, которым у нас есть стопроцентные аналоги? Я еще могу понять, когда, например, представители IT-отрасли используют огромное количество терминов английского происхождения, медики – латинского и греческого, музыканты – итальянского, ведь здесь есть своего рода традиция. Но если у нас есть слово «товаровед», зачем нам «мерчандайзер»?

Некоторые специалисты говорят, что русский язык не раз переживал нашествие иностранных слов – голландских, французских, арабских, татарских, и ничего, справлялись. Часть из них приживалась и становилась нашими собственными (кровать, лошадь, помидор, огурец, кафтан), другие забывались и исчезали. Все это так, заимствования обогатили русский язык. Но не стоит злоупотреблять. Потому что, если проглотить очень много чужого, может наступить несварение.

Ни много, ни мало

Учительская газета, № 21 от 21 мая 2019 г.

Что лучше – одно министерство, которое занимается всеми вопросами образования, или столько ведомств, сколько уровней образования существует? Ответа на этот вопрос, к сожалению, до сих пор не нашли не только в нашей стране, но и за рубежом.

В разные времена у нас были Народный комиссариат просвещения, Госкомитет по профессионально-техническому образова-

нию, Министерство науки и технической политики, Министерство просвещения, Министерство высшего и среднего специального образования, Министерство образования и науки и так далее. Высказывались самые неожиданные предложения, например, что дошкольное образование слишком отличается от всего остального, поэтому для него нужно создать отдельное министерство. Кроме того, говорили, что школа существует только для того, чтобы готовить людей в институт, а значит, школу можно считать неким несамостоятельным элементом довузовской подготовки, и руководить им должны те, кто представляет вузы и науку. В то же время поступали предложения о создании Министерства труда и профессионального образования, поскольку именно рынок труда должен формировать заказ высшему образованию, сколько и каких специалистов ему нужно.

Однако поговорка «Вместе тесно, врозь скучно», равно как и философский принцип единства и борьбы противоположностей, постоянно мешала найти счастье как в полном объединении, так и в тотальном разделении органов управления. С одной стороны, когда министерств становилось больше одного, сразу же начинались жалобы на наличие межведомственных барьеров. Но как только школу объединяли с вузами, а вузы с наукой, тут же возникала проблема – как удержать баланс между уровнями образования (ведь каждый уровень самоценен, а не только подчиненная ступенька для обеспечения подъема на следующий) и создать единую картину всего, что происходит в стране?

Как это нередко бывает, периодически возникало сильное желание просто заимствовать ту или иную схему межведомственного взаимодействия у иностранцев, в первую очередь у тех стран, где с образованием и наукой полный порядок. Однако быстро поняли: чужой опыт можно учитывать, но нельзя тиражировать, ибо он работает только в этой стране, с этими людьми и на этом историческом этапе. Во многом по этой причине у нас не при-

жилась новозеландская модель, которая предусматривала разделение ведомств на агентства, службы и министерства. Там, у них, она себя отлично показала – страна небольшая и на тот момент достаточно гомогенная по определению целей и стратегии развития государства. А здесь, у нас, так и не удалось распределить функционал и полномочия таким образом, чтобы Министерство образования занималось только политикой, агентства – финансированием и управлением, а Рособнадзор – только контролем и надзором. В нашей стране почему-то получилось так, что на первый план все время выходили именно надзорные сюжеты.

Кроме того, почти каждый новый чиновник, который приходил руководить образованием и наукой, имел свои собственные представления о том, как оно должно быть на самом деле, и начал строить систему исходя из своего собственного единственно правильного видения будущего. А истина, как известно, рождается в споре.

Для России очень важно при обсуждении схем управления помнить о нашем федеральном устройстве и искать баланс полномочий между уровнями власти, а не пытаться все взвалить только на уровень Федерации или, наоборот, делать ответственными за наши беды только региональные или, пуще того, муниципальные власти.

И наивно предполагать, будто какая-то схема, однажды себя хорошо зарекомендовавшая, будет эффективна всегда и везде.

Тяжко бремя свободы

Учительская газета, № 22 от 28 мая 2019 г.

Негосударственные (их еще называют частными) образовательные организации выполняют те же функции, что и государственные. Однако их нередко противопоставляют друг другу. Хотя, казалось бы, почему?

Предками частных школ по праву можно считать авторские школы, созданные советскими учителями и учеными, которым было тесно существовать в рамках определенных государством ограничений на содержание учебного материала, методики и так далее. Расцвет авторских школ приходится на вторую половину 1980-х. Именно тогда страна узнала о школах развивающего обучения Эльконина – Давыдова и Занкова, школах диалога культур Библера, школах коллективного способа обучения Дьяченко и так далее. Однако уже тогда они не вписывались в государственную структуру, хотя и умудрялись существовать внутри нее.

В 1992 году Закон «Об образовании» разрешил открывать негосударственные учреждения образования, и многие из этих школ сразу же стали частными. Но, повторяю, у них уже был создан для этого фундамент, им всегда было тесно развиваться в рамках существующих ограничений.

Говорят, только частники знают, что людям на самом деле надо. Тем не менее, когда закон дал всем педагогам право открывать свои собственные школы, далеко не все бросились реализовать эту возможность. Почему? Видимо, потому, что это надо лишь тем, кому реально приспичило, кто этого давно хотел и кому не терпится. А остальным легче и проще идти в едином строю и под единым управлением. К тому же очень скоро выяснилось: вроде бы все требовали дать им свободу, но, когда они ее получили, большинству потребовались инструкции, что с ней делать. Потому что «тяжкое бремя свободы» не просто слова, мало выступать против гнета режима, надо еще и четко представлять себе, как ты будешь жить вне этого гнета, откуда у тебя возьмутся ресурсы, которые тебе раньше этот режим гарантировал.

Некоторые считают, что это как в случае с отменой крепостного права. Мол, те, кто под государством, – это рабы, крепостные, они не могут жить без помещика-хозяина, и только частники по-настоящему свободные люди, хозяева своей судьбы. На самом

деле у государственных людей тоже есть своя воля, просто они приняли общие правила совместного существования и придерживаются их. А другим тесно жить в рамках этих правил, и они стремятся выйти за границы этих требований.

На сегодняшний день те, кто решается создать частную школу, рассматривают это прежде всего как бизнес-модель, что совершенно естественно. Но главная идея любого бизнеса – получение прибыли. И как в любом бизнесе, тут ты можешь рассчитывать только на себя. Получилось – успешно развиваешься и получаешь хорошие деньги. Нет – прогораешь и разоряешься. С государственными и муниципальными школами такое невозможно.

Существуют ли формулы, позволяющие определить соотношение частных и государственных школ для получения максимально качественного образования в обществе в целом? Сегодня в России более 40 000 школ, из которых лишь 400 – негосударственные. Много это или мало? И значит ли это, что, чем больше частных школ в стране, тем образование там лучше?

Тут уместно вспомнить Гумилева, который говорил, что в любом обществе количество пассионариев исчисляется единицами. А ведь именно пассионарии – это те люди, которые имеют свои собственные идеи, убеждения, готовы их отстаивать и продвигать в массы. Пожалуй, именно они и открывают частные школы.

Верую, ибо абсурдно?..

Учительская газета, № 41 от 8 октября 2019 г.

Теология – это, как ни крути, «наука о Боге». Нужна ли она в светской образовательной организации? Сомнительно. Вот с религиоведением все куда более понятно, ибо тут есть предмет изучения – история религиозных культов, люди, наследие, памятники, реликвии, герои и так далее. Это необходимо знать всем нам, поскольку мы живем в социуме, где люди разных религий постоян-

но общаются друг с другом, и нужно уметь понимать, в чем заключаются их ценности и убеждения.

Невозможно понять историю Российского государства, не обращаясь к православным хроникам, в том числе к истории церковных расколов. Но и ислам, и буддизм, и различные ветви христианства тоже играли важную роль в российской истории. И, конечно же, многочисленные секты, которые тоже оказывали и оказывают огромное влияние на людей. Обо всем этом надо знать, чтобы понимать литературу, живопись, архитектуру, скульптуру, которые зачастую вне религиозного контекста лишены смысла. На мой взгляд, невозможно понять Достоевского, не зная православной тематики. Не зная мусульманской или буддистской культуры, культуры иудаизма, нельзя понять многие произведения выдающихся творцов мировой культуры. Мы живем во времена глобализации, и чтобы иметь представление, что нас ожидает завтра, надо знать не только свою культуру, но и этические, и моральные мировоззрения (которые, как правило, базируются на соответствующих религиозных воззрениях), господствующие в других странах. Желательно – всем.

На мой взгляд, не надо на занятиях в светских школах и вузах призывать молодежь выбрать себе истинную веру, нужно просто рассказать им про основные постулаты разных религий в историческом аспекте. Думаю, что даже истинно верующим людям целесообразно рассказывать не только об одной, «своей», религии, но и о других конфессиях. Рассказывать про Будду, Иисуса, Магомета, Яхве и так далее. Можно было бы рассмотреть (опять же в историческом разрезе) различные системы взаимоотношений человека и Бога, показать, как возникали различные религии, как создавались и развивались храмы, как взаимодействовали светская и церковная власти и т.д.

Поэтому я полностью за религиоведение, но не поддерживаю теологию. Для меня, как ученого, она не является наукой как та-

ковой, ибо в ней отсутствует главный атрибут – доказательность. Теология основывается на вере, вспомните приписываемое Тертуллиану «Верую, ибо абсурдно», ей не нужны гипотезы и теории, ведь ты либо веришь, либо нет, поэтому тут бессмысленно что-либо проверять и подтверждать опытным путем. В классических науках есть система доказательств, есть качественные и количественные эксперименты, а также многое другое.

А вообще, если подходить к делу с разумных позиций, то человек должен иметь право выбора. Нравится ему теология – пусть изучает теологию, нравится религиоведение – пусть изучает его. Но делать, повторюсь, весьма спорный предмет не факультативным, а обязательным для студентов – это что-то очень странное. Особенно если все осуществляется за государственные деньги. В частных учебных заведениях – пожалуйста. Вряд ли кто-либо будет спорить, что в православной школе теология более чем уместна, равно как и в мусульманской, но пусть процесс финансируют конфессии, а не государство, потому что как-то странно вовлекать в него всех остальных, включая атеистов.

Верить в кого-то или не верить – личное дело каждого человека. Но знать, какие веры бывают, должен каждый гражданин. Теология же на этот вопрос, на мой взгляд, беспристрастно ответить не может.

В списках не значится

Учительская газета, № 11 от 17 марта 2020 г.

Какие предметы в школе следует изучать обязательно, а какие – по выбору? На самом деле здесь мы являемся заложниками традиций, поскольку люди привыкли изучать те предметы, которые изучали их отцы и деды. Поэтому если уж кому-то захочется что-то в этом списке поменять, то лучше всего действовать эволюционно, а не революционно, и все время искать компромиссы, стремиться договариваться.

Но делать это должны не учителя между собой, а педагоги и родители учеников. Не думаю, что имеет смысл проводить какой-то референдум и опрашивать всех граждан страны, в конце концов далекие от школы люди могут много чего напридумывать, а семья и школа должны будут все это расхлебывать.

Разумеется, полного и абсолютного единодушия тут мы никогда не добьемся, всегда найдутся те, кто скажет, что без обязательного изучения в школе Закона Божьего, латыни и каллиграфии все образование теряет всякий смысл, а кому-то поперек горла встанут иностранный язык и технология. Но как минимум нужно понимать, кто «за», кто «против» и почему.

А вот на следующем этапе можно пригласить к диалогу ученых, философов, культурологов, писателей, политиков, психологов. И они должны в публичном пространстве обсудить перспективы образования, обозначить запросы, которые государство формирует перед школой, сказать, какие знания, умения и навыки необходимы нашим детям на современном этапе развития общества, в контексте международных тенденций.

В результате мы должны прийти к компромиссам по вопросам того, сколько часов следует предоставить под изучение того или иного предмета, с какого возраста следует начать его изучение и т. п. Подчеркиваю особо: педагоги в этом процессе должны участвовать обязательно, но ни в коем случае не нужно доверять поиск решения проблемы только им одним! Иначе ничего не изменится ни на йоту, ибо вряд ли кто добровольно согласится на то, чтобы его предмет урезали или вообще ликвидировали.

Примерно такой же подход сейчас успешно, как мне кажется, реализуется относительно обсуждения новых государственных стандартов. Что очень важно, в комиссию, которая отвечает за подготовку итогового варианта, входят люди, призванные не допустить предметного лоббирования, то есть представители надпредметных сообществ.

Есть еще один серьезный момент. Гораздо важнее не набор предметов сам по себе, а их содержание и результаты образования. Если мы на уроках музыки будем требовать от детей только петь, а на уроках изо — рисовать, то вряд ли нам удастся привить любовь и интерес к этому роду занятий у тех, у кого нет ни слуха, ни чувства перспективы.

Значит, надо предусмотреть возможность творческой занятости всех категорий детей на всех предметах, но с учетом их особенностей, чтобы каждый мог найти для себя то, что его заинтересует. Пусть человек физически слаб и по состоянию здоровья освобожден от уроков физкультуры, это не значит, что он должен на этих уроках ничего не делать. Ему, может быть, очень интересно изучать спорт в контексте литературного, архитектурного, музыкального и прочего наследия. И так со всеми другими предметами и предметными областями.

Наконец, какие бы предметы мы ни выбрали, обязательно возникнет проблема оценивания. И тут мы снова возвращаемся к тому, что, возможно, следует все предметы поделить на два уровня изучения — базовый и профильный, а также в ряде случаев предусмотреть помимо балльной зачетную систему. Но это, как говорится, отдельный разговор...

Онлайн, офлайн и фейс-ту-фейс

Учительская газета, № 14 от 7 апреля 2020 г.

Дистанционное образование не является каким-то ноу-хау. В былые времена оно у нас было очень хорошо известно под именем заочного образования. Относительно его качества можно говорить много, но главная задача, которая, кстати, до сих пор не решена, — это мотивация учащихся.

Если студент окончил техникум, пошел работать на завод и там решил сделать карьеру, ему надо было обязательно поступить

в вуз (например, заочно) и стать инженером. Причем знания ему были совершенно необходимы, иначе бы он просто не получил диплом. Поэтому учебная мотивация такого студента была вполне обоснована. А вот если человек уже работает, скажем, в торговле, но ему для каких-то целей понадобились «корочки», то тут вполне возможна полная имитация при отсутствии желания учиться. «Зачем мне ваши высшая математика и античная философия, ведь я и так хорошо зарабатываю, без ваших университетов, а что до диплома, то он нужен просто так, для “галочки”!»

Словом, для человека мотивированного заочное образование (включая школьный экстернат) вполне может быть качественным. А теперь давайте сравним это с тем, что есть сегодня. Сейчас есть три группы проблем.

Первая касается соотношения онлайн- и офлайн-образования. Одно дело, когда тебе по Интернету присылают задания, которые ты можешь выполнять в любое удобное для тебя время, и другое – в строго определенное время выходить на связь с учителями разных предметов. Возможно, главная беда нынешнего момента в том, что всех обяжали перейти на дистанционное обучение, подразумевая под ним именно его онлайн-версию. А это значительно сужает пространство для маневра! Скажу больше: многие дети прямо говорят, что от занятий, которые требуют постоянного нахождения за компьютером в режиме вебинара или лекции, они устают гораздо сильнее, чем в школе.

Вторая группа проблем заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев полноценное среднее образование дистанционно получить можно лишь при условии организации практической деятельности. Чтобы на физике дети ставили опыты с электричеством, на химии смешивали настоящие вещества в пробирках, а не на экране, на уроках технологии реально собирали лего-конструкции или роботов и так далее. А сейчас этого нет. Поэтому нам имеет смысл внимательно изучить опыт Австралии,

где много расположенных друг от друга фермерских хозяйств, и детей сложно доставлять каждый день из дома в школу. Там организовали одновременно три формы – онлайн-, офлайн- и фейс-ту-фейс-образование. То есть вступительное занятие по Интернету проводят для всех, открывают общий чат, а потом каждый ученик получает либо компакт-диск, либо набор файлов с заданиями, которые надо выполнить. И если у него что-то не получается, всегда можно спросить у одноклассников в чате, поискать информацию в Сети или задать вопрос учителю. Каждую неделю проходят коллективные консультации с педагогами. Но время от времени всех ребят обязательно вывозят в школы, где они работают с приборами, реагентами и инструментами. То есть практика – обязательное условие полноценного образования. Итоговая аттестация, где это возможно, проходит с использованием компьютерного тестирования, а где требуется творчество – при непосредственном общении с экзаменатором.

Наконец, третья группа проблем связана с образовательным контентом, по которому работают наши учителя и ученики. Кто сказал, что современного школьника надо учить именно этому и в таком объеме? Наше среднее образование до сих пор страдает избыточностью и несбалансированностью. Но это касается как заочного, так и очного образования.

Право допуска

Учительская газета, № 15 от 14 апреля 2020 г.

В свое время благодаря усилиям Людмилы Вербицкой, возглавлявшей тогда РАО, право работать в школе получили студенты и выпускники классических университетов. Позже в этот список решили внести и студентов педвузов. Затем стали говорить о том, что неплохо бы дать такое же право всем, кто имеет высшее образование, как это было когда-то давно, еще во времена СССР.

Однако все эти добрые намерения упираются в другое намерение – ввести профстандарт, согласно которому в образовательных организациях имеют право работать только те, кто сдал профессиональный экзамен. И приходится как-то совмещать два этих разнонаправленных вектора, учитывая требования текущего момента. На мой взгляд, если человек имеет высшее образование как элемент общей культуры, хочет работать в школе и готов потратить время на подготовку к сдаче экзамена на профстандарт, его вполне можно допустить к преподаванию даже авансом при наличии обязательства, скажем, в течение года пройти соответствующие курсы без отрыва от производства. Это легко осуществимо сейчас, когда есть столько интернет-сервисов, дистанционных курсов и прочих возможностей.

Надо исходить не из чисто казенного факта наличия или отсутствия соответствующего диплома, а из конкретной реальности. Все мы прекрасно знаем, что есть люди, пришедшие в школу из науки, армии или от заводского станка и ставшие отличными учителями, которых дети любят и уважают. А есть те, кто окончил педвуз или педфакультет с красным дипломом, но к детям их подпускать нельзя на пушечный выстрел, да они и сами не горят желанием.

Также надо учитывать, что на многие уровни (технология, музыка, изо и т.п.) было бы очень полезно пригласить тех, кто разбирается в теме глубже, чем школьный учитель. И если детям предлагают делать роботов, то почему бы не дать возможность заниматься этим выпускнику технического университета по специальности «робототехника»? Тем более что система дополнительного образования в классических и инженерных университетах дает возможность людям пройти курсы и получить документ на право работать с детьми. И многие студенты готовы за это даже платить, ибо они понимают, что наличие такого диплома заметно повышает их шансы на трудоустройство. По моим данным, в ряде

вузов до 20% выпускников, окончивших такие курсы, нашли себя именно в преподавательской деятельности, работая в школе.

Не стоит забывать и о большом потенциале сельской интеллигенции, который можно и нужно привлекать для сотрудничества с малокомплектными школами. Учителя там порой вынуждены вести по несколько предметов, из-за чего страдает качество преподавания, а ведь в округе могут жить и профессиональные агрономы, и ветеринары, и лесоводы, и врачи. Неужели нельзя дать этим людям минимальную педагогическую подготовку и разрешить им преподавать химию, биологию, географию, технологию?

Безусловно, в начальных классах с детьми должны работать только «чистые» педагоги, с хорошим профильным образованием, глубоким знанием педагогики, психологии развития и методики преподавания. Но если «образование есть обучение, воспитание и развитие», то почему бы не попробовать в старших классах привлекать к преподавательской деятельности самих старшеклассников, которые пусть и не педагоги, но часто очень хорошо знают предмет и могут легко научить этому одноклассников? В конце концов разработанный Виталием Дьяченко коллективный способ обучения предполагает именно это.

На пути к идеалу

Учительская газета, № 16 от 21 апреля 2020 г.

Нынешние учебники у людей вызывают много нареканий. При этом каждый знает, чем они плохи. А вот каким должен быть идеальный учебник – не знает никто. И это правильно, ибо очень многое зависит от задач, которые мы перед собой ставим. Если вы готовитесь стать инженером, вам нужен один учебник. Если для вас главное – сдать ЕГЭ на 100 баллов, нужна уже совсем другая книга. А если важно вывести страну в топ-10 по PISA – это вообще отдельный разговор.

Напомню, что большинство действующих учебников – это наследие Яна Амоса Коменского, который пропагандировал всеобщую, то есть стремился всех научить всему. Он жил в эпоху Реформации, и для него было очень важно, чтобы дети могли читать единые религиозные тексты. Но Коменский выравнивал детей по нижнему уровню, из-за чего мы в итоге получили проблемы массового заучивания, потери интереса к учебе у одаренных детей и так далее. Что в конечном счете мешает общему развитию детей.

Очень хорошие (для своего времени) учебники были у Ушинского, Магницкого, Киселева и целого ряда других знаменитых педагогов. Но потом наши изобретатели-методисты решили для чего-то усовершенствовать их творения с учетом нового времени. В итоге получилось нечто крайне громоздкое и неудобоваримое, перегруженное содержанием. Потому что современной школе нужны качественно новые решения.

В этом плане для меня образцом учебника является тот, который развивает не столько память, сколько воображение, развивает интерес, ориентирует на решение проблем, которые хочется решать. Ребенка надо заинтересовать, зацепить, удивить, потом предложить ему задуматься – а почему так – и вместе с ним искать правильный ответ.

В новом учебнике должна быть предусмотрена связь с цифровым пространством. Не всем нравятся химия, математика или история в углубленном или, наоборот, стандартном варианте, поэтому учителя должны иметь право выстраивать собственную, облегченную (или усложненную) линию изучения материала. В бумажном варианте сделать это нереально. Зато очень легко в электронном. Современные дети способны усвоить гораздо больше информации сверх того, что есть в книге, но только если все это дается им дополнительно, через видео, анимацию, звук, наглядность. ИКТ позволяют реализовать индивидуальный подход, о котором все сегодня так много говорят, гораздо лучше, потому

что каждый может сам организовать процесс достижения посильной ему цели.

Напомню, что даже в советские времена, когда мы работали по самым лучшим (как многие считают) учебникам, все равно почти каждый педагог считал своим долгом переработать материал под себя, что-то пристегнуть к нему из дополнительной литературы, книг, периодики. Но о чем это говорит? О том, что если человек вынужден выдумывать к каждому уроку кучу всего, готовить массу разных заданий, делать самому или искать где-то схемы, таблицы, графики, значит, об идеальном учебнике говорить не приходится. А вот если предположить, что все это, плюс в миллион раз больше, есть в облачных хранилищах, на профильных сайтах и порталах и существующий учебник (он, кстати, вполне может оставаться и бумажным) ориентирован на работу с этим массивом, значит, мы на пути к идеалу. Более того, у учителя появляется время на то, чтобы обсуждать с детьми «точки удивления».

Но, повторяю, я за то, чтобы обучение начиналось с удивления. А книга и интернет-ресурсы уже должны помогать в понимании, что, как и почему.

Один в поле не воин?

Учительская газета, № 21 от 26 мая 2020 г.

Мы живем в эпоху, когда очень много говорят о необходимости развивать у детей компетенции, из которых в мире будущего наиболее востребованными станут «4К»: коммуникация, кооперация, креативность и критическое мышление. И когда об этом говорят, каждый раз подчеркивают, что время одиночек прошло, в XXI веке все крупные и значимые открытия совершаются целыми коллективами ученых, следовательно, важно уметь работать в команде, чтобы достичь успеха совместными усилиями. Но так ли это?

На самом деле открытия в области химии, физики, биологии, медицины и целого ряда наук, где необходимо сложное и дорогое оборудование и в процессе задействовано много людей, были, есть и будут. Здесь успех действительно возможен лишь в команде, ибо одному это не под силу ни материально, ни физически. Лично я не верю, что сегодня кто-то у себя на кухне или в гараже способен открыть нечто невероятное. Исключения возможны, но лишь в единичных случаях. В экспериментальных науках это абсолютно нетипично.

Но вот что касается математики, то тут я бы поспорил. Сколько бы ни говорили о том, что теорему Ферма, гипотезу Римана или проблему Пуанкаре могут пытаться доказать тысячи ученых, согласитесь, делают они это отнюдь не всем колхозом, а каждый сам по себе. То есть теоретические работы были и останутся делом одного, максимум двух человек, но никак не целой группы.

Надо особо отметить, что сегодня все больше и больше открытий совершается на стыке наук, при глубоком взаимопроникновении методов и инструментов разных наук. В этой ситуации, конечно же, силами одного специалиста тоже не обойтись, нужны профессионалы, представляющие разные дисциплины. Поэтому огромное значение приобретают научные школы как аккумулятор достижений целого ряда людей, а также как площадка для обсуждения их идей. Напомню, после Второй мировой войны Германия потеряла многих ученых, кто-то погиб, кто-то эмигрировал, и немцам пришлось приложить огромные усилия, чтобы восстановить или, точнее, возродить у себя науку. Однако до сих пор Германии так и не удалось вернуть себе былую славу страны, в которой традиционно были очень сильные научные школы по целому ряду направлений. И, надо признаться, Россия в 90-е годы тоже лишилась многого из того, чем гордился Советский Союз, многие научные школы были разрушены, ученые разъехались по всему миру. А теперь приходится прикладывать огромные усилия, чтобы восстановить утраченное.

Тут есть еще одна важная деталь. Каждому ученому очень важно, чтобы его имя осталось в истории науки, желательно в связи с тем или иным изобретением, законом, правилом и так далее. И мы знаем огромное количество примеров, когда имена великих людей древности дошли до нас, в том числе и в виде знакомых всем словосочетаний: теорема Фалеса, винт Архимеда, формула Герона, диск Энея и так далее. Очень много таких словосочетаний в математике, физике, медицине, меньше — в биологии, географии, еще меньше — в литературе, лингвистике. Но это тоже один из вариантов стать знаменитым. Более того, подобная традиция сохраняется и по сей день — вспомните хотя бы окно Овертона, систему Занкова, технологию Базарного и тому подобное. Здесь упоминается именно один человек, хотя за ним могли стоять десятки других. Но он лидер, олицетворение идеи.

То же самое и с нобелевскими лауреатами. Правда, если в физике или химии каждый обладатель премии — представитель научной школы или огромного университета, то в литературе, например, это всего лишь автор произведения — как правило, один. И книгу его, кстати, тоже нередко называют открытием года или даже века.

Школа должна быть максимально приближена к потребителю

Учительская газета, № 24 от 16 июня 2020 г.

Вопрос об управленческой иерархии в системе образования один из самых сложных, причем не только в образовании, но и во всей Российской Федерации. Хотя уместно задать вопрос: а есть ли у нас федерация как таковая, или мы все-таки живем в унитарном государстве? Случись что в моей школе, первая реакция многих — написать письмо сразу президенту, а мысль попробовать решить проблему на месте почему-то приходит в голову далеко

не всегда. И это на самом деле указывает на наличие в системе управления целого ряда болевых точек.

Первая из них связана с разграничением полномочий федеральных органов власти, субъекта РФ и муниципалитета по вопросам управления образованием.

Начну с содержания образования. Напомню, что в свое время в Законе «Об образовании в РФ» были обозначены три компонента содержания образования – федеральный, региональный и школьный. Подразумевалось, что любой регион мог реально влиять на содержание образования на своей территории. Потом полномочия субъектов РФ в этой сфере убрали под лозунгом «За единое образовательное пространство!», а в результате регионы теперь считают себя пораженными в правах (самый яркий пример – Республика Татарстан с проблемой обучения на татарском языке).

При этом по умолчанию считали, что региональные особенности можно учесть за счет школьного компонента. Но школа ориентируется на примерные образовательные программы, утверждаемые на федеральном уровне, а вовсе не на рекомендации субъекта РФ. Словом, с разделением полномочий даже в плане содержания образования у нас сложилась не очень внятная ситуация.

Далее разделение полномочий по поводу финансирования школ. В принципе существует общепринятая норма: какой уровень власти принял решение, которое требует выделения дополнительных средств, тот и выделяет эти средства. Так ли это в образовании?

Решения о переходе на новые ФГОС принимаются на уровне Российской Федерации. И этот переход требует закупки новых учебников, переподготовки учителей. А кто финансирует эти расходы? Федерация? Нет, ответственность за них возложена на регионы и на школы, а Федерация оказывается в стороне.

Кроме того, в Законе «Об образовании в РФ» прописана норма, касающаяся дополнительного образования и воспитательной

работы. Но до сих пор непонятно, кто за что платит, где тут сфера ответственности федеральной власти, а где – субъекта Федерации, муниципалитета и школы. То же касается и нацпроектов, которые приняты на федеральном уровне и построены в идеологии софинансирования, когда часть средств выделяет федеральный бюджет, а часть – региональный. Хотя расчеты норм также не вполне понятны. И так далее. Словом, не все у нас понятно в плане распределения ответственности бюджетов по уровням власти. Зачастую решения принимаются там, наверху, а платить за это должны те, кто внизу.

А вот еще одна болевая точка. Учредителями школ являются муниципалитеты. В этом плане ответственность за школу как за образовательную организацию лежит тоже на них. Но многие руководители РОНО говорят мне, что качество образования не находится в сфере их ответственности, поскольку у них нет никаких полномочий хоть как-то влиять на него. «Наше дело – материальная база и зарплаты учителей, – говорят они, – а содержание образования, методики преподавания, повышение квалификации педагогов не наша тема! Даже на школьный компонент мы не можем повлиять, потому что за него отвечает сама школа».

Между тем почти во всем развитом мире именно муниципалитет является главным хозяином по отношению к школе, поскольку до губернатора родители достучаться не могут, а вот местная власть им вполне доступна. Тем более что главу муниципальной власти избирают именно они, и если он не будет заботиться о школе, то рискует проиграть. При этом родителей интересуют не столько туалеты и столовые, сколько качество образования, следовательно, местная власть просто обязана влиять на него и всячески стремиться его повысить.

А у нас, к сожалению, муниципалитетам так и не удалось встать на ноги, местное самоуправление развито очень плохо. Из-за этого влияние родителей на школу сводится не к нормальному взаи-

модействию с ее руководством, а к какой-то героической борьбе. Чего быть не должно.

Кое-кто пытается объяснить это сложившимися за последние десятилетия традициями, дескать, наши муниципалитеты не заинтересованы помогать школе, так как выпускники после окончания учебы уедут куда-нибудь поближе к центру. Вот если бы они оставались, помогали своим трудом укрепить культуру и экономику своего села, поселка, города, тогда другое дело, можно было бы в них вкладываться. А так... В свою очередь сами выпускники резонно заявляют, мол, поскольку местная власть ничего не делала для нас, пока мы учились, и не собирается ничего делать, чтобы мы остались, надо уезжать туда, где есть шанс найти хорошую работу и жилье. И я сразу же вспоминаю слова бывшего президента Чувашской Республики Николая Федорова, который, выслушивая жалобы на ЕГЭ, якобы ставший насосом для перекачки лучших выпускников из провинции в столицу, резонно заметил: «А что вы сделали для того, чтобы оставить их у себя? Что вы предложили им такого, чтобы они согласились остаться?». И ведь правильно! Если власть хочет, чтобы народ никуда не уезжал, ей надо чем-то заинтересовать людей, что-то дать им. А наши чиновники почему-то предпочитают мыслить только в категориях кнута, забыв о пряниках. Мол, надо срочно вернуть принудительное и обязательное распределение выпускников, заставить молодых специалистов проработать несколько лет там, куда пошлют...

И тут стоит вспомнить о еще одной болевой точке: а насколько справедливы межбюджетные отношения в нашей стране? Вот собирают у нас налоги, с мест все уходит наверх, а там начинают распределять, кому сколько выделить. Но почему-то в итоге большая часть регионов оказываются дотационными, убыточными! И они вынуждены постоянно просить денег у федерального центра. В этом плане возникает острое непонимание между теми, кто что-то производит, но все равно оказывается нищим, и теми, кто

мало чего производит, но всегда остается в выигрыше. Данную проблему пытались решать много раз, но так и не решили. Поэтому, обсуждая иерархию власти, надо понимать нормативную базу и финансовые потоки.

Ответственность за качество образования тоже болевая точка. Помните, была попытка сделать губернаторов ответственными за результаты ЕГЭ? И к чему это привело? Как только какой-нибудь губернатор опускался в рейтинге, он тут же вызывал к себе своего министра образования и ставил ему задачу – сделать так, чтобы на следующий год все было отлично! Хотя все мы понимаем, что качество образования повысить за короткое время просто нереально. Но ведь повышали! А как? Да очень просто – приписками и фиктивными методами. Грубо говоря, губернатору федеральная власть указала на недостатки, он, используя рычаги административного воздействия, напряг всех по вертикали, а виноватыми оказались учителя, которые не смогли научить детей и позволить им хорошо сдать экзамены. И эти же учителя потом пытались помочь ребятам сдать ЕГЭ, подсказать им, закрывали глаза на явные нарушения процедуры экзамена. Потому что их на это вынудили.

А вспомните, что бывает, когда в школу приходят представители всяких надзорных органов – пожарные, санитарные и так далее? Ни одна проверка не обходится без того, чтобы директору не вклеили какой-нибудь штраф. Но почему именно его сделали крайним? Может быть, более справедливо эти штрафы переадресовать учредителю, который не смог или не захотел обеспечить качественный ремонт, электро-, тепло-, газо- и водоснабжение? Ведь если в школе нет положенного пожарного и санитарного оборудования, разве не лучше спросить, выделил ли муниципалитет на все это средства в необходимом количестве?

Опять же вспомните про сбор отчетности. Каждому первому чиновнику, от руководителя комитета образования муниципалитета и выше, вплоть до самых высот, может в любой момент

прийти в голову мысль, а не затребовать ли информацию по положению дел в той или иной сети школ или отдельно взятой образовательной организации. И сразу же включается старый добрый механизм: тот, кто сверху, приказывает тем, кто под ним, «обеспечить предоставление информации в кратчайшие сроки!». Как говорится, это нужно сделать вчера. А в итоге делать все обязаны заместители директоров и их помощники из числа все тех же педагогов, которые вынуждены не спать ночами и готовить все массивы документов, чтобы представить их в лучшем виде. Хотя в подавляющем большинстве случаев они это делать не должны хотя бы потому, что почти вся информация уже собрана и есть в готовом виде, причем именно у тех, кто сидит там, наверху. Но им проще не делать что-то самим, а приказать сделать другим.

К сожалению, боюсь, что, если сейчас примут предложенные президентом поправки в Закон «Об образовании в РФ» по вопросам воспитания обучающихся, административная машина сработает точно так же. Моментально по всей вертикали будут спущены распоряжения – принять новые воспитательные программы с учетом текущей ситуации, отчитаться в такой-то срок, а мы потом проверим, как вы там работаете, правильно ли понимаете слова президента. И накажем, если покажется, что вы плохо воспитываете ваших детей.

Тут уместно вспомнить про всероссийские проверочные работы, которые тоже были задуманы вроде бы с благой целью – выяснить, в каких предметах и в каких темах существуют те или иные западания, чтобы потом проработать слабые места и выйти на нормальный уровень освоения программы. Формально неплохо выглядит, вот только система сработала опять же так, как она привыкла: на уровне Рособнадзора решили эти работы провести, на школы взвалили всю нагрузку по их организации, результаты работ собрали, отправили наверх... А потом почему-то оказалось, что школы же во всем и виноваты, поскольку показали

не то, что от них ожидали. Опять получилось: один придумал, а другой все сделал, да еще потом и в дураках остался.

Вспомните, как еще сравнительно недавно экс-министр просвещения Ольга Васильева пыталась укрепить вертикаль власти, мотивируя это тем, что у нее нет прямых рычагов воздействия на школы, а ей их иметь крайне важно. Хотя любому здравомыслящему человеку, работающему в системе образования, понятно: школы должны быть максимально самостоятельными, поскольку они приближены к реальным потребителям образовательных услуг, как это принято говорить. Только родители в тесном союзе с учителями и муниципальной властью способны создать такую модель школы, которая учитывала бы все национальные, культурные, религиозные, природные, климатические и другие особенности и была бы нацелена на поддержание максимально высокого качества образования и создание комфортных условий труда и учебы. А стремление подчинить всех федеральному центру не более чем попытка уйти от истинного федерализма в сторону унитарного государства. Но это, увы, шаг назад, уход от по-настоящему эффективной системы управления образованием.

Мне могут возразить, дескать, не только родители, но и государство в целом тоже может выступать в роли потребителя образовательных услуг. А значит, оно вправе диктовать свои условия каждой школе, формируя ей конкретный социальный заказ на подготовку ученых, солдат, инженеров, спортсменов и тому подобное. Такой сценарий действительно возможен, однако на практике государство реализует подобное право посредством совсем иных механизмов. Например, в США государство абсолютно не вмешивается в систему образования любого из 50 штатов. Тем не менее оно поддерживает деньгами из федерального бюджета те школы, которые согласны жить по его правилам. А кто хочет иного, пожалуйста, вы имеете на это право за ваш счет. И подобная система работает довольно эффективно.

Государство должно всегда оставлять за собой право открыто влиять на два процесса — подготовку и повышение квалификации учителя, а также содержание школьного образования. Это два столпа, на которых держится все образование. И конечно же, государство должно оценивать качество полученного выпускниками образования. Все остальное следует отдать регионам, муниципалитетам и школам. Как, собственно, оно и было задумано, но почему-то так до конца и не было реализовано.

Докатились?

Учительская газета, № 25 от 23 июня 2020 г.

Куда бы вы ни приехали, почему-то одни обращают внимание прежде всего на окружающую красоту, а другие — на грязь и мусор. То же самое происходит, когда люди знакомятся с теми или иными новостями или документами, касающимися образовательных реформ. Одни умеют видеть в этом преимущественно плюсы, а другие, кроме минусов, ничего не видят.

Есть все основания полагать, что предпочитающие негативную информацию граждане преследуют какие-то свои цели, никак не связанные с реальным положением дел. Они либо одурачены пропагандой, либо проецируют свои собственные жизненные неудачи на весь остальной мир. «У меня ничего не получается, но виноваты в этом все вокруг!» или «Не решал ни одного задания ЕГЭ, но на все 100% убежден, что это тупое угадывание примитивных тестов!» Кто-то пытается таким способом реализовать свои политические амбиции, получить какие-то дивиденды. Ведь если ругать власть, то можно автоматически стать своим в доску для всей «прогрессивно мыслящей общественности», и никак иначе.

А если серьезно, то согласно опросам населения ситуация в российском образовании вовсе не выглядит ужасающей. Причем

получается довольно курьезная картина, когда в одной и той же анкете люди говорят, что конкретно в нашей школе все нормально, мы всем довольны, а вот вообще по стране все плохо! То есть мы имеем дело с явным промыванием мозгов теми источниками информации, которым почему-то выгодно представить положение дел в России именно в таком ключе. И складывается впечатление, что огромное количество людей читают только блоги всевозможных скандалистов и фейкометов, веря им абсолютно. А спорить с ними невозможно, потому что они изначально воспринимают все только со знаком «минус».

Между тем у нас немало поводов для гордости. Например, налицо факт, что вопреки усилиям свести вариативность образования к минимуму (в том числе посредством единых учебников) эта задумка не сработала. Нам удалось сохранить школы с разными программами и учебниками, где обучение выстроено в зависимости от профиля, направленности и уровня развития детей. И это несомненный плюс, который следует признать.

Также следует отметить, что за последние годы учителя перестали быть слепыми исполнителями чужой воли и стали все более и более активно отстаивать свои права, говорить о том, что нужно изменить в образовании. И, что очень важно, к ним начали прислушиваться. Классический пример – обсуждение ФГОС, которое проходило очень бурно и конструктивно.

Вопреки всему, нам удалось сохранить свои позиции в целом ряде международных рейтингов и сравнительных исследований, в первую очередь PIRLS и TIMSS. То есть предметная грамотность, в которой мы были традиционно сильны, сохраняется на высоком уровне. Аналогичная ситуация и с международными олимпиадами. Наши дети регулярно берут и «золото», и «серебро», и «бронзу», и Гран-при. Да, мы не везде в лидерах, но везде в топе.

Поэтому все разговоры о том, что за годы реформ наше лучшее в мире образование было полностью разрушено, как мини-

мум ошибочны. И, на мой взгляд, именно 2020 год с его колоссальными потрясениями, вызванными пандемией и массовым переходом на дистанционное обучение, показал: школам, вузам и ссузам в целом удалось справиться с этим грозным вызовом. По крайней мере ситуация у нас была ничуть не хуже, а подчас и гораздо лучше, чем в других странах, где практиковали всего лишь «уроки по телевизору». Мы все в массе своей поняли: информатизация образования принесла вполне реальные плоды! ИКТ из экзотики превратились в реальный и массовый инструмент образования.

Отчетно-выборное

Учительская газета, № 34 от 25 августа 2020 г.

В этом году очень многие образовательные сценарии реализуются нетрадиционно. Думаю, это коснется и августовских педсоветов. Например, уже звучат предложения сделать и их целиком дистанционными, а то и отменить вовсе. Так нужны ли они и что с ними делать?

Для начала нужно вспомнить, что они выполняют две главные задачи — обсудить то, что произошло в прошлом учебном году, и наметить пути развития в грядущем. И это, подчеркну, важно сделать не для кого-то в виде «галочного» отчета, а для каждого из тех, кто работает в системе образования, поскольку двигаться вперед можно, только когда ты имеешь представление о том, где ты находишься, куда необходимо двигаться, с четким пониманием, что этому мешает или способствует. В этом плане конец августа — время оптимальное, ибо итоги учебного года невозможно подвести сразу после четвертой четверти или экзаменов, требуется время для анализа и обработки данных, а ближайшие цели лучше всего обозначать непосредственно перед стартом. Но помимо сведений относительно того, кто и как сдал ОГЭ-ЕГЭ, у

кого сколько олимпиадников и так далее, педсоветы выполняют и ряд других важных задач.

На региональном уровне имеет смысл собрать всех управленцев — заведующих комитетами и отделами образования, руководителей департаментов и так далее, чтобы рассказать им, какие векторы сегодня государство определяет в плане развития системы образования. Можно было бы, конечно, предусмотреть и более высокий уровень — федеральный, но у нас слишком большая страна, чтобы проводить такого ранга педсоветы одновременно, мешают часовые пояса, да и по большому счету каждый регион все равно получает материалы из федерального министерства, плюс ко всему там всегда присутствуют люди «из центра».

Также на уровне субъекта Федерации проводятся мероприятия и чуть более узкой тематики, где обсуждают изменения в преподавании тех или иных предметов, директивы Минпроса, Рособнадзора и так далее. И как раз здесь доводят до сведения, как будут проводиться ОГЭ, ЕГЭ, что в них будет меняться.

На муниципальном уровне упор делается на организации сетевого взаимодействия, обозначении передовых практик, определении ведущих организаций и педагогических коллективов, которые могли бы чему-то научить других. Ведь так называемые школы-флагины вовсе не обязательно должны быть школами при университетах, довольно часто в небольших провинциальных или обычных городских школах формируются очень интересные практики, и именно сюда можно обратиться за консультацией и для обмена опытом.

К сожалению, у муниципалитетов часто не хватает средств на то, чтобы создать полноценные методические кабинеты, поэтому именно сетевое взаимодействие имеет такое важное значение и именно этой теме стоит уделять большое внимание на августовских педсоветах. Безусловно, обмен информацией как таковой вполне может проходить и в виртуальном пространстве, то есть какой-то этап можно перенести и в Интернет, сделав дистанци-

онным. Но все мы понимаем, что учителям очень важно общаться вживую в кулуарах, на круглых столах, секциях и семинарах, и тут, думаю, без очной встречи не обойтись. Хотя, конечно же, не следует превращать августовские педсоветы в обсуждение каких-либо узкопредметных частных вопросов, это можно и нужно делать в течение всего года, а в данном случае стоит сосредоточить внимание на выборе целей, а также стратегии и тактики их достижения.

А на уровне каждой отдельно взятой школы нужно определить, как педколлектив будет работать в плане реализации программы развития данной образовательной организации, – с учетом как федеральных, так региональных и муниципальных сюжетов.

Класс-урок

Учительская газета, № 43 от 27 октября 2020 г.

Начну с зарисовки. 1980-е годы, начальные классы одной школы. Приходят дети жаловаться директору на учительницу, которая замещает их любимого педагога. Говорят, что она на них сильно кричит. Стали выяснять, в чем дело.

Оказалось, что предыдущий учитель работал с детьми в технологии диалога культур (по Библеру), у него на уроках всегда были интерактив, интенсивное общение. А когда пришла новая женщина, она решила, что дети здесь очень невоспитанные, постоянно что-то говорят без разрешения, шумят, ведут себя совсем не так, как она привыкла (сидим смирно, руки перед собой, мертвая тишина!). А ребята ее стремление навести порядок восприняли как агрессию, потому что к такому не привыкли. У одного учителя парты можно было в любой момент сдвинуть, расставить, расположить как угодно, по необходимости, причем сделать это могли сами дети, у другого столы и стулья всегда стояли рядами, незыблемо. Один максимально разнообразил формы деятельности, давал максимум свободы для выражения своих мыслей, дру-

гой же стремился работать в режиме «сидим и слушаем учителя, отвечаем, только когда я разрешу!».

И тут мы приходим к тому, о чем очень модно говорить в последние десятилетия, — кризису якобы классно-урочной системы и необходимости от нее избавиться. Если рассматривать школу с точки зрения той самой учительницы, которая пришла на замену, то ничего менять не нужно, дети должны сидеть за партами, а преподаватель — находиться перед ними, у доски. И общение между ними должно происходить только по команде педагога. Но такой подход, к сожалению, не дает возможности развивать у детей навыка говорения, а отсутствие этого навыка — одна из главных проблем нашей школы. Дети не умеют формулировать и высказывать свои мысли, слушать, вести дискуссию. Плюс с годами они все больше и больше утрачивают инициативу, становятся пассивными созерцателями и исполнителями.

Однако что из этого следует? Что классно-урочная система себя изжила, и от нее надо вообще отказаться? Нет, это говорит лишь о том, что в классе и на уроках необходимо использовать не только традиционные (в плохом смысле этого слова) подходы, но и другие, максимально разнообразные. Получается, претензии надо предъявлять не к системе, а к учителю. Или же к системе подготовки учителей. Преподавателей нужно учить разным формам работы с детьми, умению грамотно использовать пространство кабинета для решения тех или иных методических или дидактических задач. Ведь почему-то одному удастся в классе и на уроке выстроить образовательный процесс таким образом, что все дети максимально вовлечены в творческую деятельность, у них горят глаза и им хочется учиться, а у другого не получается это сделать, несмотря на то что в классе всего несколько человек и он напичкан техническими средствами.

Дело в том, что в классно-урочной системе фронтальные уроки как способ передачи знаний сохранились еще с тех времен,

когда учитель действительно был единственным источником этих знаний. Но ведь с тех пор очень многое изменилось! Сейчас каждый ученик имеет возможность получать информацию из книг, электронных носителей, Интернета, телевизора, радио и так далее. Плюс ко всему есть отлично себя зарекомендовавшие технологии развивающего обучения и диалога культур, коллективный способ обучения (по Дьяченко), вальдорфская школа, проектная деятельность... Есть в конце концов образовательные платформы, получившие особую популярность и развитие в условиях дистанционного обучения. Просто учителю нужно уметь этим пользоваться. Тогда поводов ругать классно-урочную систему не будет просто потому, что дело совсем не в ней.

О ШКОЛЕ, УЧИТЕЛЯХ И ДИРЕКТОРАХ

Черный понедельник

Учительская газета, № 07 от 18 февраля 2014 г.

Размышлять о страшной трагедии, случившейся в начале февраля в московской школе № 263, тяжело. Говорить о ней спокойно и отстраненно, будто ко мне она не имеет ни малейшего отношения, не могу. И никто, думаю, не может. Потому как ситуация, когда подросток берет в заложники собственный класс, затем хладнокровно убивает учителя, а потом палит по полицейским, находится вне системы понятных и объяснимых человеческих координат. Тем более трудно, я бы сказал даже недопустимо, обсуждать случившееся и что-либо предполагать, будучи вне контекста: мы ведь не знакомы лично с Сергеем Гордеевым, не знаем наверняка, чем он жил, о чем думал, кого любил и чего боялся. Все, что нам известно – это какие-то гуляющие по Интернету обрывки слухов, доверять им безоглядно, а уж тем более строить на их основании какие бы то ни было версии, я бы не стал.

Но теперь, когда ничего уже не исправить и не вернуть, важно подумать о другом. Для начала перестать обвинять во всем одну лишь школу, мол, «заучила» ребенка до потери рассудка. Кто кого «заучил», двигали парнем навязчивые идеи или нечто другое, что вообще творилось в его голове, выяснять профессиональным медикам. Но уж точно не нам такими формулировками разбрасываться. В обществе сегодня должен быть поднят совершенно другой вопрос: настало время всерьез ужесточить правила хранения огнестрельного оружия в домах. Необходим жесткий контроль со стороны органов внутренних дел, нужно проводить регулярные проверки: где хранится оружие, где лежат ключи от сейфов, надежно ли они спрятаны или доступны несовершеннолетним. Воз-

можно, прежде чем кто-то в семье получит право на приобретение оружия, специальную психиатрическую экспертизу должен пройти не только будущий хозяин ружья или пистолета, но и все, кто живет с этим человеком под одной крышей.

Если все-таки вернуться в школу, то здесь настораживает лишь одно: то, что с ребенком не все ладно, скорее всего, было заметно задолго до того страшного черного понедельника. И тогда возникает вопрос: почему раньше не забили тревогу, не позвали на помощь психолога? Конечно, последние мероприятия по увеличению заработной платы учителям, абсолютно правильные и справедливые, мы не об этом сейчас, привели к тому, что во многих школах ставки психологов были сокращены. И эта еще одна проблема, которую надо поднимать и обсуждать. В любом образовательном учреждении должен быть хотя бы один специалист, который может консультировать учителя, если тот заметит в поведении своих детей нечто тревожное и настораживающее. И, кстати, психологическую грамотность самих учителей тоже надо повышать, о чем сегодня мы говорим много, в частности, в концепции модернизации педагогического образования.

Ищем кисельные реки не по тому адресу

Учительская газета, № 17 от 29 апреля 2014 г.

Наша старшая школа ориентирована на вуз, то есть готовит исключительно к поступлению в высшие учебные заведения — это очевидно. Какой профиль не возьмите — гуманитарный, физико-математический или естественнонаучный, — цель его одна: помочь старшекласснику достойно выдержать экзамен и быть зачисленным в университет на интересующую его специальность. Среднее профессиональное образование из этой цепочки, к сожалению, негласно исключено, и такому положению вещей есть свое объяснение. Вспомним 1990-е годы: производство умирало,

рабочих мест катастрофически не хватало. Куда было деваться вчерашнему школьнику? Разумнее, а главное, безопаснее всего было вновь посадить его за парту и ближайшие пять лет особо о нем не тревожиться. При этом поступать в техникумы и ПТУ было в то время совершенно бессмысленно: через полтора-два года ты вновь окажешься на улице без малейшей в общем-то надежды найти приличную работу по специальности. Неслучайно столь популярным стало тогда гуманитарное образование, негосударственные вузы росли как грибы после дождя: это были «социальные сейфы» для выпускников школ. Но теперь все изменилось. Сегодня экономике вновь требуются рабочие руки, требуются технически подкованные специалисты, и она готова за это платить. А общество по-прежнему глубоко убеждено, что диплом юриста или экономиста — это единственный пропуск в безбедную жизнь с молочными реками и кисельными берегами. В итоге мы имеем армию официантов с высшим образованием и острый дефицит грамотных рабочих.

Есть еще один весьма болезненный аспект, который нужно учитывать при обсуждении этой темы: академически неуспешные дети. В любой стране мира, какую ни возьмите, 15–20 процентов учащихся не осваивают образовательные стандарты. Их талант в другом — они могут изумительно рисовать, мастерить, танцевать или бить спортивные рекорды. А вот производную от сложной функции взять не могут, и стихотворные размеры для них что темный лес. Вот тут-то и должно вступать в «игру» среднее профессиональное образование, система, которую просто необходимо пропагандировать и рекламировать, убеждая прежде всего родителей, что это — не гетто для неудачников, но возможность в будущем жить достойно, солидно зарабатывать, быть уважаемым человеком. Но и учебные заведения этого уровня должны меняться, чтобы рекламе соответствовать. Во-первых, там должно быть комфортно. Во-вторых, необходимо оснащать их современ-

ным оборудованием, а не списанным хламом времен Очакова. В-третьих, учебные программы должны поспевать за реальной ситуацией на производстве, чтобы, устроившись на работу, выпускнику не пришлось спешно переучиваться. На мой взгляд, необходимо вместе с частным бизнесом срочно создавать большую программу по развитию среднего профессионального образования, учитывающую потребности региональных рынков труда. И повсеместно возрождать учебно-производственную практику в школе, чтобы старшеклассники не думали, что диплом менеджера — это все, на что они могут рассчитывать в этой жизни.

Уроки со звездами

Учительская газета, № 38 от 23 сентября 2014 г.

Этой осенью меня пригласили принять участие в работе Большого жюри Всероссийского финала конкурса «Учитель года России». Для меня это, конечно же, огромная честь. И большое профессиональное путешествие с новыми, интересными и талантливыми, друга на друга не похожими попутчиками. Жду его с нетерпением.

«Учитель года» напоминает мне, как во времена перестройки по телевизору на всю страну показывали учителей-новаторов, которые говорили о своей методике, о своих взглядах и профессиональных принципах. И эти передачи смотрели не только педагоги, их смотрели родители, подростки — многомиллионная аудитория. И «Учитель года» — это возможность рассказать о нашей профессии, представить ее широко и ярко людям от школы далеким. Жаль, что конкурсные испытания не показывают сегодня по телевизору: честное слово, это не менее интересно, чем модные шоу — «Голос» или «Танцы со звездами».

Конкурс иногда упрекают в том, что здесь оцениваются не столько глубокие профессиональные качества педагога, сколько артистизм, умение импровизировать и представлять себя в вы-

годном свете. Некая доля истины в этом есть: конкурсные испытания — это маленькие спектакли, имеющие мало общего с ежедневными рабочими уроками. Тут много импровизации, но, согласитесь, она была бы невозможна, не будь за ней мастерства и серьезного знания предмета. «Учитель года» — это поиск ответов на извечные вопросы: что такое педагогика — искусство или наука, что представляет собой деятельность педагога — технологию или импровизацию? Истина, конечно, где-то посередине, и каждый раз конкурсанты нам это с блеском доказывают.

Конкурс «Учитель года» — спасибо «Учительской газете», которая придумала его 25 лет назад — это настоящая профессиональная школа, где каждый найдет, чему поучиться. Ведь Всероссийский этап — это только вершина айсберга, финальный аккорд огромной работы — методической, содержательной, — которая в течение всего года идет на муниципальных и региональных уровнях. Можно только догадываться, сколько интересных людей вовлечено в это движение по всей стране.

Мы пока не знаем, кто победит: конкурс только начинается, и шанс есть у каждого. Лично я буду смотреть на то, как учитель общается с аудиторией, умеет ли выстраивать диалог, слышит ли своих собеседников, реагирует ли на них, насколько быстро и ловко корректирует свою тактику, может ли на ходу менять заранее продуманный сценарий и маневрировать в зависимости от ситуации. Надеюсь, нам, членам жюри, предстоит сделать сложный выбор: назвать лучшего среди равных, того, кто встанет в один ряд со звездами предыдущих лет. А это все люди неординарные. Их бессмысленно копировать, но они — тот ориентир, с которым можно себя соизмерять.

Каковы бы ни были результаты «Учитель года России–2014», кто бы ни стал его триумфатором, всем участникам я желаю и после конкурса остаться одной большой дружной командой, где каждый будет питать другого идеями, мыслями и жадой жизни.

Бумажные люди

Учительская газета, № 01 от 6 января 2015 г.

Меньше всего в эти праздничные дни мне бы хотелось говорить о проблемах школы. Как хорошо было бы, глядя в будущее, обрисовать его исключительно в светлых, мажорных тонах. Но, увы, болевых точек немало, и если закрыть на них глаза сегодня, завтра будет только хуже.

Первая «мозоль», которая, думаю, требует скорейшего «лечения» – это вал бумажной и электронной отчетности, лавина информационных справок, под которой буквально погребены и простые учителя, и управленцы всех уровней образования. С каждым годом ситуация становится все более жесткой, дошло до того, что по качеству отчетности начинают судить о качестве работы педагога. Это неизбежно порождает вранье, причем отнюдь не невинное: если мой профессионализм оценивают единственно по тому, как быстро я представил ту или иную бумагу, насколько ловко ее составил, что ж, буду все свое время тратить на сочинение безупречных отчетов, а не на подготовку к урокам, общение с детьми или решение насущных задач. Весь абсурд такого положения дел понимают сейчас все здравомыслящие люди, но проблема не только не исчезает, но, напротив, с каждым днем все больше усугубляется. Когда спрашиваешь у чиновников, зачем им нужна та или иная информация, они честно отвечают: на всякий случай, вдруг нас кто-нибудь когда-нибудь что-нибудь об этом спросит. Или говорят, что она необходима им для мониторинга. А это уж вообще никуда не годится, потому что мониторинг – это выделение всего нескольких ключевых позиций, которые принципиально важны для развития системы образования. Когда же требуется информация по сотням пунктов – это уже никакой не мониторинг, а сбор статистики.

На мой взгляд, существует единственный способ борьбы с этой напастью: любой запрос дополнительных сведений должен

сопровождаться пояснительной запиской, уточняющей, кто и как будет их использовать, для принятия каких решений – управленческих, методических – они необходимы. В течение месяца обязана последовать обратная связь с указанием номеров конкретных приказов и нормативных актов, подтверждающая, что все данные пошли в работу. Если последствий не описаны, информация собрана, но легла мертвым грузом, инициаторы этих сборов должны быть наказаны.

Еще один вопрос, решать который нужно уже сейчас, – определение крайних сроков принятия любых нововведений, связанных с итоговой аттестацией в 9-м классе, с едиными государственными экзаменами и с грядущей летней приемной кампанией. Все новшества необходимо озвучить до начала марта, а идеи, пусть даже самые гениальные, которые родятся позже, пусть переходят в копилку следующего года. Безоговорочное соблюдение этого нехитрого условия позволит избежать того накала страстей и нервных срывов, которые мы, увы, наблюдаем среди учителей, выпускников и родителей в течение последних лет, когда в апреле, а то и мае им неожиданно предлагают совершенно новые правила игры.

... И все-таки на дворе праздник. Время, когда хочется верить, что нам все по плечу. Я поздравляю читателей «УГ» с новым годом. Здоровья вам и неиссякаемого вдохновения. Учителям, особенно тем, чьи дети в этом году заканчивают 9-й и 11-й классы, хочу пожелать побольше сильных учеников, которые не просто готовятся к честной сдаче экзаменов, но всерьез интересуются вашим предметом и видят в нем ключ к своему будущему успеху.

Никто никому не должен

Учительская газета, № 09 от 3 марта 2015 г.

Кто кому больше должен: школа родителям или родители школе – вот он, поистине «гамлетовский» вопрос отечественного об-

разования. По своему опыту могу сказать, что хорошей школой можно считать только ту, где родители работают рука об руку с педагогическим коллективом. При этом неважно, идет ли речь о знаменитом московском комплексе Ефима Рачевского или об учебном заведении где-нибудь в глубинке. И там и тут обязательно находятся нормальные родители и грамотные учителя, которые вместе решают проблемы качественного образования своих детей. Управляющие советы и родительские комитеты есть сейчас везде. Но зачастую их участники впадают в крайности: либо единогласно, без раздумий, проводят в жизнь все решения директора, какими бы они ни были, либо, напротив, пытаются выступать в роли оппозиции школьной власти. И тот и другой путь ни к чему хорошему не ведет. Единственный имеющий право на существование сценарий – ситуация открытого диалога, где обсуждается шаг развития школы и учеников, исходя из реального контекста, в котором находится учебное заведение. Для этого необходимы четкий анализ положения дел и создание жизнеспособной программы конкретных шагов. А такое под силу лишь команде, состоящей одновременно и из родителей, и из педагогов.

На месте директоров и классных руководителей, я бы не отказывался от использования, говоря языком физики, мощностей родителей для увеличения мощности школы. При нынешней бюджетной ситуации у учебного заведения не так уж и много возможностей привлечь на помощь «платных» специалистов, а без аутсорсинга, без дополнительных, в том числе и человеческих ресурсов, двигаться вперед тяжело. И речь не только об участии пап и мам в праздниках, экскурсиях, ремонтах и субботниках, что практикуется повсеместно, но и о возвращении традиции профориентационных встреч. Помните, как в советские времена мы не только красили рамы и приколачивали полки (кстати, никогда не считал это зазорным и всегда вместе с другими родителями помогал готовить класс дочери к очередному 1 сентября), но и

рассказывали одноклассникам наших детей о своей работе, о ее радостях и сложностях?

В то же время и школа может помочь родителям, направив свои с ними взаимоотношения в куда более неформальное русло. Знаю, что многие учебные заведения проводят психологический образовательный всеобуч. Например, рассказывают родителям, как наладить отношения с подростками, переживающими непростое время переходного возраста. А где-то сами же дети учат своих бабушек работать на компьютере. Это вообще очень полезная затея. Во-первых, у ребенка повышается самооценка: оказывается, в чем-то я разбираюсь куда лучше взрослых! Во-вторых, чем больше объясняешь, тем глубже понимаешь сам. В-третьих, у бабушек меняется отношение к детям: выходит, они не только шпана и хулиганы, но и еще и умеют что-то, чего не умею я. В-четвертых, решается ситуация с досугом пенсионеров – а это важная социальная задача. И наконец, пожилые люди приобретают навык, необычайно полезный в современной жизни: отныне они могут записываться в поликлинику и оплачивать коммунальные платежи, не толкаясь в очередях.

Одним словом, у школы и родителей может быть масса общих взаимовыгодных дел и интересов. Главное, навсегда забыть о том, что кто-то кому-то что-то непременно должен.

Карьерист – это звучит гордо

Учительская газета, № 13 от 31 марта 2015 г.

Какую карьеру может сделать педагог? Станный вопрос, – скажут многие, – ответ-то очевиден: сегодня ты учитель, завтра уже завуч, потом директор, глава управления, а там и до министерского кресла рукой подать. Перспектива блестящая, но, согласитесь, скорее фантастическая, если учесть, что министр у нас один, а учителей – миллионы. К счастью, сегодня все больше педагогов

начинают осознавать, что, помимо карьеры «вертикальной» существует еще и «горизонтальное» развитие, от которого может напрямую зависеть и качество жизни.

Одна из возможностей такой карьеры — проявить себя в качестве наставника молодого, только что пришедшего педагога или распространять собственные уникальные методики и технологии. Стать учителем-методистом, учителем-куратором — это значительный шаг по карьерной лестнице.

Есть и иные пути. Когда мы готовили профессиональный стандарт педагога и концепцию модернизации педагогического образования, естественно, изучали международный опыт. Оказалось, что в большинстве западных стран безусловным аргументом при приеме на работу и при получении финансовой надбавки является наличие у соискателя дополнительных документально подтвержденных компетенций. Как это работает: вы осваиваете курс по работе, например, с одаренными или, наоборот, с девиантными детьми, сдаете экзамен, получаете сертификат и можете смело претендовать на повышение заработной платы, так как отныне являетесь специалистом более широкого профиля и высокого уровня. Эта схема уже всюду работает в других отраслях народного хозяйства. Например, у медиков.

Но здесь надо иметь в виду, что можно набрать сколько угодно много сертификатов, стать асом программирования, выучить пять иностранных языков и обзавестись свидетельством, что вы превзошли мудростью всех античных философов вместе взятых, а вашему работодателю все это не требуется. Поэтому прежде чем отправляться на очередные курсы по плетению макраме, стоит все-таки поинтересоваться у руководства, готово ли оно доплачивать вам, учителю математики, за этот, несомненно, полезный при других обстоятельствах навык.

Конечно, должно быть безусловное доверие к организации, которая выдает документ, а значит, и к самому документу. Сейчас

как раз обсуждается вопрос о создании центров сертификации, которые позволят сдавать экзамены внешней комиссии, причем обязательно на деятельностной основе. Потому что одно дело — написать стандартный текст, который проверит твой же преподаватель ИПК, чей курс ты прослушал, и совсем иное — доказать свою состоятельность независимым экспертам, продемонстрировать, что умеешь мыслить нестандартно и решать конкретные профессиональные задачи. Только такой оценке может поверить работодатель.

И тут встает еще один вопрос — как доплачивать за эту «горизонтальную карьеру»? На мой взгляд, это должно лечь в основу для выхода на так называемый эффективный контракт, хотя можно использовать и фонд стимулирующих надбавок.

Неудобные вопросы

Учительская газета, № 25 от 23 июня 2015 г.

На сайте «УГ» прочитал о предложении ректора МГИМО Анатолия Торкунова организовать в школах мини-лекции, которые помогли бы ребятам лучше ориентироваться в общественно-политических новостях, проще говоря, вернуть в расписание старую добрую политинформацию. Мне эта идея нравится, потому что, согласитесь, о событиях, происходящих в мире, наша молодежь имеет представление весьма смутное. Загляните на страницы своих детей в социальных сетях. В лучшем случае вы найдете там сообщения, связанные с музыкой, кино, спортом, в худшем — поток бесконечных селфи и образцы не самого тонкого юмора. Общественно-политическая жизнь интересует немногих.

Но тем, кто будет претворять эту вполне здравую идею в жизнь, важно иметь в виду, что речь идет не о том, чтобы учить школьников думать «правильно» — это мы уже проходили, но о том, чтобы знакомить их с разными точками зрениями, подчас полярными

позициями и взглядами на вещи. Только так и можно воспитать людей, умеющих мыслить критически и самостоятельно.

Мне не очень нравятся те телевизионные каналы, у которых нет вопросов, а есть одни ответы. Поэтому и на политинформациях нужно не готовые ответы давать, но учить формулировать вопросы, сложные, а иногда и не очень приятные, обсуждать реальные проблемы, сотрясающие современный мир.

Вспоминаю, как много лет назад, когда я был в США, приятель пригласил меня в еврейскую школу, где училась его дочь. Я попал на беседу об арабо-израильском конфликте: ученики 4–5-го класса, еще совсем малыши, говорили не о том, кто в этом противостоит прав, а кто виноват, но о тех страданиях, что выпали на долю их израильских и арабских сверстников только потому, что взрослые не смогли между собой договориться. Сегодня, когда наше общество расколото надвое в связи с событиями на Украине, замалчивать этот конфликт, делать вид, что ничего не происходит, не получится. Но школьники должны понимать: у этой задачи нет простого решения в одно действие, с обеих сторон погибают люди: и мирные жители Донбасса, старики, женщины, дети, и призванные в украинскую армию парнишки-срочники.

Сейчас много спорят о том, имеет ли право учитель в общении с детьми высказывать личную точку зрения на те или иные события. Безусловно, у каждого из нас есть своя картина мира. У одних она собственная, продуманная или выстраданная, у других – навязанная массмедиа. Думаю, было бы неправильно активно демонстрировать школьникам свое личное мировоззрение, поскольку педагог все-таки находится в позиции старшего и оценивающего. Велик риск, что дети начнут подстраиваться под учителя: кто-то, чтобы получить хорошую оценку, другие – из страха получить плохую. Но что же делать, если ребенок задает вам прямой и неудобный вопрос? Не уходить от разговора, но помнить, что единственно правильных ответов в природе не существует.

Сколько будет пятью пять?

Учительская газета, № 35 от 1 сентября 2015 г.

Прочитал в одной из региональных газет о том, что «Рособрнадзор готовит новую проверку знаний для учителей». Уточняется, что толчком к этому послужили прошлогодние низкие баллы ЕГЭ в Дагестане. Издание цитирует главу Рособрнадзора Сергея Кравцова: «Мы послали учителей на такой же экзамен. Выяснилось, что и у детей низкие баллы, и у взрослых. Потом в республике круглосуточно работал институт повышения квалификации, московская профессура учила местных преподавателей русскому языку и математике. В апреле 2015-го ведомство повторило эксперимент с участием историков и убедилось, что стране нужна масштабная и объективная проверка знаний учителей».

Статья эта меня не удивила. Вопрос о профессиональных экзаменах для педагогов обсуждается в России уже не первый год, да и во всем мире он тоже не теряет актуальность. Во Франции, например, диплом о высшем образовании еще не дает права преподавать в школе — необходимо сдать отдельный экзамен. Похожая ситуация у медиков, у адвокатов. В начале профессионального пути такая мера оправдана, ведь, что греха таить, не все выпускники наших педагогических вузов готовы работать с детьми.

Но инициатива Рособрнадзора относится не ко вчерашним студентам, а к действующим педагогам. И тут сразу возникает вопрос: а в какой форме будет проходить этот экзамен и, главное, что именно мы хотим с его помощью проверить? Знание той или иной дисциплины на уровне средней школы? Сомневаюсь, что у нас есть учителя, которые не владеют своим предметом в рамках школьной программы. Владение современными технологиями обучения? Но понятно ведь, что выучить описание любой технологии — дело нехитрое. Только вот где гарантия, что в дальнейшем учитель будет пользоваться этой технологией в реальной

практике. Проводить экзамены в виде кейсов, когда моделируется та или иная ситуация, а учитель должен показать, как с ней справляться? Это один из возможных путей, тут есть смысл пробовать и экспериментировать, но чтобы ввести его в массовую практику, потребуется не один год. Но какую бы форму для этих испытаний ни выбрать, они должны проводиться только во время аттестаций. Вводить отдельный экзамен, чтобы узнать, помнит ли учитель математики таблицу умножения, а литератор – годы жизни Пушкина, на мой взгляд, абсолютно недопустимо. А если учитель этот экзамен провалит? Его выставят за порог с «волчьим билетом»? А вместо него возьмут другого, на сей раз высококлассного специалиста? (Так и вижу очередь из профессионалов высшей пробы, выстроившуюся у дверей какой-нибудь отдаленной сельской школы...) Но если соответствующие органы так уж интересуется интеллектуальный уровень педагогов, давайте проводить мониторинги, участие в которых должно быть строго добровольным. Это может быть действительно полезно, так как покажет реальные болевые точки и позволит скорректировать программу повышения квалификации.

Нас ожидает очень непростой финансовый год. Не хотелось бы сгущать краски, но в обозримом будущем никаких улучшений не предвидится. «Закручивать гайки» и усиливать контроль в ситуации ухудшения материального положения я бы, на месте властей, не стал. Потому что платить все меньше, а спрашивать при этом все больше – это, согласитесь, нечестно.

Раз ступенька, два ступенька

Учительская газета, № 37 от 15 сентября 2015 г.

Новость о том, что Министерство образования и науки РФ все-таки задумалось о введении в школах различных учительских должностей – помощник учителя, учитель, старший учитель, учитель-наставник, учитель-эксперт, учитель-методист – на деле но-

востью вовсе и не является. Вопрос о том, что трех существующих аттестационных категорий недостаточно для карьерного роста педагога, впервые прозвучал еще лет 20 назад, но потом сам собой сошел на нет, уступив место проблемам, как тогда казалось, более насущным. При этом мы всегда завидовали международной практике, доказывавшей, как важно учителю, особенно молодому, видеть перспективы карьерного роста, сколь это серьезный стимул для повышения квалификации, приобретения новых компетенций. К слову, о молодых: обратите внимание, мы ведь сегодня не различаем выпускников педколледжей, бакалавриата и магистратуры – все они одинаково считаются учителями. А как поощрять опытных педагогов? Да, зарплата растет вместе со стажем, но ведь не секрет, что обязанностей у таких специалистов куда больше – они и методисты, и наставники, и консультанты. Эта нагрузка если и оплачивается, то лишь из стимулирующего фонда, да и то не всегда и не везде. Вот почему в скорейшем решении вопроса учительских должностей больше всего заинтересованы сами педагоги.

Для начала предстоит создать подробный классификатор, в котором были бы описаны все возможные ступени этой карьерной лестницы, «схемы роста». Учителю необходимо знать, какие компетенции, когда и кому ему нужно продемонстрировать для перехода на более высокий уровень. Все должно быть предельно ясно и прозрачно, в том числе и для того, чтобы избежать любых возможных несправедливостей и «кумовства». Естественно, эту инициативу, как, впрочем, и любую другую, стоит обсуждать широко и публично. Надеюсь, и «УГ», и ее читатели не останутся в стороне от дискуссии. Нельзя учителю занимать выжидательную позицию, чтобы потом не сетовать, что «без него его женили».

Какие риски я бы предусмотрел на месте авторов будущего документа. Во-первых, нужно сделать все, чтобы введение новых должностей не увеличило документооборот – педагоги и без того перегружены бумажной работой. Второе и, наверно, главное

опасение заключается в том, что фонд оплаты труда останется прежним, а значит, чтобы поднять зарплату одним, другим придется ее срезать. Следовательно, работу над проектом надо начинать с решения ключевого вопроса: как и за счет чего увеличить фонд оплаты труда. Только тогда введение должностей принесет реальную пользу, в противном случае затея эта с самого начала будет бессмысленной, более того – вредной.

Помочь нельзя отказать

Учительская газета, № 49 от 8 декабря 2015 г.

Осенью Министерство образования и науки РФ распространило письмо «О недопущении незаконных сборов денежных средств», подписанное заместителем министра Вениамином Кагановым. В документе, в частности, идет речь о том, что в адрес ведомства продолжают поступать жалобы о взимании в общеобразовательных организациях «добровольных пожертвований» (например, на нужды школы). Кроме того, по данным Следственного комитета РФ, в некоторых регионах сохранилась практика незаконных «поборов» на ремонт зданий, оплату содержания службы безопасности, материально-техническое обеспечение и оснащение образовательного процесса. В связи с этим Министерство напоминает региональным властям, осуществляющим госконтроль в сфере образования, о необходимости реагировать на подобные жалобы, проводить проверки и «принимать исчерпывающие меры по пресечению и недопущению в дальнейшем незаконных действий».

Проблема использования учебными заведениями родительских ресурсов стара как мир. В былые годы мы ремонтировали и мыли классы перед началом нового учебного года, утепляли окна к зиме, и самые занятые находили время, чтобы, вооружившись молотком и дрелью, ведром и тряпкой, помочь школе, где учатся наши дети. Думаю, что на вопрос, должны ли родители помогать учебному

заведению, которое посещают их чада, ответ однозначный: да, должны! Это сфера совести и личной ответственности. Потому как ни для кого не секрет: при существующем объеме бюджетного финансирования школа не в состоянии в одиночку свести концы с концами. И не от хорошей жизни директор изыскивает дополнительные ресурсы: когда основная часть средств идет на зарплату педагогов, что правильно, потому как нищий учитель — это плохой учитель, денег на благоустройство и развитие катастрофически не хватает.

Поэтому, на мой взгляд, мы должны обсуждать не то, имеет ли право учебное заведение ждать поддержки от родителей, но насколько эта поддержка открыта, публична, прозрачна. Нет ли ситуации конвертов, которые тайно под партой передают из рук в руки. Понимают ли родители, на что они сбрасываются, известно ли им, куда в итоге пошли их деньги. В хороших школах родительские комитеты или управляющие советы всерьез обсуждают, сколько и на какие цели нужно собирать ежегодно. И собирают не по принципу «всех под одну гребенку», но, зная реальное положение в каждой семье, кого-то вовсе освобождают от взносов, у кого-то просят лишь часть необходимой суммы. После этого на сайте школы обязательно публикуются подробные отчеты, а родителям рассылаются письма с информацией о том, на что, вплоть до последней копейки, истрачены их деньги.

Так что я бы на месте соответствующих властных структур озаботился не очередными угрозами в адрес «мздоимцев», но проверкой легальности схем, по которым осуществляется родительская поддержка.

Выскочить из колеи

Учительская газета, № 18 от 3 мая 2016 г.

Только что Высшая школа экономики выпустила курс магистрантов по программе Анатолия Каспржака «Управление образовани-

ем». Мне посчастливилось познакомиться с этими людьми, среди которых директора школ, завучи, кандидаты наук из Москвы, Питера, Самары, Новосибирска – один солиднее и интереснее другого. Естественно, в наш последний вечер я не смог удержаться от расспросов, уж очень хотелось узнать, что дала им программа, и стоило ли это двух с половиной лет, когда в и без того плотном рабочем графике приходилось искать время еще и на серьезную учебу. Удивительное дело, но все истории оказались чрезвычайно похожи. Жил человек, занимал весьма приличную должность, опыта – на троих хватит. И вдруг в какой-то момент приходило четкое понимание: так дальше жить нельзя, я бегу по колее, завтра сливается с вчера, ответов становится больше, чем вопросов, меня уже ничего не радует и не удивляет, а так быть не должно, нужно срочно что-то менять. Именно магистратура помогла им выскочить из этой колеи, разорвать замкнутый круг обыденности. И что еще важнее – познакомила с единомышленниками, с которыми теперь можно говорить на одном языке и вместе прорываться из колеи в завтрашний день, потому как в одиночку, конечно, не вытянуть. Всех их уже пригласили вступить в Ассоциацию выпускников магистерских программ, а отечественное образование получило еще двадцать с лишним руководителей, которые будут тащить ее в будущее.

Много о чем говорили мы в этот вечер. И как-то неожиданно зашел разговор о начальной школе: как определить, какая хорошая, а какая – так себе. Надо сказать, что до этого я работал с магистрантами в другом вузе. И там большинство моих собеседников на этот вопрос ответить так и не смогли. Тут же завязалась жаркая дискуссия. Одни утверждали, что лучшая начальная школа та, где детям комфортно, и они не испытывают никакого беспокойства. Другие настаивали, что учеба – это тяжелый труд, дети приходят в школу работать, так что стоит ли ставить во главу угла именно комфорт? Звонящая тишина в классе, на которой на-

стаивали многие коллеги-магистры из другого вуза, по мнению питомцев Каспржака, вообще не показатель: ведь она может говорить как о напряженном мыслительном процессе, в который погружены дети, так и о смертельной скуке или, что еще хуже, о страхе перед учителем. Кто-то уверял, что дети в первые годы должны освоить учебную деятельность, научиться работать с информацией, искать ее в разных источниках, формулировать и задавать вопросы. И только два человека сказали, что начальная школа та хороша, где в учениках не убивают любопытство, после окончания которой дети не теряют интерес к миру, желание познавать и узнавать. И когда я это услышал, то понял – у нас есть шанс выскочить из любой, самой глубокой колеи.

Клеймо прокаженного

Учительская газета, № 20 от 17 мая 2016 г.

Честно скажу, когда впервые услышал о том, что с этого года в аттестатах выпускников спецшкол будет написано, что они окончили «специальное учебно-воспитательное учреждение для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением», сначала решил, что это очередная газетная «утка». Потому что даже взрослым правонарушителям отметка о судимости в паспорт не ставится, а тут – клеймо прокаженного в один из важнейших документов, от которого зависит будущее человека. Вскоре, однако, выяснилось, что это вовсе не шутка. Действительно, наименования школ решено привести в соответствие с официальными формулировками, прописанными в Законе об образовании, а согласно порядку заполнения аттестатов, утвержденному Министерством образования и науки РФ, в документе должно указываться полное название учебного заведения. То есть с точки зрения неукоснительного следования букве закона все правильно – не придерешься, но с позиции педагогики и здравого смысла – это полный абсурд.

На мой взгляд, даже дискутировать по этому поводу не стоит. Нужно срочно менять нормативную базу, переписывать акты, предусматривающие подобное требование. И вчера на заседании Общественного совета Министерства образования и науки РФ это решение поддержало большинство его членов. Теперь ждем соответствующего поручения Дмитрия Ливанова о пересмотре данного положения. Девять против одного, что в течение месяца необходимые поправки в законодательство будут внесены. А там уже все зависит от Госдумы.

Выпускники нынешнего года, видимо, пока что получают аттестаты с опротестованной нами пометкой, но если все пойдет так, как мы рассчитываем, думаю, в будущем им обменяют эти документы на стандартные.

Вполне закономерен вопрос: как вообще могла сложиться подобная ситуация? Дело в том, что, если говорить об образовании, создание любого закона – это непростой диалог между педагогами и юристами. Некоторые правила законотворчества подчас вступают в противоречия с мнением профессионального сообщества. Иногда побеждают педагоги, иногда – юристы. Но чаще идет поиск компромисса, и противоборствующие стороны как-то договариваются. В данном случае профессиональное педагогическое сообщество просто-напросто не заметило готовящиеся изменения, потому что если бы эта информация была опубликована на стадии подготовки нормативного акта, думаю, законодатели поддержали бы педагогов, а не юристов. Потому как мы имеем дело с сюжетом абсолютно антипедагогическим, когда в расчет принимаются сухие правовые нормы, а не судьбы людей.

О чем должен сообщать всем заинтересованным аттестат? О том, что ребенок освоил школьные стандарты. Точка. Оценок за воспитание там нет. Как нет и пометок о совершенных правонарушениях. Поэтому запись о том, что ребенок учился в «специальном учебно-воспитательном учреждении для обучающихся с девиант-

ным (общественно опасным) поведением», – это отрицательно заряженный сигнал в будущее, который может повлечь негативные последствия, а потому, естественно, должен быть ликвидирован.

На наш век хватит

Учительская газета, № 22 от 31 мая 2016 г.

Некоторое время назад в Москве состоялась пресс-конференция, на которой директор института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета Константин Зискин и ректор МПГУ Алексей Семенов рассказывали о своем видении будущей отечественной школы. Вслед за этим в Интернете, в социальных сетях и на профессиональных форумах поднялась настоящая апокалиптическая буря: народ усмотрел в высказываниях Зискина и Семенова посягательство на святая святых – классно-урочную систему и прочие незыблемые устои нашего образования. Не буду сейчас комментировать высказывания коллег из МПГУ, замечу лишь: разговорам о том, что дидактика Коменского отжила свое и нужно искать ей альтернативы, уже лет сто, не меньше. Вспомните жившего в первой половине XX века Александра Григорьевича Ривина и его методику коллективного обучения, которую потом развивали Дьяченко и Мкртчян, Кильпатрика и его проектный метод, идеи Селестена Френе и многих-многих других.

Давайте же разбираться не в том, хороша или плоха «Великая дидактика» Коменского, но подумаем, что она сегодня дает нашим детям. Всем известно, что в ней господствует фронтальная форма обучения. Есть некто – учитель, лектор или учебник, знающий ответы на все вопросы и призванный обучить тех, кто не знает ничего. Задача обучаемых – запомнить и воспроизвести. Но если мы посмотрим на минимальный набор ключевых компетенций, которых требует от людей XXI век, то обнаружим, что фронтальное обучение на их развитие не работает. Возьмем коммуни-

кационную компетенцию – умение слушать, слышать, говорить, писать. Фронтальный метод тут не помощник. Он учит слушать, но не говорить, ведь исследования показывают, что в среднем во время урока ребенок говорит около минуты – не больше. Учим ли мы его понимать? Скорее – запоминать. Среди важнейших компетенций также называют умение работать в кооперации, критически мыслить и ставить проблемы, искать недостающую информацию или, напротив, отказываться от избыточной. Всего этого фронтальный метод, конечно же, не учитывает. В отличие от проектного, где есть и коммуникация, и кооперация, и который недаром вошел в новые школьные стандарты.

Поэтому дидактика Коменского будет видоизменяться, со временем станет появляться все больше альтернатив. Но сказать, что с завтрашнего дня наша школа в массовом порядке перейдет на какую-то принципиально новую форму обучения, как это пытаются сейчас сделать финны в старшей школе, конечно же, невозможно. У нас были и останутся и классы, и уроки. На наш век их точно хватит. Другое дело, что наряду с ними во второй половине дня дети будут встречаться не по классам, а по интересам, как это уже сегодня происходит во многих школах, где ребята разных возрастов сообща работают над метапредметными проектами. Кроме того, появляется все больше детей, которые переходят на домашнее обучение, что Коменским также не предусмотрено. Не вижу повода для паники. Просто нужно понять и принять, что ситуация безраздельного господства «Великой дидактики» уходит в прошлое, и противостоять этому, не разобравшись в глубинных причинах, не стоит.

Союз нерушимый

Учительская газета, № 36 от 6 сентября 2016 г.

Минувшим летом в Москве прошло несколько съездов ассоциаций учителей-предметников. Поделиться друг с другом своими

мыслями о будущем успели химики, преподаватели немецкого языка, музыки, ИЗО и МХК. Учителям китайского языка, географии и технологии повезло меньше: вопреки расписанию их встречи так и не случились, что, впрочем, не должно помешать дальнейшему сотрудничеству в рамках творческих союзов. А то, что такие союзы необходимы, думаю, очевидно, ведь никто не поймет и не поддержит учителя лучше, чем его собственный коллега, и во все времена педагоги старались держаться вместе.

Помню, когда мы вводили школьный курс информатики, и мало кто до конца понимал, что это за предмет, как его преподавать, нашлись лидеры – Алексей Семенов, Александр Уваров, Александр Кузнецов, – объединившие вокруг себя активное профсообщество. Многие методические вопросы они тогда решали сами, не дожидаясь, пока кто-то наверху что-то за них придумает и сделает. Не секрет, что если в советские времена вопросами содержания образования и разработкой методик занимался целый научно-исследовательский институт НИИ СИМО, то теперь, после реорганизации РАО, в лабораториях остались по 3–5 человек на предметную область, а в таких условиях активно разрабатывать новые направления просто невозможно. Вот и выходит, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, а значит, без учительских ассоциаций не обойтись.

Но и тут могут быть свои риски. Во-первых, есть опасность, что власть имущие захотят незамедлительно превратить ассоциации в собственные бэк-офисы, другими словами – начнут давать им задания и поручения по составлению примерных программ, проектов ФГОС, проведению экспертиз, вынуждая тем самым обслуживать свои интересы. И как только ассоциации окажутся приданными организациями, там тут же появятся свои функционеры, вслед за чем встанет закономерный вопрос: а деньги где? Потому как создавать серьезный продукт без финансовой поддержки действительно невозможно, но выделить средства напрямую за-

кон не позволяет. Значит, будут объявляться конкурсы, которые, как известно, далеко не всегда выигрывают сильнейшие. И здесь мы сталкиваемся с еще одним риском. Я вполне допускаю, что по моей родной математике, например, может быть две, три, а то и пять ассоциаций: вокруг разных лидеров будут формироваться разные сообщества. Но не дай Бог, если их начнут сравнивать между собой, превращая в «карманные», «прикормленные» союзы. Недопустимо, чтобы у нас появились «правильные» и «неправильные» ассоциации, противостоящие друг другу и ведущие подковерные игры за место в том или ином общественном совете или экспертной группе. В таком случае не стоило ничего и затевать. Все они должны быть равноправны, каждая со своим видением и голосом. Учителям важно самим решать, над чем им в данный момент важно и интересно работать.

Взаимная поддержка и профессиональные обсуждения – вот главные задачи предметных ассоциаций. И если они не будут претендовать на то, что поймали Бога за бороду, и их мнение – это истина в последней инстанции, если станут просто помогать друг другу жить и работать, это будут здоровые и долгоиграющие истории.

Про скелеты и людей

Учительская газета, № 38 от 20 сентября 2016 г.

Новый учебный год начался с двух громких скандалов: в одной из петербургских школ вышла наружу история с фальсификацией оценок, а в Москве – и того хуже: выяснилось, что учитель долгие годы состоял в связи со своими ученицами.

Сразу вспомнились старинная английская пословица о том, что в каждом, даже самом добропорядочном доме, непременно найдутся свои скелеты в шкафу, и любимое нашими предками выражение о соре, который из избы лучше не выносить. Но так уж

устроен мир, что рано или поздно скелеты все равно из шкафов вываливаются, сор выметается, а значит, скандала не миновать. Другое дело, надо ли видеть в этом какие-то судьбоносные знаки и делать некие глобальные выводы? Или стоит просто разбираться с каждым случаем в отдельности?

Еще один вопрос, который, знаю, многих волнует: почему это произошло именно сейчас? Совпадение? Запланированная акция? О причинах можно только догадываться, но надо понимать, что любая проблема – это мина замедленного действия. Особенно сегодня, когда Интернет и социальные сети резко изменили ситуацию гласности вокруг мусора в избе и скелетов в шкафу. Теперь все тайное становится явным куда быстрее, чем раньше. Вспомним еще одну мудрость: сколько веревочке не виться, а конец придет. Так вот сейчас веревочка эта вьется со стремительной сверхскоростью. И забывать об этом нельзя.

Административные попытки изменить результаты оценивания по формуле «три пишем – два в уме» – отнюдь не порождение дня сегодняшнего. Работы детей, которые шли на золотые медали, подделывали и в советские времена. И все об этом прекрасно знали. И в хороших школах это было, и в плохих, и в Москве, и в Ленинграде, и в других городах нашей необъятной Родины. Периодически нарыв прорывается – слава Богу, что есть люди с гражданской позицией, которые не идут на поводу у начальства и имеют смелость говорить об этом вслух.

Проблема «неуставных» отношений между учителем и учениками куда тоньше и глубже. Здесь нельзя рубить сплеча. Слышал, что появилось предложение в каждой школе ввести комиссию по этике. Что могу на это сказать: хочешь «замотать» вопрос – создай комиссию. И потом: кто войдет в ее состав, где взять такое количество «чистых рук, горячих сердец и холодных голов»? Как избежать предвзятости? В Штатах все попытки домогательств со стороны преподавателей заканчиваются немедленным увольне-

нием. Однако посмотрите, сколько там пишут о том, что никакого злого умысла ни с чьей стороны не было, но возникло недоказанное обвинение, и под радостное улюлюканье толпы человека, который кому-то чем-то не угодил, выгоняют с работы с волчьим билетом. Одним словом, никакие комиссии глубинных нравственных проблем решить не могут. Можно подумать, что в советские времена, когда существовали парткомы и профкомы выглядели совсем по-другому, все люди были поголовно безупречны.

Выход один, долгий и трудоемкий: в каждом отдельном учебном заведении создавать и поддерживать здоровую атмосферу. Но дух школы не комиссией создается. Человеческая природа неизменна, и влиять на нее можно лишь всем миром, строя общечеловеческое в исконном смысле этого слова.

От трех до пяти

Учительская газета, № 13 от 26 марта 2019 г.

Периодически в СМИ появляются сообщения о том, что там или здесь сняли хорошего директора, причем совершенно ни за что. И одновременно звучат претензии совсем иного рода, мол, вот же вокруг полно ни на что не годных директоров, однако их никто не снимает. Кто прав, кто виноват?

По нынешнему законодательству учредителю даны полномочия без объяснения причин снять любого нанятого им руководящего работника, если учредитель считает, что тот не выполняет свои трудовые обязанности. В бизнесе такой подход, возможно, вполне оправдан, ибо смысл существования любого бизнеса – это зарабатывание денег. Но в образовании это вряд ли уместно, за исключением разве что частных образовательных организаций, созданных по модели коммерческих структур. Однако и тут было бы очень полезно учесть мнение педагогического коллектива, которым руководит этот директор, а также мнение родителей

и учеников. Поэтому руководителя, мне кажется, можно снимать только при наличии обоснованных претензий от этих заинтересованных сторон.

Мне могут возразить, мол, вполне возможна и такая ситуация, когда учителей будет устраивать «удобный и комфортный» директор, который с них ничего не требует и никого не трогает. Не оправдала же себя система составления рейтинга педагогов исключительно на основе отзывов их учеников, поскольку требовательные преподаватели далеко не всегда пользуются популярностью у всех детей, хотя и дают многим очень прочные знания, благодаря которым те сдают любой экзамен и поступают в любой вуз. Люди, которые устраивают абсолютно всех, как правило, не способны создать полноценную и конкурентоспособную образовательную организацию. Поэтому наиболее правильным подходом был бы учет мнений всех заинтересованных сторон при обязательной внешней и независимой оценке деятельности как учителей, так и директоров.

Инициативные и энергичные руководители вряд ли могут устроить органы управления, потому что постоянно тормозят начальство, требуют положенного по закону, «качают права». А ведь куда лучше, когда ты только даешь указания, а подчиненные их безропотно выполняют. И вот в таких ситуациях стоит все-таки вспомнить о том, что система образования – это не сфера услуг, отношения здесь должны быть очень деликатными, доверительными. Причем доверять друг другу должны все – и родители, и ученики, и учителя, и директора, и учредители, и так далее.

Опять же не стоит забывать, что развитие школы – это процесс не сиюминутный, а стратегически выстроенный, поэтому директор должен быть уверен в завтрашнем дне, а если он будет постоянно думать о том, что его могут в любой момент снять без объяснения причин, то о каком развитии может идти речь? Поэтому возникает другой вопрос: на какой срок учредитель должен

заключать контракт с руководителем образовательной организации? Сегодня нередко говорят, что оптимальный срок — это год. Но, как показывает практика, это ошибочное мнение, потому что никакую программу развития за год реализовать нельзя в принципе. За этот период можно разве что подлатать дыры. Поэтому я убежден: контракт должен быть минимум на три года, а лучше на пять лет. И в этом документе должны быть прописаны права и обязанности всех сторон, причем о работе директора должны судить не по промежуточным результатам, а по умению за такой-то срок реализовать программу развития школы. И если ему это удалось по итогам отведенного периода, причем это мнение всех заинтересованных сторон, тогда у учредителя нет никаких оснований расторгнуть договор, ибо все условия выполнены.

В соответствии с кодексом...

Учительская газета, № 19 от 7 мая 2019 г.

В последние годы довольно актуальна тема принятия рядом образовательных организаций всевозможных кодексов поведения, кодексов корпоративной этики, этических кодексов и тому подобного. Есть ли во всем этом здоровое зерно?

Начнем с того, что нормы и правила жизни образовательной организации регулируются ее уставом. И там обычно присутствуют некие сюжеты, связанные с тем, как должны себя вести учителя, учащиеся, обслуживающий персонал и так далее. Но, как правило, все это общие слова, пафос и неконкретика. А вот проблема межличностных взаимоотношений, лояльности к организации детально нигде не обсуждается. И в результате работодатели сегодня в числе главных недостатков выпускников наших вузов довольно часто указывают неумение работать в команде, подчиняться общим правилам.

Напомню, что в советские времена в решении проблемы «социалистического общежития» принимали участие сразу несколь-

ко организаций — профком, партком, комсомол и так далее. Все они следили за отношениями в коллективе, за поддержанием духа товарищества и братства. Не стоит забывать и про моральный кодекс строителя коммунизма, который хоть и напоминал заповеди Христовы, но на него всегда можно было сослаться.

Сегодня же на первое место выходит проблема защиты прав трудящихся от произвола администрации. И ряд организаций пошли по пути создания именно таких этических кодексов, в которых регулировались бы прежде всего отношения между сотрудниками, руководителями и подчиненными, прописывались нормы поведения в организации, принципы и ценности. В этом плане такой кодекс не является нормативным актом, за нарушение которого обязательно следует какая-то административная ответственность. Никто тебя не вызовет на ковер и не уволит, однако если ты будешь нарушать общепринятые нормы, то тебе каждый член коллектива всегда может указать и напомнить, что таким образом ты ставишь себя вне коллектива, ты не наш. Зато все понимают, каковы «правила игры».

Чтобы отношения в коллективе были хорошими, над этим должны работать все члены коллектива, включая и педагогов, и администрацию, и детей. В этом смысле сама идея наличия некоего принятого всеми кодекса, в общем-то, вполне логична. Но есть несколько рисков.

Во-первых, компанейщина: «Вот примем кодекс, и сразу же у нас все наладится!». Нет, так не бывает, ни один документ сам по себе ничего не гарантирует, это делают только сами люди, которые живут по принятым нормам и правилам. Во-вторых, формализм, имитация: «Кодекс — сам по себе, он на стенке висит, а мы сами по себе, у нас тут реальная, а не идеальная жизнь».

А теперь давайте посмотрим на лучшие школы России. Везде есть совместная деятельность, общинность, соборность, дух.

Успешная школа всегда предполагает наличие единого коллектива, в котором существуют гласные или негласные правила поведения, есть представления о том, как надо и как не надо себя вести, есть понимание необходимости следовать общим традициям, разделять общие ценности. Вот на этой почве создание этического кодекса вполне оправданно, потому что это всего лишь озвученные принципы поведения, добровольно принятые всеми, своего рода декларация.

Ну а если в подобной декларации отсутствуют карательные механизмы по отношению к тем, кто эти принципы не разделяет, то тут не грех вспомнить о гражданском обществе, в котором к «не нашим» людям относятся, как к чужим. То есть не подают им руки, не приглашают на общие праздники, не общаются с ними и так далее.

Правила игры

Учительская газета, № 08 от 25 февраля 2020 г.

Когда мы говорим про вопросы социального статуса учителя, его защиты, для меня прежде всего это связано с обсуждением роли и места учителя в воспитании и обучении детей. Грубо говоря, в треугольнике «родители – учителя – дети» нужно четко прописать, кто за что отвечает, кто перед кем несет ответственность, что необходимо делать всем вместе, и так далее. В этом плане говорить о статусе только одного учителя, мне кажется, не совсем правильно. Нужно обсуждать также социальный статус школьников и их родителей.

Некоторые мои коллеги заявляют, что надо брать выше и говорить о статусе гражданина Российской Федерации, не выделяя никого конкретно. В каком-то смысле это правильно. Но не надо забывать, что у представителей тех или иных профессий существуют вполне определенные служебные обязанности, а также

круг людей, с которыми они связаны в ходе выполнения этих обязанностей. И здесь просто статус гражданина слишком абстрактен, тут нужно говорить о статусе конкретного профессионала. Скажем, те же медики вряд ли связаны напрямую с работниками горнодобывающей промышленности или программистами, разве только те будут их пациентами. Однако, переходя в статус пациента, эти люди перестают быть горными инженерами и сисадминами. Так вот, у врачей тоже есть свой социальный статус, равно как и круг людей, связанных с ними их служебными обязанностями. И медики точно так же нуждаются в его защите, как и педагоги, они точно так же регулярно являются жертвами агрессии больных и их родственников. Поэтому закон о статусе учителя имеет право на существование при условии, что появятся другие аналогичные законы, которые будут защищать других специалистов.

Но если какие-то вопросы можно обсуждать нормативно, законодательно, то большую часть, я думаю, имеет смысл вынести в разного рода конвенции, кодексы, призванные формировать культуру организации. Это предполагает не тупое следование букве закона, а активное, коллективное и заинтересованное участие в решении насущных проблем той же школы или больницы. Поэтому проблему того, как к учителям относятся те или иные школьники, невозможно решить без публичного обсуждения каждого конкретного факта. А у нас предпочитают не распространяться об этом, делать вид, что ничего не произошло, не выносить сор из избы...

Закон же, на мой взгляд, не может и не должен прописывать детально все возможные случаи и варианты, но он обязан закрепить некие правила игры, следуя которым все заинтересованные участники образовательного процесса придут к компромиссу.

Напомню, что у нас уже есть Закон «Об образовании в Российской Федерации», и там есть статья 26, где упоминается о различных формах управления образовательной организацией. Думаю,

ее следует дополнить сюжетом о коллегиальности принятия решений, особенно касаясь конфликтных ситуаций.

Кто в школе главный?

Учительская газета, № 44 от 3 ноября 2020 г.

Традиционный вопрос: кто кому больше должен – школа родителям или родители школе? «Почему наш балбес плохо учится и отвратительно себя ведет?», «А почему вы с моим ребенком плохо работаете, совсем его не учите и не воспитываете?». И так далее. Подобные перепалки были, есть и будут, к сожалению.

Вот уже сколько десятилетий звучат заявления, что ученик – это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь, ведутся разговоры о том, что в школе субъект-объектные отношения необходимо менять на субъект-субъектные, чтобы ученик не был пассивным потребителем знаний, излагаемых учителем, а они работали бы вместе на достижение общих целей.

На мой взгляд, если брать пример с успешных школ, там все эти терзания остались далеко позади и даже не обсуждаются, ибо все понимают: и школьник, и учитель, и администратор – это полноправные участники единого образовательного процесса, ко всем им необходимо относиться с уважением и учетом их интересов и особенностей. В таких школах никто не винит во всех смертных грехах кого-нибудь одного, например педагога, и не считает, что ребенок по умолчанию чист и непорочен, способен только на добрые поступки, словом, там воспринимают мир таким, какой он есть, а не таким, какой он должен быть, по мнению некоторых. Так вот, руководство этих школ, педагогический состав, ученики и родители действуют в единой парадигме, они объединены общей идеей и понимают, что только вместе могут достичь успехов.

А вокруг таких школ есть все прочие. В которых, например, люди уверены, что ученик – это пуп земли и ради удовлетворе-

ния его запросов учителям следует расшибиться в лепешку. Или школы, где главным считают директора, ибо он всему голова.

Кстати, что касается роли директора, то, конечно же, судьба любой образовательной (да и не только образовательной) организации очень сильно зависит от профессионализма ее руководителя. Но что же мы подразумеваем под профессионализмом директора? Понимаю, что выскажу непопулярную точку зрения, тем не менее, на мой взгляд, директор школы – это все-таки менеджер, управленец, его задача – создавать условия, для того чтобы в этой школе учителям было комфортно работать, а детям – учиться. Но от него до сих пор требуют, чтобы он читал труды классиков педагогики, изучал новейшие методики и технологии преподавания, знал отличительные черты всех линеек учебников, разбирался в технических средствах обучения... Позвольте, но если он всем этим будет заниматься, у него просто не останется времени и сил на главное – создание условий для всех остальных!

Между тем, напомним, у директора есть заместители, каждый из которых отвечает за свое направление деятельности – учебная и научная работа, организация мероприятий, информатизация, безопасность и так далее. Так вот, по-моему, каждый из них как раз и должен разбираться в этом от и до, а задача директора – назначить на соответствующую должность грамотного специалиста и доверить ему выполнение тех или иных задач. При этом он имеет полное право стремиться узнать как можно больше обо всем, но он не обязан вникать во все тонкости и проблемы, которых в школе миллион. Потому что за решение каждой из этих проблем отвечает тот, кому это поручено, а вот кому это поручить, решает именно руководитель.

Грубо говоря, есть глава государства и его министры. Если первое лицо постоянно будет лезть во все щели и говорить, как надо работать людям на местах, ничего хорошего из этого не выйдет. Есть министр обороны, и если армия не готова к войне

или терпит поражение, значит, надо не строить из себя стратега, а поручить дело новому, более профессиональному стратегу.

Но, повторяю, наивно считать, будто в школе главный – это именно директор. Или ученик. Или учитель. В хорошей школе каждый выполняет свою роль и находится на своем месте, именно в этом залог общего успеха.

Добавленная стоимость

Учительская газета, № 47 от 24 ноября 2020 г.

Сейчас в сфере бизнеса очень популярна аббревиатура KPI – key performance indicators («ключевые показатели эффективности»). И кое-кому очень хочется непременно притащить все это и в систему образования, особенно на фоне разговоров об эффективном контракте. Многие вузы уже приняли KPI на вооружение, некоторые школы тоже стараются быть в тренде. А вот я не совсем понимаю, как это можно применить непосредственно к деятельности педагога.

Какие показатели эффективности есть в учительской профессии? Количество поступивших в вузы? Олимпиадники? Победители конкурсов? Но тут очень сложно понять, чья в том заслуга – учителя, репетитора или родителей. А даже если и учителя, то какого именно, ведь ученика может до 8-го класса учить один педагог, после – другой, а про учителей начальных классов в этом случае вообще почему-то забывают, хотя от них зависит очень и очень многое. Опять же, если ученик плохо читает, то это мешает ему осваивать не только литературу, но и все прочие предметы, в том числе математику. А если его не научили считать, вычислять, то вряд ли ему удастся добиться успехов в физике или химии. В конце концов, каждый пятый неуспешный по математике просто не понимает условия задачи. Это чья «заслуга»? Только ли математиков?

Я считаю, что один из наиболее справедливых подходов к оцениванию деятельности учителя-предметника — это так называемая добавленная стоимость, то есть позитивная динамика, которую можно увидеть, проведя контрольные срезы на входе и на выходе, в начале и в конце года. Выросло количество детей, которым нравится предмет, уменьшилось количество неуспевающих, появились желающие посещать кружки по данному направлению — значит, человек трудится не зря. Все это поддается процедуре измерения, есть соответствующие материалы и инструменты. По большому счету, те же ВПР, в принципе, тоже могут быть использованы для определения, насколько качественные знания дает тот или иной педагог. Ведь если дети при повторном срезе показывают лучший результат, чем был, и у них ликвидированы пробелы, выявленные предыдущим испытанием, то «добавленная стоимость» налицо. Хотя и здесь очень важен контекст, который у каждого может быть строго индивидуальным, — болезнь, трагедия, любовь, конфликт и так далее.

На мой взгляд, почти все попытки описать ключевые показатели эффективности приводят лишь к увеличению отчетности (просили — получите!) и/или к воспитанию лицемерия в людях. Ведь если в школе у директора в почете те педагоги, которые задерживаются на рабочем месте допоздна якобы из особой любви к своему делу, то кое-кто обязательно станет ошиваться там просто так, лишь бы показать начальству, насколько он влюблен в свою школу.

А вот теперь давайте посмотрим на ситуацию с другой стороны. Например, можно ведь описать не требования, а ожидания. Не перечислять, что ты отвечаешь за качество преподавания, воспитательный процесс, развитие компетенций, дисциплину и так далее, ибо это совершенно очевидные вещи, а отметить, что в данном классе желательно получить такие-то результаты — выше тех, что были ранее. А вот как именно этого достичь и что вам для

этого нужно, давайте поговорим отдельно. То есть тут нет стандартных рецептов, каждый случай индивидуален.

Учитель не слесарь и не маляр, он не может за смену выдать такое-то количество деталей или покрасить такую-то площадь поверхности в соответствии с ТУ и ГОСТ. У учителя иная специфика, и это проявляется абсолютно во всем – от работы с трудными подростками до коллективных творческих проектов.

Поэтому я категорически против того, чтобы в должностных инструкциях, которые касаются педагогов, были прописаны те же требования, что и к ремесленникам. В работе учителя слишком много неформального и не регламентированного в принципе.

О СОДЕРЖАНИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В гости к Шолохову не бывает опозданий

Учительская газета, № 03 от 21 января 2014 г.

А вы верите в то, что как только сочинение вернется в школу обязательным выпускным экзаменом, наши дети тут же кинутся к книжным полкам за Толстым, Горьким и Платоновым? Я вот не верю. Потому как проблема чтения вовсе не в форме учета и контроля, а в том, скорее, что большая часть произведений школьного курса литературы находится за пределами психологического возраста детей и подростков.

Я не мог в школе читать Достоевского. Мне после этого хотелось руки помыть. Прошли годы, прежде чем я понял, о чем он писал на самом деле. Мое же детство было наполнено совсем другими книгами. За моим чтением следила мама, постоянно подбрасывая то, что, по ее мнению, может по-настоящему увлечь мальчишку, помешанного на скалолазании и водном туризме: Фенимора Купера сменил Джек Лондон, затем появились Харпер Ли, Хемингуэй. Отец был военным, потому я много читал о войне: Астафьева, Некрасова. Манили приключения, далекие неведомые земли, несгибаемые характеры, но всего этого не было в школьной программе. В классе нам предлагали «потрошить» книги, искать в них «положительные и отрицательные образы», «темы и идеи». Меня от этого, честно скажу, мутило...

Выпускное сочинение не вернет книге читателя. Вспомните 1990-е годы, когда прилавки наводнили сборники «100 лучших сочинений». С их помощью если не на пятерку, то уж на четверку все точно можно было сдать, ни разу не заглянув в первоисточник. Угадать примерную тему труда не составляло: в экзаменационные списки всегда попадали произведения писателей-юби-

ляров, что-то связанное с важными государственными датами. Выучи наизусть пару кем-то другим написанных текстов, а еще лучше – напиши шпаргалки – и ты готов. Только при чем тут литература? И неужели вы думаете, что на сочинениях не будет тех же проблем с мобильными, какие существуют на ЕГЭ? Да тут все еще проще. Вставил наушник в ухо и пиши себе спокойно под диктовку.

Выход, на мой взгляд, один: надо коренным образом менять содержание школьного курса литературы. Но тут сразу вспоминается смертельная битва, разгоревшаяся между словесниками при подготовке стандартов 2004 года. Никак не могли тогда договориться, кого же оставить в программе – Шолохова или Пастернака. А какие спекуляции начались, как только были опубликованы примерные программы по литературе: почему того выкинули, а этого вставили?! Поэтому понимаю: прежде чем что-то изменится, еще много копий будет сломано.

Какие примеры существуют в мировой практике – не одни мы ведь страдаем от того, что дети не читают? Берется крупное произведение, сравнимое по масштабу и значимости с той же «Войной и миром». И детально, подробно изучается в течение полугода. Потом пишутся инсценировки отдельных глав, ставятся спектакли – это и есть защита проекта. При этом учитель постоянно говорит с детьми о том, как они понимают все происходящее на книжных страницах, о чем это вообще написано.

...Если бы у меня спросили, что оставить в программе – «Тихий Дон» или «Доктора Живаго», я бы не смог ответить. Потому что хорошо бы прочитать и то и другое. Только не в школе, а чуть позже, когда будет готова душевная почва, куда этим зернам падать. Прочитать, чтобы открыть в собственном сердце некие заветные, неведомы доселе тайники, чтобы задуматься всерьез, а зачем вообще пришел я на эту землю. А вовсе не для того, чтобы потом сдавать экзамен или писать сочинение.

В силках «квасного» патриотизма

Учительская газета, № 21 от 27 мая 2014 г.

Наверное, ни один другой школьный курс не обсуждают у нас столь жаростно и жарко, как литературу. Тягаться с этими спорами по градусу накала могут только битвы вокруг курса истории. И вот новый виток дискуссии, на этот раз в Общественной палате. Я в такие моменты всегда вспоминаю 1990-е и начало «нулевых»: какие только идеи тогда не звучали. Одни предлагали для изучения списки из ста, двухсот, тысячи книг «золотого фонда» российской литературы. Другие считали, что связь времен и поколений не прервется, если предложить школьникам по три ключевых произведения от каждого ушедшего века. Третьи шли еще дальше, планируя адаптировать классиков для современной молодежи: мол, если уместить «Войну и мир» в 20 страниц краткого пересказа, его прочитают наверняка и хотя бы будут знать, о чем там вообще речь. Но в итоге все и всегда сводилось к спору об именах: кого включать в программу, а кого можно и за скобки вынести, чье имя достойнее: Ахматовой или Цветаевой, Шолохова или Пастернака?

На мой взгляд, обсуждать надо совершенно другое. Для чего мы преподаем литературу в школе — вот о чем стоит задуматься. Чтобы привить детям вкус и привычку получать удовольствие от чтения? Безусловно! И это, пожалуй, основная цель литературного образования. Не так давно моя взрослая уже дочь призналась, что только сейчас стала понимать, о чем Толстой написал свою «Анну Каренину». Это значит, что в школе у нее не отбили охоту читать, возвращаться к книгам, которые когда-то, возможно, и не были осмыслены ею до конца. Нужно ли учить детей отличать поэтического Паустовского от сумеречного Достоевского? Наверное, это тоже важно. Необходимо ли пробуждать в них чувство естественного сострадания к тем, кто в этом сострадании нужда-

ется, прививать уважение к земле, на которой ты родился, будешь жить и работать? Обязательно! Главное тут – не путать истинный патриотизм с «квасным», который лично я не приемлю.

А что же происходит на самом деле? Мы продолжаем навязывать ученикам свою систему ценностей, свои взгляды на мир, на то, что есть хорошо, а что плохо. Даем им заранее заготовленные, «правильные» ответы на вопросы, которые, возможно, они еще сами себе не успели задать. Продолжаем использовать ее в качестве идеологического оружия. И вот это уже, думаю, лишнее.

Возвращаясь к встрече в Общественной палате, замечу, что меня смущает ее «религиозный» уклон. Да, знать основы христианства, как и любой другой мировой религии, должен любой образованный человек. Без религиозного контекста мы не пойдем до конца ни живопись, ни литературу. Безусловно, исторически Россия всегда была тесно связана с православием. Но нельзя все сводить только к православным канонам, базировать на них школьный курс литературы. Страна наша поликонфессиональная, а ислам, буддизм и иудаизм для мировой культуры не менее значимы, чем христианство. Кроме того, известно высказывание, и я с ним согласен, что многие конфликты возникают на границе религий. И если уж мы планируем обсуждать на уроках литературы конфессиональные сюжеты, то давайте изучать лучшие произведения разных культур и религиозных практик.

Не все лишайники одинаково полезны

Учительская газета, № 36 от 9 сентября 2014 г.

1 сентября на сайте edu.crowdexpert.ru стартовало интернет-обсуждение примерных основных образовательных программ по всем предметам с 5-го по 9-й классы. Учителя, методисты, родители – все, кому небезразлично, чему будут учиться в будущем наши дети, – могут включиться в этот разговор и до 20 ноября

высказать замечания к уже существующим вариантам программ или предложить свои.

Конечно же, примерные программы по учебным предметам нужны. Мы и так уже изрядно задержались с их принятием. Дело в том, что в новых федеральных государственных стандартах ни слова не сказано о содержании, об образовательной «начинке». В них не оговаривается, какие формулы, теоремы, исторические даты, физические и химические законы должны знать школьники. В отличие от стандартов 2004 года, новые ФГОСы выстроены в совершенно иной логике. Естественно, предметникам нужны ориентиры, позволяющие отбирать содержание. И в этом смысле обсуждение примерных программ не просто актуально, но сверх-актуально.

Хорошо, что к разговору приглашаются не только педагоги. Когда такие вопросы решают лишь узкие специалисты, есть опасность столкнуться с ситуацией, которую мы наблюдали в 2004-м. Никто из предметников не мог пожертвовать ни единой темой из своей дисциплины. Как только из ботаники предлагалось убрать один вид лишайников, учителя начинали возмущаться: как можно оставить детей без этого лишайника, на нем вся биология держится! Та же картина повторялась у математиков и физиков, историков и филологов. И тут мне хотелось бы обратиться к читателям «УГ» с предложением: не считите за труд, почитайте учебники, по которым работают ваши коллеги. И честно сами себе ответьте на вопрос: весь ли школьный курс по всем предметам вы помните? И мешают ли вам пробелы в знаниях по другим дисциплинам жить и успешно работать?

Очевидно, что содержание школьного образования перегружено. У учителя нет времени развивать мышление ребенка, ему надо все время давать новый материал. Поэтому, на мой взгляд, в ходе широкого общественного обсуждения необходимо четко разделить материал на обязательный, который у всех учеников

должен от зубов отскакивать, и факультативный, необходимый детям, решившим изучать ту или иную дисциплину углубленно.

Тем же, кто волнуется, что интернет-обсуждение – не более чем фикция, а в итоге чиновники все равно утвердят программы, уже заранее кем-то составленные, хочу напомнить, что именно вмешательство широкой общественности позволило уйти от ряда очень спорных шагов, предлагавшихся в первых редакциях новых стандартов старшей школы и в Законе об образовании.

А олени лучше

Учительская газета, № 46 от 18 ноября 2014 г.

Недавно я побывал в удивительном уголке земли: в небольшом нанайском селе, раскинувшемся на берегу Амура в трех часах езды от Хабаровска. Естественно, пригласили и в местную школу. Знаете, чем больше всего гордятся ее мальчишки? Тем, сколько рыбы они поймали, как ловко могут обращаться с оленями и метко стрелять, охотясь на соболя. Здешняя школьная жизнь во многом подчинена совершенно иным, особым, непонятным нам, горожанам, законам: первые осенние месяцы ребята вместе со взрослыми заняты путинной: рыба идет косяком, упустить ее нельзя. Весной они тоже отвлекаются от учебы на обязательные свои хозяйственные дела, ровно так же, как поступали когда-то их отцы, деды, прадеды.

Эти люди сохранили свои древние верования, символику и язык, но в то же время все они прекрасно говорят по-русски и знают историю России. Они помнят, как одевались и что ели их предки, на уроках труда дети занимаются исконными ремеслами, изготавливают уникальные по красоте и тонкости национальные поделки и вместе с тем умеют работать с компьютером, в школе есть лингафонный кабинет, интерактивные доски.

Смотрел я на эту школу и думал, а учитывает ли их интересы Федеральный государственный образовательный стандарт,

ориентированный на всеобщую академическую успешность? Не мешает ли он им развиваться так, как считают нужным и их родители, и они сами? Кому-то, безусловно, от него польза: часть выпускников действительно уезжает учиться в вузы Хабаровска. Яркое тому доказательство — наш замечательный экскурсовод, уроженка этого села, окончившая Хабаровский педагогический университет и вернувшаяся в родную школу учителем истории. По всему видно, что она — блестящий специалист, увлеченный своим делом. Глядя на нее, искренне завидовал ее ученикам. Но ведь есть и другие дети — прирожденные охотники, рыболовы и оленеводы. Их главная книга — это сама природа, и умение читать ее без перевода у них в крови. Нужны ли им знания о производной от сложной функции? Нужны ли им инверсии и парцелляции?

Посещение этого нанайского села и его школы, долгий разговор с директором, с учителями, с детьми вновь заставил меня вернуться к мысли, которой не так давно уже делился с вами: а нужен ли нам вообще единый стандарт при всем разнообразии нашей большой России? Не разумнее ли согласиться с неким обязательным минимумом, который позволит нам и впредь оставаться единым государством, понимать один язык, помнить общую нашу историю, а тонкости и детали спрашивать лишь с мотивированных детей, которым они и в самом деле необходимы. Принять вариативные стандарты, учитывающие интересы не только будущих ученых и академиков. И перестать, наконец, заставлять всех детей знать все.

Великая финская революция

Учительская газета, № 23 от 9 июня 2015 г.

Правительство Финляндии заявило о начале крупнейшей реформы в истории национального образования. Наши северные со-

седи решили отказаться от преподавания отдельных предметов. Вместо этого старшеклассники будут заниматься конкретными проектами, так или иначе связанными с их будущими профессиональными интересами, а из всех наук и дисциплин смогут выбирать лишь те темы, которые необходимы для претворения их идей в жизнь.

Можно только предполагать, что заставило финнов, чьи дети на протяжении многих лет показывают стабильно высокие результаты во всех международных исследованиях, чья система образования была предметом зависти коллег всего мира, пойти на столь рискованный шаг. Скандинавская модель в целом ориентирована на то, чтобы создать ситуацию успеха для всех детей в классе. Каждый ребенок осваивает программу в своем темпе, но все же основное внимание уделяется ученикам слабым и средним, сильные же ребята остаются как бы вне поля зрения педагога. Видимо, финны поняли, что с этим надо что-то делать. Очевидно, что копировать нашу практику работы с одаренными детьми – через олимпиады и спецшколы – они не хотят. Думаю, их не устраивает сама идея делить школы на коррекционные и элитные, для них принципиально сохранить единое образовательное поле. И переход от предметов к проектам при удачном раскладе может стать одним из решений этой проблемы.

Конечно, Америку наши соседи не открывают. Все новое – это хорошо забытое старое. В начале 20-х годов прошлого века в России тоже активно обсуждался отказ от отдельных предметов и переход к проектному методу. Помните, у Вениамина Каверина в «Двух капитанах»: «Мы проходили утку. Это были сразу три урока: география, естествознание и русский. На уроке естествознания утка изучалась как утка: какие у нее крылышки, какие лапки, как она плавает и так далее. На уроке географии та же утка изучалась как житель земного шара: нужно было на карте показать, где она живет и где ее нет. На русском Серафима Петровна учила нас пи-

сать “у-т-к-а” и читала что-нибудь об утках из Брема. Мимоходом она сообщала нам, что по-немецки утка так-то, а по-французски так-то. Кажется, это называлось тогда “комплексным методом”».

Пытались работать по такой методике и отдельные университеты. Перед студентами ставились по-настоящему серьезные проблемы, например, оводнения Сахары, и они старались их решать, параллельно изучая физику, химию, биологию, геологию.

Однако время показало, что абсолютизировать этот подход явно бессмысленно. Великий венгерский математик Дьёрдь Пойа утверждал, что хорошо поставленная задача – это уже половина решения. Но сформулировать задачу, если ты ничего не знаешь, – невозможно! Без крепкой предметной базы браться за решение серьезных проблем, что научных, что практических, это то же самое, что пытаться исполнить в фигурном катании сложную произвольную программу, не освоив ключевых танцевальных шагов.

Планы финской школы, безусловно, любопытны, но тотальный отказ от предметного метода в пользу проектного, на мой взгляд, успеха не принесет. Такой подход даст прекрасные результаты в вузе, в старшей школе он может быть частью учебного процесса, но в основной и начальной без изучения отдельных предметов не обойтись. В противном случае, как писал Каверин, все будет выходить «мимоходом»: у детей сформируются фрагментарные, обрывочные представления о мире, стойкое убеждение, что любую науку можно свести к паре-тройке случайных законов.

ОБ ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

Не сравнивайте зеленое с квадратным

Учительская газета, № 11 от 18 марта 2014 г.

В последнее время о рейтингах и мониторингах не говорят и не пишут только ленивые. Не спорю, вопрос важный: обозначен в Законе об образовании, в дорожных картах. Подобных исследований нынче проводится много. Есть знаменитый рейтинг ТОП-500. В рамках проекта «Лучшие школы России: рейтинги и мониторинги» агентство РИА Новости провело исследование «Рейтинг школ повышенного уровня РФ–2013» – итоги подвели в конце минувшей недели, проанализировав ситуацию более чем в 40 регионах. В субъектах Федерации выстраивают свои местные рейтинги. Вопрос лишь в том, какие показатели принимать за меру вещей? К сожалению, чаще всего при проведении исследований организаторы ориентируются на результаты Единого государственного экзамена. Почему это должно настораживать? Да потому, что, если ставить во главу угла показатели ЕГЭ, то наказывать зачастую приходится невиновных, а награждать – непричастных.

Возьмем, например, гимназию в центре города. Детей, самых лучших, подготовленных, везут сюда со всех районов – близких и дальних. У родителей, как правило, высшее образование, хорошая работа, дома есть и компьютеры, и роскошные библиотеки. А теперь сравним это элитное учебное заведение со школой где-нибудь на неблагополучной окраине. Здесь и неполных семей больше и вообще социально-экономический статус родителей несколько иной. Средние баллы ЕГЭ, конечно же, несопоставимы: 80–85 в гимназии против 40 в спальном микрорайоне. Но на самом деле совершенно непонятно, какая из этих школ работает качественнее. Может быть, поощрения как раз куда больше достоин

педагогический коллектив, который в сложнейших условиях, на благодаря, а вопреки, все же выходит на свой крепкий «сороковой рубеж». А гимназию с ее 85 баллами, возможно, хвалить-то и не за что: лучшие преподаватели учат отборных детей, а до порога в 90 баллов не дотягивают.

Когда стали известны результаты наделавшего столько шуму рейтинга ТОП-500, некоторые руководители образования субъектов федерации сетовали, мол, почему у нас в этот заветный список всего одна школа попала, любой ценой надо добиться, чтобы их там было хотя бы три. Друзья, но ведь попасть в ТОП-500 проще простого! Выберите крепкое учреждение, выгоните из него всех двоечников и троечников, которые в перспективе не покажут высокий балл ЕГЭ, соберите под одной крышей всех олимпиадников, и вот вам, пожалуйста, школа из ТОП-500. Только чего вы этим добьетесь, что докажете? Какие уникальные практики реализует эта школа, и можно ли ее опыт тиражировать и использовать в ином контексте?

Факт остается фактом: большинство рейтингов и мониторингов в России пока что организуются не очень грамотно. И абсолютно точно, что никаких управленческих решений по итогам этих исследований принимать нельзя. Ни в отношении образовательного учреждения, ни, тем более, в отношении учителя.

Необходимо, конечно же, учитывать контекстные показатели. Тот же социально-экономический статус семьи, например. И еще множество дополнительных факторов. И прежде всего подобное надо сравнивать с подобным: гимназии-тяжеловесы школам «легкого веса» не соперники, и бессмысленно сравнивать зеленое с квадратным.

Конец света отменяется

Учительская газета, № 23 от 10 июня 2014 г.

На сайте «УГ» прочитал статью своей землячки, Надежды Князевой, учителя начальных классов красноярской школы № 137 «Если

ребенок напишет ККР самостоятельно, то ЕГЭ для него будет проще пареной репы!» (<http://www.ug.ru/insight/442>). Надо сказать, что текст этот меня смутил, и вот почему. По словам Надежды Константиновны, «ККР проходят себе тихонько уже четвертый год, ввергая в ужас родителей четвероклассников и пополняя кошельки экспресс-репетиторов». Но, насколько мне известно, оценки в журнал за краевые контрольные работы не ставятся, и уж тем более эта проверка не должна являться основанием для квалификации или дисквалификации учителя или школы в целом. То есть никакие карательные меры по ее итогам недопустимы, чтобы не сказать – незаконны! Поэтому завышать результаты краевой контрольной, а уж тем более платить репетиторам за специальную подготовку, абсолютно бессмысленно.

Для чего вообще нужны ККР? Совсем не для того, чтобы кого-то в чем-то уличить, а затем показательно высечь, но исключительно, чтобы понять, что дети могут, а чего нет, что усвоили на отлично, а над чем еще придется покорпеть. Работы, подобные ККР, помогают выстроить систему повышения квалификации учителей, потому что если дети массово чего-то не знают или не умеют, значит, скорее всего, проблема с подходами к преподаванию конкретных тем и разделов. Поэтому сравнение краевой контрольной с ГИА, а уж тем более с ЕГЭ, кажется мне по крайней мере некорректным. Потому как ЕГЭ и ГИА – это экзамены с высокими ставками, где от количества набранных баллов зависит многое, а ККР – не более чем диагностика, выяснение «средней температуры по больнице». Во всяком случае, так она была задумана, а если ее превращают в орудие устрашения – с этим надо разбираться.

Теперь об избыточном количестве заданий. Только по русскому языку их, как пишет Надежда Князева, семнадцать, включая мини-сочинение, и уложиться необходимо в 40 минут. Но кто сказал, что выполнить нужно все «от А до Я»? Возьмите любое международное исследование – PISA, TIMSS, PIRLSS, – там тоже

никто не ждет от детей ответов на все вопросы. Одна из проблем наших школьников в том, что они выполняют задания по очереди. И если что-то не получается, «зависают», и дальше ни с места. Это наша традиционная болезнь, которую особенно обидно наблюдать на всевозможных олимпиадах. Дело учителя — объяснить ребенку: если ты чего-то не знаешь, иди дальше, лучше решить пять задач из разных разделов, чем застрять на одной, потерять уйму времени, а с ней — и надежду на успех.

И все-таки статья Надежды Княzewой — это определенный «звонок». Ведь из нее следует, что местные руководители образования не объяснили своим учителям, с какой целью проводятся эти контрольные. Думаю, в будущем учебном году и краевое министерство, и краевой центр оценки качества образования должны провести более тщательную разъяснительную работу, чтобы у педагогов, родителей и детей не осталось вопросов, чтобы все были спокойны и не воспринимали ККР, как конец света.

Минусы вижу, плюсов не наблюдаю

Учительская газета, № 34 от 26 августа 2014 г.

Когда было решено начать эксперимент по введению в России Единого государственного экзамена, специалисты проанализировали многолетний опыт разных стран, изучили контрольно-измерительные материалы национальных экзаменов, материалы международных исследований качества образования PISA, PIRLS, TIMSS. У каждой системы обнаружались свои плюсы и минусы, pro и contra. В результате мы создали оригинальную модель, которой не существует больше нигде в мире. Тут есть и вопросы с выбором ответов — это часть А, и вопросы с коротким свободным ответом — часть В, и вопросы с расширенным свободным ответом, предполагающие написание эссе или решение задач, — часть С. Подчеркну, что ряд стран использует только часть А, дру-

гие – А и В. Но главное, что вопросы с выбором варианта ответа есть абсолютно везде, в том числе и в существующем с 1901 года американском академическом тесте SAT, на основании которого студенты поступают в вузы США. А вот часть С – это редкость. Замечу, что наши соседи из Казахстана, которые начали проводить национальный экзамен куда раньше нас, часть С так до сих пор и не ввели, посчитав ее излишне сложной. Мы же пошли на это, потому что свободные задания всегда были в традициях советской школы и вступительных испытаний в вузы.

В зависимости от предмета пропорции заданий А, В и С варьируются. Но каждая из частей одинаково важна и служит своим целям. Для чего, например, необходима часть А. Она помогает выяснить, насколько выпускник усвоил материал не одной-двух тем из школьной программы, но всего стандарта, так как позволяет проверить знания по максимальному количеству учебных разделов. Да, конечно, во многом это проверка памяти, но ни один учитель, каких бы прогрессивных взглядов он ни придерживался, не станет спорить, что знание фактов необходимо. Часть А – это серьезное подспорье для не самых сильных учеников: ребенок, планирующий поступать на филологический факультет, может плохо знать тригонометрию, но умеет решать алгебраические уравнения, а значит, свой необходимый проходной балл наберет и аттестат получит.

Анализ выполненных заданий, проведенный сотрудниками ФИПИ, также подтверждает, что большинству детей гораздо проще, видя перед собой несколько вариантов, выбрать из них правильный, чем написать свободный ответ. Эти же исследования показывают, что за выполнение заданий части С берутся далеко не все выпускники. Таким образом идея избавиться от части А в контрольно-измерительных материалах ЕГЭ – это удар по слабым детям. Приняв такое решение, мы либо значительно увеличиваем число двоечников, либо будем вынуждены вновь понижать порог

минимальных баллов, которые и так уже вызывают у профессионального сообщества и смех и слезы.

Все разговоры о том, что часть А — это «угадайка», искажающая реальную картину знаний предмета, — не более чем разговоры, ни на чем не основанные. Когда математики убрали из заданий ЕГЭ варианты с выбором ответов, я не увидел ни одного серьезного исследования, которое бы доказывало, что этот шаг изменил ситуацию в лучшую сторону. Напротив, оказалось, что в этом году порога по математике можно было достичь, решив всего лишь три задачи из курса начальной и основной школы. Считаю, что эта инициатива не более чем реформа ради реформы.

Мои коллеги Валентин Шаулин, Вероника Спасская, Галина Ковалева и многие другие, с которыми мы начинали эксперимент по введению Единого государственного экзамена, подтвердят: любой пункт, любое положение, любая идея об изменении правил игры обсуждались долго, придирчиво, со всех сторон. Мы досконально изучали, что та или иная новелла даст или отберет у выпускников, у школ — прежде всего у учителей, у приемных комиссий вузов.

Поэтому когда слышу, что руководство Минобрнауки и Рособнадзора решает избавиться от одной из частей Единого государственного экзамена, сразу задаюсь вопросом: а вы обсудили это с профессиональным сообществом, а вы просчитали все «за» и «против»? Нельзя принимать решение, которое может стать роковым для сотен, если не тысяч детей, в одиночку, за закрытыми дверями. Ведь это, помимо всего прочего, еще и вопрос доверия к экзамену, в том числе и за пределами России.

Со всеми этими скачками и судорожными изменениями контрольно-измерительных материалов мы потеряли преимущество. Мы уже не можем объективно сравнивать средние баллы ЕГЭ по одному предмету за несколько минувших лет. А ведь до сих пор и Министерство образования и науки, и субъекты РФ, и

образовательные учреждения отчитываются, мол, по сравнению с прошлым годом средний балл ЕГЭ по математике вырос на столько-то, а по русскому языку на столько-то. Но ведь сегодня это сравнение почти бессмысленно! И не случайно многие выпускники прошлого года, увидев, что на этот раз сделали с нижней границей по той же математике, начали требовать: отдайте нам наши аттестаты. И их можно понять: почему в этом году одиннадцатиклассники, набравшие столь мизерное количество баллов, получили аттестаты об окончании средней школы, а они, ровно с теми же баллами, ушли со справкой?

Конечно, перемены необходимы. Но они должны касаться прежде всего не формы, а содержания. Можно обсуждать соотношение числа вопросов разных частей, организацию выпускного экзамена на базовом и профильном уровне. На мой взгляд, главное направление изменения содержания экзаменационных материалов должно быть связано с планированием перехода на новые ФГОС, которые сделаны в иной идеологии, чем большая часть сегодняшних КИМов. Компетентностный подход, который заложен в наши новые школьные стандарты, требует серьезного внимания к разработке заданий, которые эти компетенции измеряют. Нужно постепенно увеличивать число задач, проверяющих не столько память, сколько умение ребенка размышлять. Свободные задачи, заставляющие мыслить логически, естественно, необходимы. Но умение мыслить можно проверять и при помощи заданий с выбором вариантов ответов.

Критерии искренности

Учительская газета, № 48 от 2 декабря 2014 г.

Завтра одиннадцатиклассники всей страны, от Сахалина до Калининграда, впервые за долгие годы будут вновь писать итоговое сочинение по литературе. Никто, думаю, не будет спорить,

что сочинение – это очень важный и полезный элемент учебного процесса, прекрасный способ проверить, понимает ли ребенок прочитанный текст, умеет ли грамотно излагать и доказывать собственную точку зрения. Подобная форма контроля всегда была, есть и, уверен, останется необходимым элементом работы учителя с классом. Другое дело, если мы рассматриваем сочинение как экзамен с высокими ставками, как допуск к ЕГЭ или способ заработать дополнительные баллы для поступления в вуз. Тут у меня лично возникает масса вопросов.

Во-первых, как только критерии оценки стали известны учителям, репетиторам и школьникам, тут же началось то, что в народе называется простым словом «натаскивание». Мы автоматически вернулись в ситуацию «ста лучших сочинений», существовавшую и в советские, и в постперестроечные времена, когда дети читают вовсе не классические первоисточники, а эталонные образцы чужих рассуждений на ту или иную тему, потому как их задача не свои творческие способности продемонстрировать, но показать, что они могут соответствовать установленным критериям. Вспоминается история, которую услышал от одного своего товарища еще в 1990-е. Его сын поступал на мехмат, и родителям настоятельно рекомендовали нанять репетитора для подготовки к сочинению. «Зачем? – изумился мой приятель. – Ребенок и так прекрасно пишет». И услышал в ответ: «Но вы же не знаете, что хотят прочитать в его сочинении проверяющие?! А репетитор вам это как раз и объяснит». Так чему же в таком случае учит молодого человека экзаменационное сочинение? Транслировать чужие мысли – да. Встраиваться в определенные рамки – безусловно. Но все это не имеет никакого отношения к литературе, творчеству и искренней любви к слову.

Еще одна опасность, с которой, кстати, мы уже сталкивались, когда вводили ЕГЭ. Даже при наличии четких критериев разные эксперты оценивают часть С по-своему. Требуется серьезная ра-

бота, чтобы свести эту субъективность к минимуму. И тогда давайте сами себе признаемся, что мы просто вводим еще один обязательный ЕГЭ по литературе, но что тогда делать с уже существующим экзаменом по выбору? Мы его убираем? Или оставляем? А зачем?

На мой взгляд, если уж мы хотим проверять у наших детей те или иные компетенции, было бы разумнее организовывать контроль в разное время, в разные годы, при этом не делая его столь «судьбоносным». Проверка способности понимать художественные тексты и связно, честно их комментировать – экзамен уровня 9-го класса, потому что если к 15–16 годам человек этому не научился, то вряд ли освоит подобное искусство позже. Единственное, что может меняться со временем, – количество и глубина прочитанных первоисточников. Думаю, было бы правильно устраивать конкурсы сочинений, чтобы в них за определенные бонусы, в зависимости от уровня – школьного, городского или всероссийского – принимали участие те, кому это действительно необходимо. Такая «добровольная» форма куда более верный путь к искреннему интересу к книге, чем заучивание чужих, пусть и правильных мыслей.

Телега впереди лошади

Учительская газета, № 50 от 16 декабря 2014 г.

Мысль о том, чтобы разделить обязательные выпускные экзамены по русскому языку и математике на два уровня, базовый и профильный, появилась еще в начале 2000-х, когда мы только планировали эксперимент по введению ЕГЭ. Очевидно, что с будущих инженеров надо спрашивать одну математику, а с гуманитариев – совершенно другую, точно так же, как технарям совершенно не нужны научные тонкости языка, столь важные для гуманитариев. Кроме того, ЕГЭ ведь еще сдают дети, которые вовсе не со-

бираются поступать в вуз, им знаний по этим предметам просто должно хватить для повседневной жизни.

В то время ситуацию как-то спасала пресловутая формула «+1». Вы помните, что если у ребенка по математике или по русскому языку была итоговая тройка, а по ЕГЭ он получал мизерное количество баллов, равное двойке, аттестат ему все равно выдавали.

Так почему же мы не пошли на это разделение сразу? Потому что для того, чтобы ввести его в экзамен, необходимо было жесткое различие базового и профильного уровня в стандартах и в образовательных программах, чего в те годы еще не было. Министерство такую ответственность на себя не брало. В стандартах нового поколения наконец-то появилась фраза про базовый и профильный уровень владения предметом, но дальше этого дело пока не пошло. Примерные образовательные программы старшей школы все еще не разработаны. И проблема, какую математику преподавать гуманитариям, а русский – физикам и математикам, все равно осталась. Хотя теоретические разработки, которые предлагали, в частности, ученые РАО, давно существуют. Очевидно, что это не должна быть «легкая версия»: убрали все задачи под звездочкой – и вот вам математика для филологов. Нужна «другая математика», «другой русский», можно сказать – пользовательская версия, которая позволит человеку оставаться адекватным и в жизни, и в мире.

Я, безусловно, поддерживаю идею разделения двух обязательных экзаменов на базовый и профильный уровень. Особенно в условиях, когда, отказавшись от формулы «+1», Рособрнадзор вынужден был ввести неприлично низкие пороги по математике, которые мы наблюдали в этом году. Но проведение экзамена по математике по двум сценариям уже грядущим летом считаю преждевременным. Ведь пока нет примерных образовательных программ, непонятно, что спрашивать с выпускников на разных

уровнях. И отвечать на этот вопрос должны не разработчики экзаменационных материалов, а составители программ. В противном случае телега наша окажется впереди лошади: ЕГЭ ведь предназначен не для определения того, что должен знать ученик, а чтобы выяснить, освоены ли им соответствующие стандарты школьного образования.

Убежден также в том, что на базовом уровне не должно быть оценки. Только зачет или не зачет. Оценка и баллы нужны лишь тем, кто собирается участвовать в конкурсе при поступлении в вуз, но для этого надо сдавать профильный экзамен. Именно поэтому не вижу смысла и в разделении на два уровня испытаний по всем остальным предметам. Потому как это экзамены по выбору, сдавать их никто силой не заставляет, они нужны для поступления в вуз.

Задание — не наказание

Учительская газета, № 51 от 22 декабря 2015 г.

В последних номерах «УГ» в очередной раз вернулась к размышлениям о том, нужны ли в современной школе домашние задания, и если нужны, то какие и для чего. Спорить об этом можно бесконечно и до хрипоты. Вот, казалось бы, достигнут консенсус по начальным классам: домашние задания не задавать! Но, как мы все прекрасно знаем, на деле он не соблюдается практически нигде. Еще одна договоренность — не задавать домашние задания на субботу и воскресенье в старшей и средней школе — тоже сплошь и рядом нарушается. Большинство предметников в глубине души убеждены, что их дисциплина наиважнейшая, и щедрой рукой, не скупясь, раздадут задания направо и налево.

На мой взгляд, вопрос этот нужно ставить иначе: всем ли детям нужны домашние задания одинаковые по объему и сложности? Потому как у каждого ребенка свой темп освоения нового

материала, кто-то успеваает все понять и закрепить еще на уроке, другим требуются часы упорных дополнительных тренировок. Вот про себя могу честно сказать – я домашние задания делал крайне редко. И это не мешало мне учиться если и не отлично, то вполне нормально. Хотя, естественно, были предметы, готовиться к которым нужно было обязательно, иначе в школе можно было не появляться.

Убежден, что любые задания, в том числе и домашние, следует дифференцировать. Они должны в первую очередь зависеть от амбиций самого ребенка. Если один старшеклассник претендует на высокие баллы ЕГЭ, ему надо давать более сложное и объемное задание. Если же перед нами гуманитарий, который планирует сдавать базовую математику, и ему важно лишь порог преодолеть, так, может, стоит оставить его в покое и просто поддерживать имеющиеся знания на минимальном допустимом уровне? Учителя, конечно, меня вряд ли поддержат, но, коллеги, давайте посмотрим правде в глаза: неужели каждый ваш ученик сегодня одинаково прилежно выполняет все то, что вы задаете ему на дом? И, возможно, будет куда больше толка и пользы, если мы начнем давать задания в зоне ближайшего развития каждого конкретного ребенка? Я не большой поклонник опыта Финляндии, но в данном случае целиком и полностью поддерживаю наших северных соседей, которые подбирают учебный материал в соответствии с индивидуальным темпом ребенка.

Поэтому прежде чем давать всему классу очередное задание на дом, стоит подумать, каждому ли ученику оно нужно для того, чтобы быть успешным. Если оно идет ребенку в перегрузку, не оставляет времени на отдых, значит, оно не нужно. Даже медики уже признали существование синдрома отличника. Чаще всего им страдают девочки, которые пытаются честно выполнить всю работу и тем самым доводят себя до нервного истощения. Давайте не превращать домашнее задание в фетиш, в задание ради за-

дания. А будем относиться к нему как к подспорью, помогающему освоить учебный материал на том уровне, на который претендует ученик.

На первый-второй рассчитайсь!

Учительская газета, № 06 от 9 февраля 2016 г.

На заседании Совета по науке и образованию президент России Владимир Путин заявил, что нам необходим собственный рейтинг оценки лучших вузов. Ректор МГУ Виктор Садовничий, в свою очередь, рассказал о том, что намерен повторно обратиться в Министерство образования и науки с просьбой ускорить работу над созданием национального рейтинга университетов.

Почему мы не можем довольствоваться уже существующими и отлаженными зарубежными практиками? Международные рейтинги, конечно же, ориентируются на свои индикаторы. Большую роль играет экспертное мнение, и, к сожалению, многие отечественные вузы оказываются недооцененными исключительно потому, что эксперты о них просто ничего не знают. В некоторых рейтингах таких оценок нет, а во внимание принимаются, к примеру, индексы цитируемости в англоязычных журналах Web of Science, Scopus. Конечно же, тут мы по объективным причинам проигрываем странам, для которых английский – родной язык. Так что одна из важнейших задач, которая стоит перед вузами, претендующими на попадание в международные рейтинги, – научить свой профессорско-преподавательский состав писать по-английски.

Для чего России вообще нужен собственный «академический хит-парад»? Абсолютно точно не для того, чтобы во всеуслышание заявить, дескать, Московский государственный университет у нас на первом месте, а крохотный педагогический вуз на Крайнем Севере – на последнем. Что проку в этой информации? Аутсайдеры при всем желании наработки МГУ использовать не

смогут. На мой взгляд, было бы разумно составить перечень университетов, в котором их деятельность оценивалась бы с разных позиций: с точки зрения научной активности, социальной жизни, наличия общежития, информационной среды, доступности для лиц с ограниченными возможностями и специальными потребностями. Перво-наперво нужно сформулировать все эти требования и привлечь к их обсуждению не столько представителей высшей школы, сколько общественность, для которой вузы и работают. Ведь кому интересен рейтинг в первую очередь? Конечно же, абитуриентам и их родителям. Преподавателям в поисках места службы. А еще потенциальным инвесторам, российским и зарубежным, которые хотят получать высокотехнологичные разработки. При этом по количеству мест в общежитии вуз может выйти в лидеры, а по внебюджетной активности значительно отставать. Но каждый заинтересованный будет обращать внимание на те показатели, которые важны лично ему.

Кроме того, я бы подумал о том, чтобы, помимо собственно вузов, рейтинговать для абитуриентов отдельные специальности. Потому как можете ли вы утверждать наверняка, где более качественно готовят, например, физиков: в МГУ, СПбГУ, Физтехе, МИФИ, Бауманке или в Новосибирском университете? Я не могу, и никто, уверен, не может. Ведь не секрет, что даже в самом блестящем университете отдельные специальности иногда представлены слабо и бледно, а в вузе средней руки — на высшем уровне.

Огурец — это не помидор

Учительская газета, № 08 от 23 февраля 2016 г.

Реакция коллег на мои предыдущие «Записки» («На первый-второй рассчитайсь!»). «УГ» № 06 от 9 февраля 2016 г.) натолкнула на мысль о том, что даже профессионалы не всегда до конца понимают, что такое образовательные рейтинги и зачем они вообще

нужны. В большинстве своем к ним относятся как к «выставке достижений». Кто-то радуется, увидев себя на верхних строчках, другие огорчаются, что не попали, и тут же начинают придумывать обоснования, почему тот или иной рейтинг плох. Многие управленцы, изучив итоги какого-то исследования, тут же начинают наказывать невиновных и награждать непричастных. Но обсуждать результаты и делать выводы, не разобравшись, по каким индикаторам проводилось рейтингование, как собиралась информация, кто ее предоставлял и оценивал, вообще бессмысленно.

Еще одна проблема нынешних исследований – формирование кластеров. Зачастую в рейтинги попадают несопоставимые объекты. Никому ведь не придет в голову сравнивать в одном пространстве помидоры и огурцы, притом что мы знаем: и те и другие – овощи. А почему же тогда мы помещаем в один рейтинг элитную гимназию, куда и детей, и учителей отбирают по конкурсу, и школу из спального микрорайона, куда принимают всех окрестных ребят и где рады любым учителям, потому что их катастрофически не хватает?

Теперь про индикаторы. Знаменитый ТОП-500 составлялся исходя из показателей ЕГЭ и олимпиад. Понятно, что это рейтинг амбициозных школ, которые работают на университеты. Попасты в эти учебные заведения можно только по конкурсу: студенты Высшей школы экономики специально обзвонили весь список, интересуясь, как можно устроить ребенка. Везде потребовали предварительное собеседование. В таком случае, это честная игра, в которой участвуют исключительно те школы, которые сами выбирают себе учеников. И тут мы подходим к главному вопросу: а зачем вообще нужны эти сравнительные исследования? Каково их последствие? За рубежом рейтинги проводят для выявления лучших практик. Они показывают, что школы с одинаковыми стартовыми возможностями демонстрируют подчас разные результаты. И вот тут уже становится интересно: почему при прочих

равных условиях одни учебные заведения стремительно развиваются, а другие пробуксовывают.

Нужно ли наказывать отстающих? На мой взгляд, это бесполезно. Их не сечь надо, а предлагать лучший опыт. Кроме того, разве наша школа работает только на ЕГЭ и олимпиады? А социализация, воспитание и общая культура? А успешность выпускников во взрослой жизни? Да, это очень дорогое исследование, сложное и трудоемкое, но оно демонстрирует результаты не менее важные, чем общее число детей, поступивших в МГУ.

Сколько может быть рейтингов? Да сколько угодно, если есть пользователи, которых интересуют самые разные стороны школьной жизни. Родители ищут лучшее учебное заведение в шаговой доступности. Кому-то важно, как поставлена работа с одаренными, учитываются ли интересы детей с особыми потребностями. Недавно мне позвонил знакомый, только что перебравшийся в Москву. Оказывается, его сын – страстный КВНщик, и он искал школу, где была бы лучшая команда КВН в городе.

А вообще-то, честно скажу, я скорее за рэнкинги, чем за рейтинги. Но это тема совсем другого разговора.

Стиральный порошок против числа Авогадро

Учительская газета, № 14 от 5 апреля 2016 г.

Не так давно первый зампред комитета Госдумы по промышленности, а по совместительству – первый вице-президент Союза машиностроителей России Владимир Гутенев заявил о необходимости ввести в российской школе обязательный ЕГЭ по физике. По мнению депутата, пока наши выпускники знают этот предмет из рук вон плохо, ни о каком развитии и внедрении высоких технологий в промышленности не может быть и речи. В то же время Дмитрий Ливанов, выступая на коллегии Министерства образования и науки РФ, упомянул, что в ведомстве обсудят возможность

создания интегрированного ЕГЭ по естествознанию, куда войдут вопросы по физике, химии, биологии, географии.

Тревога представителей инженерного сообщества понятна. Стране нужны люди, которые знают физику и умеют пользоваться ею при решении высокотехнологичных задач. Но вот в чем вопрос: вырастет ли уровень общей естественнонаучной культуры населения, если мы заставим всех детей вызубрить наизусть законы Ома и Ньютона? Думаю, что нет.

Поэтому мне куда симпатичнее предложение министра образования – сосредоточиться на развитии метапредметного представления о мире. Помнить число Авогадро, хоть ночью тебя разбуди – это, конечно, замечательно. Но в повседневной жизни куда важнее, как мне кажется, знать, какую погоду предвещают циклоны и антициклоны, как влияет на здоровье метеозависимых людей атмосферное давление, почему нельзя сжигать пластик и к чему приведет использование порошка для ручной стирки в современных автоматических стиральных машинах. При этом важно договориться на берегу и с самого начала определить, что станет проверять будущий экзамен, если он все-таки появится: знание абстрактных формул или степень усвоения качественной картины мира.

Сторонники «высокой физики для всех» могут возразить, что ею и сейчас владеют неважно, а появление подобного экзамена не только не решит проблемы, но вовсе сведет постижение благородной науки до уровня инструкций по пользованию стиральной машиной. Однако давайте смотреть правде в глаза. Неужели в советской школе, на которую сегодня так модно ссылаться, все дети до единого блестяще знали этот предмет? Всегда были те, кто мечтал в будущем строить ракеты и заниматься ядерными исследованиями, и те, для кого это был всего лишь один из обязательных школьных предметов. Что изменилось? Ровным счетом ничего. Будущие инженеры сдают серьезный профильный ЕГЭ по

физике, остальным достаточно четко представлять себе общую естественнонаучную картину мира. Критическое мышление и привычку анализировать любую информацию можно воспитать и без поголовной зубрежки сложных формул, необходимых лишь специалистам.

Сверим часы

Учительская газета, № 16 от 19 апреля 2016 г.

В мае этого года выпускники начальной школы по всей стране будут писать Всероссийские проверочные работы (ВПР) по русскому языку, математике и окружающему миру. Пока что дело это добровольное: школа сама решает, участвовать ей в проекте или нет. Рособнадзор не устает повторять: не путайте ВПР с экзаменом и уж тем более — не ориентируйтесь на их результаты при выставлении годовых отметок. Но народ все равно волнуется. И я его понимаю. Ведь сколько бы ни предупреждала Москва о том, что «никаких административных решений или действий в отношении школы, учителя, муниципалитета по результатам ВПР быть не должно», сколько бы ни говорила, что вопрос этот «находится на особом контроле», а печально известный принцип «хотели как лучше, получилось как всегда» все равно из головы не идет. Потому как желающих перегнуть палку у нас, к сожалению, по-прежнему в избытке.

Сама идея ВПР, конечно же, не нова и отнюдь не революционна. В советские времена каждый из нас писал всевозможные министерские, областные и краевые, районные контрольные, разработанные вне стен школы. Вопрос в другом. Вот федеральный центр составляет задания, отдает их регионам и говорит: проводите! Это та же схема, по которой проходит итоговая аттестация для 9-х классов. Но ведь недаром столько разговоров нынче ведется о прозрачности и объективности ОГЭ и одна из первостепенных задач — сделать его не менее честным, чем ЕГЭ. То же и с ВПР:

можно ли будет доверять ее результатам, насколько они будут достоверны? Скажу так: как только по итогам этой проверки начнут приниматься какие-то меры относительно детей, учителей, директоров школ, глав городских и районных управлений и министров образования субъектов Федерации – причем как карательные, так и поощрительные, – уверяю вас, уже через год мы получим повсеместные блистательные результаты, столь же блистательно сфальсифицированные. Потому как никто не хочет быть наказанным и, напротив, все мечтают, чтобы их лишний раз похвалили.

Поэтому важно понять, для чего вообще вводится ВПР. Чиновники на этот вопрос отвечают: «это стандартизированная контрольная работа, чтобы школы и конкретный учитель могли оценить, на каком уровне находится класс». Действительно, такую проверку стоит устраивать исключительно для того, чтобы, как говорится, сверить часы и дать сигнал по системе, мол, смотрите, что мы в федеральном центре считаем важным, каких знаний и компетенций ждем от будущих пятиклассников. Но если школа имеет право разрабатывать свои программы, а по закону это так, если это школа для одаренных или, напротив, для сложного контингента, то у нее свои задачи, свое представление о том, что следует знать ее ученикам, а потому она имеет полное право на этот сигнал не реагировать.

ЕГЭ по осени считают

Учительская газета, № 25 от 21 июня 2016 г.

Близится к финалу кампания ЕГЭ 2016 года. Судя по публикациям в прессе, по данным Рособрнадзора, Министерства образования и науки, серьезных нарушений на этот раз удалось избежать. Но без досадных оплошностей все же не обошлось. Так, в нескольких регионах выпускникам во время экзамена не хватило дополнительных бланков для ответов. Чья это вина? Исключительно

субъектов Федерации, потому как заказ бланков в Рособнадзоре — их обязанность. Речь не идет о том, чтобы приобретать тонны бумаги — это все-таки деньги, да и деревья жалко, — но нужно прогнозировать объем необходимых материалов с учетом анализа минувшей кампании и иметь НЗ на крайний случай. Не смогли оперативно отреагировать и команды, дежурившие в пунктах приема экзамена. Неужели не видно было, что бланки вот-вот закончатся и надо срочно что-то предпринимать? В итоге одни недосчитали, другие недосмотрели, а пострадали третьи — выпускники.

В то же время радуется, что все реже детей ловят со шпаргалками и мобильными телефонами. Не слышал я пока и ни одной претензии по содержанию измерительных материалов, упреков в их ошибочности или некорректности. В Интернете попалась на глаза петиция, в которой одиннадцатиклассники обращаются к Президенту Путину с просьбой понизить порог профильного экзамена по математике. С вашего позволения, комментировать ее не буду: принимая решение участвовать в испытаниях повышенного уровня сложности, ребята знали, на что идут. Аргумент, что, дескать, человек год готовился, а теперь не смог решить необходимого количества задач, для меня звучит малоубедительно. Потому что готовиться к экзамену год бессмысленно. Это тот случай, когда предмет надо учить все 11 лет. Математика — не та наука, которую можно взять «на абордаж» за пару месяцев. Звучит в этом обращении и упрек в непомерной сложности заданий. Но ведь демоверсии появились в открытом доступе еще в сентябре. Это было сделано специально, чтобы все заинтересованные смогли себе представить, что их ждет.

С моей точки зрения, команда Рособнадзора продолжает работу по повышению объективности проведения ЕГЭ и, соответственно, по повышению доверия к самой процедуре. Конечно же, результаты кампании надо анализировать по ее завершении, цыплят, как говорится, по осени считают. Надеюсь, в сентябре состо-

ится серия обсуждений, которые покажут, что получилось, а что не удалось, и какие задачи необходимо решать в следующем году – и с точки зрения содержания экзаменационных материалов, и с точки зрения технологий проведения единого госэкзамена.

Общие грабли

Учительская газета, №42 от 18 октября 2016 г.

Не так давно вернулся из Бишкека, где мы с коллегами из стран СНГ – чиновниками, учеными, представителями средней школы – обсуждали вопросы оценки качества образования. Около сотни участников из семи бывших республик СССР вели разговор о том, что у нас получается, а что не очень. И это были не бравые отчеты, мол, все прекрасно, только вот денег немного не хватает. Говорили честно, судили по гамбургскому счету. У каждого дома есть нерешенные проблемы, но опыт соседа всегда поучителен, потому как показывает, что из его практики можно перенять, а на какие грабли лучше не наступать. Справедливости ради стоит отметить, что России, например, стоит внимательнее присмотреться к опыту коллег из Еревана, где прекрасно отлажена грамотная система мониторингов по армянской истории, литературе и культуре. А в Казахстане уже давно существуют мониторинги высшей школы, которые у нас пока еще только создаются.

В центре дискуссии оказалось несколько ключевых проблем. Например, как можно, а как нельзя использовать полученные при оценке качества результаты для улучшения этого самого качества. К сожалению, примеры наказания невиновных и поощрения непричастных пока что встречаются везде: и в Казахстане, который первый приступил к системной работе по оцениванию качества образования, и в Таджикистане, где только начали вводить национальную систему оценивания. Второй вопрос, вызвавший неподдельный интерес: какие сигналы мы получаем от мо-

ниторингов и как конструктивно использовать рейтинги. Все, как один, отметили, что сейчас нужно сосредоточиться не столько на национальных экзаменах и даже не на мониторингах, которые, если честно, по-настоящему не встали на ноги ни в одной из наших стран, за исключением Армении и Белоруссии, сколько на внутришкольной культуре оценивания. Мы сошлись на том, что пока в средней школе царит пятибалльная, а по сути – трехотметочная система оценивания, повысить качество образования на уровне государства практически невозможно. Ведь подобная схема нацелена не на развитие ребенка, а на его квалификацию или дисквалификацию. Действуешь по образцу – «пять». Немного отступил – «четыре». Сильно отступил – «три», реже – «два». Но наши новые школьные стандарты призывают в первую очередь обеспечить развитие ребенка. Именно эта идея, а вовсе не равенство на образец, должна лежать в основе деятельности учителя.

В завершение встречи мы договорились о двух вещах. Во-первых, решили вместе создать пособие для учителя по современным методам оценивания. Во главе международного коллектива авторов согласился встать Кали Абдиев – руководитель Национального центра тестирования Казахстана. Во-вторых, договорились об учреждении сетевого «университета» переподготовки учителей и тестологов стран СНГ, который позволит вне зависимости от места жительства повышать квалификацию учителей и управленцев наших государств. Эту работу будут курировать российская Высшая школа экономики и Институт развития стратегии образования РАО.

Кому выгодна отмена ЕГЭ?

Учительская газета, № 01 от 1 января 2019 г.

С момента введения ЕГЭ в нашей стране прошло уже достаточно времени, чтобы люди успели к нему привыкнуть. Однако до сих

пор слышатся призывы отменить это «чрезвычайно вредное для системы образования» новшество. Но давайте задумаемся: а кто сегодня выступает противником ЕГЭ?

На мой взгляд, этих людей можно разделить на три категории. К первой относятся те, кто не знает, как все происходило раньше, для них все советское по определению лучше современного. Ко второй – люди, которые на этом пиарятся, например многие наши депутаты, мол, если я выступлю против ЕГЭ, народ сразу же меня поддержит. А третью группу составляют люди, для которых отмена ЕГЭ связана с какими-то личными выгодами.

Теперь предлагаю вспомнить, как экзамены проходили в былые времена. Например, в Краснодарском крае, когда вводили ЕГЭ, одна мама жаловалась: «Я три года решала вопрос поступления моего ребенка в конкретный вуз, уже со всеми договорилась, и тут приходите вы со своим нововведением и все портите!». Также довольно знаковым можно считать пикет московских родителей, которые стояли около Высшей школы экономики с плакатами типа «Долой ЕГЭ, иначе всякие понаехавшие займут наши места!».

И как тут не вспомнить о так называемых ректорских списках, которые раньше были в любом вузе. Туда входили дети «нужных людей», дети начальников, в том числе представителей Госпожнадзора, Санэпиднадзора и других ведомств. Не примешь их – тут же нагрянет соответствующая комиссия с проверкой, и мало не покажется. А теперь ректоры говорят спасибо за то, что им больше не нужно стыдиться наличия подобных списков, ибо все дети поступают на общих основаниях.

Многие обвиняют ЕГЭ, что он превратился в некий пылесос, который высасывает перспективные кадры из провинции в крупные города. Но, во-первых, уезжают не все, многие остаются у себя в области. А во-вторых, ставить какие-то препоны тем, кто мечтает поступить в престижный столичный вуз, – значит действовать в логике сталинских времен, когда у человека просто отбирали паспорт

и он был вынужден оставаться у себя в деревне, потому что не мог никуда выехать без документов. На самом деле надо просто создавать условия на местах, чтобы люди не хотели никуда уезжать.

Но сейчас я выскажу одну революционную мысль... Лет через десять у нас не будет никакого ЕГЭ, его заменит независимая система сертификации выпускников школ на знание предметов и владение теми или иными компетенциями. Центры, где можно будет пройти это испытание, в перспективе будут открыты по всей стране. Главное — чтобы это все было объективно и честно. Кстати, в рамках движения WorldSkills уже есть попытки создать аналогичные центры сертификации в направлении профессионального мастерства.

Захотел поступить в инженерный или гуманитарный вуз — идешь в такой центр, проходишь тестирование по знанию предметов или уровню владения компетенциями, которые для этого вуза необходимы, получаешь сертификаты, прикрепляешь к ним портфолио, где есть дополнительные сведения о твоих компетенциях и успехах, а в вузе уже решают, интересен ли ты им или нет. Но я при этом выступаю за обязательное собеседование. Его можно проводить либо очно, либо дистанционно. Это важно для того, чтобы понять мотивацию абитуриента, услышать его аргументы, почему он хочет поступить именно сюда и получить именно эту профессию.

Правда, тут опять возникает проблема верификации портфолио и объективности собеседования. А значит, на первый план выходит вопрос доверия. И это именно то, над чем всем нам предстоит серьезно поработать в ближайшие годы. Примеры решения этих проблем есть — вступительная кампания в Физтех, например.

«Во валит, гад!»

Учительская газета, № 27 от 2 июля 2019 г.

Завершилась пора экзаменов. Как всегда, не обошлось без нарушений, попыток списать, смухлевать, обмануть систему. И как

всегда, возникает резонный вопрос: а можно ли все сделать так, чтобы итоговая аттестация вообще проходила честно, без подсказок и шпаргалок?

На самом деле испокон веков, когда людям предстояло сдавать какой-либо экзамен или проходить какое-либо испытание, обязательно находились те, кто пытался наплевать на правила и обвести вокруг пальца соперников и экзаменаторов. Это, что называется, в генах. И по-хорошему, было только два способа решения проблемы.

Первый – это создать как можно больше препятствий тем, кто попытается подглядеть, подслушать, получить готовое решение, и максимально ужесточить наказание за подобные деяния. Эта система нам очень даже знакома, поскольку у нас уже давно экзамены сдают под прицелом видеокамер, в присутствии общественных наблюдателей, под присмотром учителей, которые с этими детьми никогда не работали (а потому, предполагается, не заинтересованы им помогать). Плюс металлоискатели, «глушилки» и так далее.

Второй путь гораздо более трудозатратный и сложный, зато куда более эффективный. Надо просто сделать бессмысленным сам процесс списывания. То есть проверять знания с помощью уникальных заданий, задач и вопросов, которые не похожи на те, что ученик много и часто решал, но для их решения знания пройденного материала вполне достаточно. Поэтому готовых ответов просто нет, а чтобы их получить, надо вспомнить то, чему тебя учили, и применить эти знания в новой обстановке.

В бытность свою преподавателем университета я разрешал пользоваться на экзаменах любой литературой, которая только возможна, любыми конспектами, справочниками, учебниками. Но все это лежало на отдельном столике. Подходи столько раз, сколько хочешь, ищи что хочешь, однако с собой за парту брать нельзя.

Впрочем, и тогда были люди, которые умудрялись меня обманывать. Например, отпрашивались в туалет (запретить же им

я не мог!), а по пути консультировались со старшекурсниками. Говорят, что списывание можно изжить, если все станут сознательными и будут сообщать о нарушениях ближнего своего. Например, когда те, с кем ты вместе сдаешь экзамен, готовы сразу же заложить тебя, сообщить экзаменатору о том, что ты списываешь. И что в некоторых странах это в порядке вещей, что-то типа протестантского эгоизма, ведь если ты списываешь, то ты имеешь больше шансов попасть туда, куда хотят попасть остальные, а значит, они обязательно тебя утопят, чтобы была честная конкуренция. Мотивация понятна, тем не менее, мне кажется, у нас все-таки иные традиции, и не думаю, что такой вариант надо у нас прививать и культивировать.

А можно ли вообще обойтись без экзаменов? Ведь, по сути, если человек учится, его регулярно спрашивают, ставят отметки за выполненные устные или письменные задания в классе и дома, то все это в совокупности можно рассматривать как некую обобщенную оценку, обязательную часть портфолио. Формально да, но если ты со всем этим багажом придешь в другую школу, колледж или вуз, неизбежно возникает справедливый вопрос: а действительно ли эти отметки соответствуют уровню твоей компетенции в том или ином вопросе? Ведь текущие оценки – это не ОГЭ и не ЕГЭ, мало ли что вам там могут понаставить. Поэтому все равно потребуются либо дополнительные испытания, либо собеседования.

Среднее арифметическое

Учительская газета, № 20 от 19 мая 2020 г.

Как будет проходить в этом году итоговая аттестация? Этот вопрос волнует всех – учеников школ, их родителей, учителей, директоров, представителей высшей школы, системы СПО. Будет ли ЕГЭ, если да, то когда, в какой форме и по каким предметам, как будет организована защита дипломов и так далее. Точно так же

непонятно, что с ОГЭ. Предлагают провести его дистанционно. Но здесь есть риск столкнуться с опасностью, которую в высшей школе называют академическим мошенничеством, а по-русски – списыванием, подсказками и проч. В этом плане дистанционный экзамен очень ущербная форма.

Вузы предлагают организовать так называемый прокторинг – систему слежения за проведением экзамена, когда камера на компьютере улавливает любой поворот головы и тела, манипуляции с клавиатурой и мышью, а микрофон пишет все звуки. В итоге можно даже без наличия наблюдателя по другую сторону экрана, с помощью чисто машинных алгоритмических решений, сразу же понять, что человек повел себя неадекватно – наклонился, скосил взгляд, повернулся, что-то прошептал. Правда, это все очень недешевая система. И в пересчете на экзаменационный человеко-час у нас получится несколько сот рублей. А сдают миллионы...

В Англии, кстати, предложили оригинальное решение – за каждым из экзаменуемых нужно поставить большое зеркало, чтобы можно было одновременно видеть как лицо этого человека, так и отражение его рабочего стола, экрана. Хотя дешевле, наверное, было бы поставить две камеры с хорошим разрешением в начале и в конце зала, и снимать сразу всех спереди и сзади.

Но если серьезно, то в нынешней весьма непростой ситуации я бы предложил аттестовывать учащихся на основе среднестатистических оценок за три четверти этого года и за весь прошлый год. И это было бы гораздо честнее, поскольку сегодня в целом по стране примерно каждый четвертый учащийся не обладает возможностями для обучения дистанционно – у него либо нет компьютера, либо нет Интернета, либо нет условий для работы дома. А это значит, что около четверти детей у нас просто выключены из образовательного процесса, причем не по своей вине, а в силу обстоятельств. Значит, надо войти в их положение и не ставить в заведомо проигрышные условия, в которых идея прокторинга

теряет смысл, ибо не будет никакого равного старта. Но ведь и оценку им тоже надо ставить!

Не стоит забывать также про детей, заинтересованных в получении максимально высокого балла. Среди них есть те, кто целенаправленно шел к этому долгие годы, занимался с репетиторами, вкладывал силы в работу с дополнительными источниками. А есть и дети, которые в первом полугодии получили тройку, хотели исправить ее во втором полугодии и закрепить результат экзаменом, но сейчас ничего этого не выйдет. Что делать?

Поэтому я бы всерьез озаботился проблемой тех, кто может и хочет сдавать экзамены. Не думаю, что их будет много, особенно если предложить всем среднеарифметический вариант аттестации. Но они есть, и для них, возможно, имеет смысл создать условия для очного экзамена в школе, обеспечив, разумеется, полную дезинфекцию помещений. Можно, конечно, провести экзамен и на компьютере, с соблюдением всех мер защиты от списывания и подделок. Хотя не факт, что это будет дешевле.

И еще. В нынешней ситуации я бы отказался от проведения базового ЕГЭ по математике. Профильный можно сохранить для тех, кто собирается поступать в вузы. И поскольку это не 100% от общего количества выпускников, а значительно меньше, думаю, такой вариант имеет право на существование. Но организовывать все это надо, как говорится, уже вчера.

Неизвестные герои

Учительская газета, № 31 от 4 августа 2020 г.

Нынешние экзамены в который раз напомнили нам о том, что сто-балльщики, о которых так любят говорить и писать их счастливые учителя, далеко не всегда заслуга одной только школы. Неплохо бы вспомнить и о причастных к этому репетиторах, поскольку в ряде случаев только благодаря им ученик и добился успеха.

У любого нормального учителя есть сильные, средние и слабые (в плане успеваемости) дети. Понятно, что за 45 минут урока он большую часть времени работает со средними, мало уделяя внимания сильным и слабым. Неудивительно, что им в итоге требуется дополнительная помощь: первым – чтобы углубить знания, вторым – чтобы выбраться на уровень тройки. При этом одни родители очень хотят, чтобы их дети получили высокие баллы и поступили в престижные вузы, а другие – чтобы их ребенок хотя бы просто получил аттестат. И большинство готовы оплатить услуги тех, кто поможет решить эту проблему.

Таким образом, мы имеем дело с репетиторами двух типов – для сильных и для слабых. Проводились исследования на предмет того, кто же сегодня занимается репетиторством. Если в старые, доегэшные, времена это был, так сказать, хлеб почти одних только университетских преподавателей, то сейчас более половины репетиторов – школьные учителя. И они, несмотря на колоссальную нагрузку и засилье писанины (о чем сами же и жалуются постоянно), тратят свое личное время на дополнительную подработку в новом качестве.

Конечно, нехорошо, когда педагог берет деньги с родителей своего же ученика, которому он же днем и преподает тот или иной предмет, а потом еще и приглашает его на отдельный разговор. Но эту проблему учителя еще во времена СССР решали «перекрестным опылением», когда я рекомендую своих неуспевающих детей коллеге из другой школы, а он мне в свою очередь сватает своих двоечников (или отличников для глубокого прорабатывания отдельных тем). Тем не менее именно здесь кроется самая главная этическая проблема репетиторства, поскольку, в представлении любого обывателя, хороший учитель должен уметь научить любого ребенка всему: 1) в школе, 2) на уроке, 3) бесплатно, а когда ты на уроке душишь ученика двойками, то этим вынуждаешь его раскошелиться на дополнительные занятия.

Однако времена меняются, отношение к репетиторам и репетиторству тоже. И если в итоге успевающий школьник благополучно сдает ЕГЭ на 95–98 баллов или побеждает в олимпиаде, а слабый получает-таки твердую тройку или даже четверку, то все довольны – и родители, и дети, и сами репетиторы. Что интересно, довольна и школа, ибо ее учителям достаются все лавры «неизвестных героев». Хотя в последнем случае возникает не очень приятный осадок. Но такова жизнь, увы... Напомню, что успешность работы школы во многом зависит от того, как ее ученики сдают экзамены – ЕГЭ, ОГЭ и ВПР. А вот кто и как готовит учеников к ним и чего все это стоит – дело третье. Вроде бы все все понимают, но предпочитают сохранять status quo.

Как изменить положение дел? На самом деле все упирается в деньги. Человек, получая за один час работы с одним ребенком во много раз больше, чем он получает за 45 минут работы с целым классом, вряд ли променяет одно на другое. И наоборот. Следовательно, на первый план выходит проблема материальной заинтересованности рядовых учителей в конечном результате своего труда. Ибо надо просто признать очевидное: нашим учителям пока еще очень мало платят за их каторжный труд, вот они и пытаются компенсировать недостающее дополнительными занятиями за дополнительные деньги.

Кому это нужно?

Учительская газета, № 37 от 15 сентября 2020 г.

Для меня главная претензия к Всероссийским проверочным работам состоит в том, что не вполне понятно само их предназначение. Вроде бы заявляли многократно, что они призваны выявить пробелы в знаниях по тому или иному предмету у конкретного ученика, чтобы можно было знать, над чем конкретно работать и какие именно темы прорабатывать. Но, как можно было уже неоднократно убедиться, на ВПР сегодня возложены очень разные задачи.

Например, недавно было сказано, что с их помощью можно в самом начале года выяснить, насколько ученики подготовлены к учебе после длительного периода дистанционного образования и самоизоляции. Но ведь это же не секрет, что учителя и так всегда занимались этим, причем именно в начале сентября, после долгих летних каникул.

Если бы ВПР представляли собой некий сервис для педагогов, с помощью которого каждый желающий мог добровольно выбрать из базы данных задания для своего класса и провести оперативное тестирование, а затем определить для каждого ученика его собственные задания, тогда я бы еще понял и принял эту идею. Ведь раньше учителя сами придумывали задания, а если бы у них был огромный блок самых разных вариантов для проверки, тогда бы жизнь их стала значительно легче. Но это предполагает наличие возможности произвольного выбора заданий, и тут возникает другая проблема. Все мы прекрасно понимаем, насколько разными бывают школы и дети и насколько странно подходить с едиными требованиями к ученикам, скажем, образцовой городской гимназии с элитным контингентом и обычной сельской школы, где учатся далеко не такие одаренные дети. Между тем подобной дифференциации на ВПР не предусмотрено.

Точно так же не понятно, что же, собственно, мы проверяем. Пробелы у отличников и пробелы у двоечников – совсем не одно и то же. Согласен, есть представления о некоем универсальном для всех наборе знаний, умений и навыков, мол, вот именно его-то и надо проверять. Однако кто его определил? Напомню, что до сих пор все попытки сделать нечто подобное в виде единого стандарта оканчивались неудачей, сразу возникали споры, почему это туда включили, а то нет, давайте расширим, в результате минимальные требования постепенно вырастали до максимальных.

Попробуйте предложить учителям математики пройти ВПР по литературе, а учителям химии – ВПР по русскому языку. И сразу

станет ясно, насколько все неоднозначно. Но это учителя! А что же делать ученикам? Да, нас пытаются уверить, будто все задания полностью соответствуют школьной программе. Однако с этим вряд ли согласится большая часть учителей. Просто потому, что ВПР – это «про другое».

Нам говорят, что «ВПР полностью соответствуют школьным стандартам». Напомню, что стандарты делятся не по классам, а по ступеням – например, «стандарт начальной школы», а не 3-го или 4-го класса. Хотя проверяют именно классы, а не ступени. Плюс ко всему проверка не учитывает, по какой программе работают в этой школе, а в разных программах последовательность тем может быть разной, да и акценты там сделаны свои, в зависимости от авторов.

И уж, конечно же, с чем я никак не могу согласиться, так это с тем, что результаты ВПР в последнее время расцениваются как некий мониторинг. Позвольте, но ведь сама суть мониторинга предполагает, что должна быть проведена независимая оценка знаний – как это делается в исследованиях PISA, PIRLS и других аналогичных. Этим должен заниматься кто-то другой, а не сами же учителя школ. И тут никак не обойтись без валидации учебных заданий, что сложно и дорого.

Самое же неприятное – ВПР превратились в средство оценки работы учителя и школы, их результаты принимают во внимание, когда награждают лучших или наказывают худших, исходя из позиции в рейтинге. Изначально речь шла о том, что «это нужно только самим учителям!». Но разве учителям нужны те отчеты, которые они готовят по итогам испытаний и отправляют куда-то «наверх»?

Язык мой – враг мой

Учительская газета, № 05 от 2 февраля 2021 г.

Как известно, недавно глава Минпросвещения Сергей Кравцов заявил о том, что обязательного ЕГЭ по иностранному языку не

будет. А давайте вспомним, какие экзамены обязательны в разных странах мира.

Мы этот вопрос изучали в начале «нулевых», когда готовились к введению ЕГЭ в России. И оказалось, что в подавляющем большинстве случаев сдают в обязательном порядке математику и родной язык. Во многих странах мира третьим обязательным является экзамен по истории, причем не только своей страны, но и мира. Что неудивительно, ибо история напрямую связана с воспитанием гражданственности, к тому же это обязательный элемент культуры (и рычаг идеологии). Историю тогда мы не решились вводить только по той причине, что на тот момент у историков не было единого представления о том, что и как преподавать. Сейчас, как известно, у нас есть историко-культурный стандарт, поэтому и снова вспомнили про обязательный ЕГЭ.

Напомню также, что в разное время предлагали ввести точно такой же экзамен по экологии (ибо все должны заботиться об охране природы), биологии (все должны заботиться о своем здоровье), ОБЖ (ибо слишком много детей гибнет в ДТП, в водоемах, в огне и тому подобное), физкультуре (все должны быть сильными и ловкими), примеров можно привести множество.

Так вот, в других странах обязательного экзамена по другим языкам (французского в Англии или немецкого в Италии), насколько мне известно, нет. Есть языки, обязательные для изучения. Так, в Швеции помимо шведского все учат финский, в Индии помимо хинди все учат английский и язык своего штата. Но, повторяю, общенационального экзамена по чужому языку нет.

Когда вводится какой-либо обязательный экзамен, сначала довольно долго изучают, что в нем может быть такого, что должен знать каждый школьник во всех регионах. Так вот, если с математикой и русским языком все понятно — все должны уметь писать и считать, то с иностранным проблемы: действительно ли олениводы Крайнего Севера и горные чабаны должны знать одни и

те же темы в одном и том же объеме? Не факт. Да, безусловно, каждый гражданин имеет полное право поехать, например, в туристическую поездку за рубеж и должен уметь там объясниться, чтобы не потеряться. Но это уже затрагивает проблемы иного рода. Способны ли мы обеспечить всем школьникам России условия для овладения языком в объеме, необходимом для общения за рубежом? Хватает ли у нас учителей, способных обучить детей навыкам живого общения? И соответствуют ли наши программы и учебники по иностранным языкам именно таким вот запросам (напомню, что наши дети на выходе из школы могут знать все про неправильные глаголы, но совершенно не понимать вопросов и не уметь выразить мысль на чужом языке)? Что-то мне подсказывает, что по всем этим моментам у нас множество проблем.

Да, споры о необходимости введения такого экзамена были, есть и будут, что совершенно нормально. Но препятствий пока слишком много. К тому же речь ведь идет не только об одном английском, есть и другие иностранные языки, а там свои проблемы. Только представьте себе, что будет, если мы поступим, как советуют некоторые чиновники, по-наполеоновски, то есть сначала ввяжемся в драку, а там видно будет. Кто от этого пострадает? Правильно, дети, которые не смогут хорошо сдать этот экзамен, но не потому что плохо учились, а потому что у них не было учителя или был педагог, который не смог их подготовить к этому испытанию. А обязательный ЕГЭ – это ведь баллы, которые потом должны где-то обязательно учитываться...

20 лет ЕГЭ: что было, что будет

Учительская газета, № 08 от 23 февраля 2021 г.

16 февраля ЕГЭ исполнилось 20 лет. В этот день в 2001 году Правительство России подписало постановление «Об организации эксперимента по введению единого государственного экзамена».

на». В первый год эксперимента в нем приняли участие 30 тысяч школьников из пяти пилотных регионов. В обязательном порядке ЕГЭ стали проводить для всех выпускников школ с 2009 года. О том, как менялся экзамен со временем, и о том, что еще стоит усовершенствовать, размышляют наши эксперты и читатели.

Виктор БОЛОТОВ, президент Евразийской ассоциации оценки качества образования, профессор, академик РАО:

– 20 лет – серьезный возраст. За этот период многое изменилось, что-то в лучшую сторону, что-то, увы, в худшую. Кстати, сколько бы ни говорили о том, что мы «слизали» технологию с американских и английских прототипов, все это чушь. ЕГЭ в том виде, в котором он у нас был и есть, – это чисто наша разработка. И если в середине «нулевых» мы только создавали ее, то сегодня это уже хорошо отлаженная технология, учитывающая особенности российского образования. Надо отдать должное команде Сергея Кравцова, который сразу, как только возглавил Рособрнадзор, жестко начал вводить режим информационной безопасности, бороться с любыми вмешательствами в процедуру проведения экзамена. Есть объективные причины, почему видеокамеры и рамки металлоискателей не использовались с самого начала, тем не менее в определенный момент с их помощью удалось значительно снизить количество нарушений, а значит, повысить объективность ЕГЭ.

Большое продвижение наблюдается и в плане содержания экзамена. Теперь на ЕГЭ есть задания, связанные не только с чисто предметными знаниями, умениями и навыками, но и с измерением компетенций. В процедуре проведения экзамена задействовано много современных технологий, а главное – на федеральном и региональном уровнях удалось сформировать команды профессионалов, хорошо знающих свое дело.

Что касается минусов, на мой взгляд, в КИМах зря отказались от вопросов с выбором ответов. Во всем мире подобные задания есть, но почему-то это нигде не вызывает столько негатива, как

у нас. Это вполне эффективный способ измерения предметных знаний, умений и навыков.

А вообще сегодня надо думать о том, что придет на смену ЕГЭ. Уже есть некоторые идеи, чем его заменить, например, тем же портфолио, только настоящим, полноценным, а не просто набором всего, что у вас есть. В каком-то смысле это вполне может быть история цифровых следов, но не как совокупность отметок, полученных за все годы обучения, а как некий конгломерат самых разных достижений, заверенных экспертной комиссией.

О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ

Педагогическая практика – время перемен

Учительская газета, № 01 от 7 января 2014 г.

Хочу рассказать о том, что сегодня занимает меня больше всего, чем будет заполнен наступивший только что новый год. Это реформа педагогического образования. Думаю, вы со мной согласитесь: она необходима.

Так получилось, что в прошлом году я побывал в почти двух десятках региональных вузов, которые реализуют программы педагогического образования. Смотрел, разговаривал с руководителями и у каждого спрашивал: как вы готовитесь к грядущему введению новых школьных стандартов? Гостеприимные хозяева в этот момент смотрели на меня удивленно, мол, а что, к ним разве надо как-то особенно готовиться? И только единицы понимали: в существующей практике нужно многое менять.

Концепция модернизации педагогического образования разработана и включает несколько ключевых моментов. Остановлюсь лишь на нескольких. Социологические опросы студентов педвузов показывают, что уже на первом курсе значительное число ребят в школу идти не хотят. А после практики «отказников» становится еще больше: Я? Туда? За эти деньги? Да никогда! Поэтому первое, что мы предлагаем изменить, – саму процедуру прохождения практики. Она должна стать по-настоящему интерактивной, давать возможность студентам, учителям и преподавателям работать одной командой, вместе создавать и вести со школьниками некий проект. Сроки практики необходимо увеличить. Замысел этот – отнюдь не фантастика. Подобная схема уже работает в Московском городском психолого-педагогическом университете, в Российском педагогическом университете

им. Герцена. Причем доведена до отчуждаемости, то есть опыт этот вполне можно транслировать.

Второе. Мы хотим дать возможность тем, кто все же разочаровался в учительской профессии, уйти на академический бакалавриат: естественнонаучный или гуманитарный. И не надо тогда изучать методику преподавания, школьную практику проходить, которая, кстати, удовольствие не из дешевых.

Третье. Еще в 1980-е годы в классическом университете Красноярска мы с Исаком Фруминым, Борисом Хасаном и еще несколькими коллегами провели такой эксперимент: набрали на психолого-педагогические специальности студентов, завершивших двухлетнюю классическую университетскую программу по физике, химии, математике, другим профилям. Крепкая академическая база и глубокое психолого-педагогическое образование дали блестящие всходы. Все наши выпускники теперь занимают видные места в образовании в крае, да и в Москве их много на хороших позициях. Почему бы сегодня не вернуться к этой идее, разработанной когда-то при поддержке выдающегося психолога Василия Васильевича Давыдова, поддержанной группой методологов под руководством Георгия Петровича Щедровицкого?

Четвертое. Мы предлагаем усилить сетевое взаимодействие вуза, реализующего программы подготовки учителей, педагогического колледжа и школы. О чем идет речь? Мы с вами знаем, и любой директор подтвердит, что лучший учитель начальных классов — тот, кто окончил педколледж, год-два поработал в школе, а потом пошел в университет за дипломом о высшем образовании.

Но если разобраться, мы увидим, что в колледже такие ребята получают прикладную подготовку, никакой особой теорией они не владеют. Общего психолого-педагогического образования маловато. В вуз они приходят сразу на третий курс и опять начинают заниматься прикладными вещами, а фундаментальные, базовые знания так и остаются за кадром. Поэтому наша цель — организо-

вать прикладной бакалавриат, совместив фундаментальную подготовку с практической. Уже есть учреждения, которые начинают работать по этой схеме. Так что остается лишь довести начатое до счастливого финала.

И это лишь некоторые аспекты модернизации педобразования. Если вам интересно, к этой теме можно будет вернуться.

Слишком много Онегиных

Учительская газета, № 03 от 20 января 2015 г.

Премьер-министр Дмитрий Медведев утвердил концепцию федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы, которая, помимо всего прочего, предусматривает и «модернизацию технологий заочного образования». А это значит, что, возможно, мы наконец-то наведем порядок в «заочном» пространстве, которое уже давно требует «ремонта». Главное – подойти к делу разумно и системно, чтобы дров не наломать.

Еще в советские времена к заочному образованию зачастую относились как к чему-то второсортному. Причины были: студентов собирали всего два раза в год перед сессией, быстро проводили с ними какие-то консультации, потом принимали экзамены. В остальное время студенты должны были выполнять контрольные, но готовили они их сами или им кто-то помогал, никто не знал. Известны случаи, когда выпускники вузов, попадая в армию, писали работы за своих командиров.

В мире давно вывели прямую зависимость уровня ВВП от количества людей с высшим образованием: чем их больше, тем ВВП выше. В России эта формула не работает, хотя мы и занимаем одно из первых мест по числу дипломированных специалистов. Многие эксперты полагают, что это связано как раз с большим количеством заочников. Значит ли это, что заочное образование надо ликвидировать раз и навсегда? Нет, конечно. Ведь для мно-

гих — это единственная возможность получить диплом, и нельзя их этого права лишать. Но важно разобраться с формами и содержанием такого образования.

Есть по крайней мере три группы людей, которые получают сегодня заочное образование. Первые — это те, кто работает по специальности, имея среднее профессиональное образование. Директора школ всегда говорили, что лучший учитель — тот, кто, окончив педучилище и поработав два-три года, пошел в институт на заочное отделение искать ответы на возникшие у него вопросы. Это педагог более высокого класса, чем обычный выпускник педвуза. Для таких студентов нужно составить разумный учебный план — конкретный, практико-ориентированный, без лишней «воды» и ненужных абстракций. В этом должны помочь столь горячо обсуждаемые сегодня профстандарты.

Вторая группа — люди, получающие заочно второе высшее образование. С каждым годом их становится все больше. Они решили изменить свою жизнь, заняться каким-то новым делом, но, как правило, все они уже работают, а потому не могут себе позволить очную учебу. Нужна ли им вся программа или хватит лишь какой-то ее части — это, пожалуй, один из самых сложных вопросов. Здесь, думаю, есть смысл подумать о создании системы сертификатов, дающих право на ту или иную профессиональную деятельность, для ведения которой вовсе не обязательно проходить всю программу высшего образования.

К сожалению, наиболее многочисленная категория — это студенты-заочники, которые хотят получить диплом о высшем образовании, не прикладывая особого труда и, как говорится, даже не вставая с дивана. Тут нужно, на мой взгляд, четко договориться, что этим людям мы не даем никакой профессии. Мы, безусловно, повышаем их общекультурный уровень, рассказываем им что-то о философии, иностранном языке, математике и естествознании, но это не значит, что, прослушав подобные курсы, они имеют

право заниматься какой-либо профессиональной деятельностью. Любую профессию, в том числе и профессию учителя, нельзя получить, не выходя из дома. Нужно менять стандарты высшего образования и вводить модель, которую на западе называют «liberal arts» – «свободные искусства». Это такая онегинская система: «Все мы учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Просто не надо делать вид, что это «понемногу» имеет право считаться полноценным высшим образованием.

Эдак помудренее

Учительская газета, № 11 от 17 марта 2015 г.

Реформа Российской академии наук идет уже третий год, и волнения в научном сообществе не затихают. Не будем сейчас детально обсуждать материальную сторону вопроса: акты Счетной палаты показывают, что далеко не вся собственность РАН – земли и помещения, в том числе находившиеся на балансе академии гостиницы и даже рестораны – использовалась эффективно. Много сдавалось в аренду, а вырученные средства, чего греха таить, шли отнюдь не всегда на финансирование науки. Необходимо было навести порядок – с этим не поспоришь.

А вот какое преобразование действительно вызывает опасение, так это повсеместный переход на грантовый метод финансирования научных исследований. Потому что большинство фундаментальных тем требует многолетней работы одного и того же коллектива. А если надо каждый год выигрывать конкурс, то существует риск, что сегодня победит одна команда, а завтра – другая, и исследование придется начинать с нуля. В выигрыше будут не те, кто работает качественнее, а те, кто меньше денег просит. Кроме того, фундаментальная наука не прогнозируема. Покажите мне математика, который с уверенностью скажет, что в будущем году он непременно докажет пять теорем, или физика, который

гарантирует, что в следующем квартале откроет три новых закона. Думаю, подобная финансовая схема годится лишь для прикладных областей, когда гранты выделяются на создание, к примеру, какой-то практической технологии.

Реформа предполагает, что отныне РАН будет получать госзадания. Институтам академии образования и президиуму РАО их уже дают. И тут возникает сразу несколько вопросов: есть ли у академии потенциал, чтобы отвечать на эти госзадания, и чем вообще должны заниматься ученые, которые работают в РАО и утверждают, что они производят новые знания в педагогической науке?

На мой взгляд, в первую очередь необходимы исследования, направленные на решение современных проблем образования. Заслуга Яна Амоса Коменского и его «Великой дидактики» была в том, что он придумал, как дать сразу всем детям все знания, которые им только могут пригодиться в жизни, и всю мораль, которой им следует руководствоваться. Но технология Коменского работала в условиях устойчивого мира. Сегодня мир неустойчив, а значит, необходимы иная технология, иная дидактика и прежде всего новые научные исследования.

У нас множество инновационных и авторских школ. Их находки нужно делать отчуждаемыми, превращая их в «пошаговые рецепты», которыми могут пользоваться другие учителя и управленцы. Это тоже серьезная научная работа. Не секрет, что большинство авторских школ заканчивается после ухода из жизни их автора, потому что изобретенные ими методы так и остаются не описанными. В лучшем случае существует какая-то единичная беллетристика, в худшем — тексты на птичьем языке. Замечательные коммунарские методики, которыми массовая школа не пользуется во многом из-за того, что эти идеи и практики нигде толком не изложены. Та же история с методикой Шаталова и другими находками педагогов-новаторов. Вот чем ученым-педагогам не мешало бы заняться.

Необходимо усиливать прогностическую функцию науки. И здесь важно искать не один, единственно верный путь, а веер вариантов с указанием их плюсов и минусов. Именно наука должна просчитывать последствие тех или иных нововведений. К сожалению, сегодня многие решения принимаются управленцами исходя из сиюминутного анализа ситуации, а иногда просто для того, чтобы сказать громкое слово и напомнить о своем существовании.

А чем на самом деле занимается сегодня РАО? Какие тексты были выпущены институтами, отдельными учеными, которые заставили бы общество задуматься, а органы власти – скорректировать свои решения? Я не говорю, что их нет. Но, на мой взгляд, их существенно меньше, чем попыток высказаться как-то эдак поумдренее, чтобы все вокруг восхитились «кудреватостью» мысли.

Обойдемся пряниками

Учительская газета, № 15 от 14 апреля 2015 г.

За все годы, что присутствую на заседаниях Коллегии Министерства образования и науки, впервые услышал, как это высокое собрание разразилось... громким свистом. Именно так участники встречи отреагировали на предложение члена Совета Федерации Александра Волкова вернуть обязательное распределение выпускников вузов.

Надо сказать, что идея эта всплывает то тут, то там, наверное, с тех самых пор, как стало очевидно, что выпускники педагогических, медицинских и, вот парадокс, сельскохозяйственных вузов не спешат в село по завершении учебы, а стараются всеми правдами и неправдами закрепиться в городе. Но решить кадровый голод в сельской местности таким вот «палочным» способом невозможно уже хотя бы потому, что для этого придется менять Конституцию, в которой ясно сказано, что любой гражданин Российской Федерации имеет право на бесплатное высшее образо-

вание на конкурсной основе. То есть принудить человека отрабатывать образование, оплаченное из средств государственного бюджета, значит нарушить Конституцию. Кроме того, даже в советские времена, когда за неукоснительным исполнением закона об обязательном распределении следили и прокуратура, и комсомол, и партия, существовали проверенные способы его обойти: фиктивные браки, фальшивые медицинские справки были обычным делом. Сам я заканчивал учебу с красным дипломом, и было понятно, что остаюсь в университете, но и 90 процентов моих однокурсников в итоге устроились работать ровно туда, куда хотели. По распределению уехали всего несколько человек. Одним словом, «кнут» в этом вопросе не помощник. Он лишь породит очередную волну коррупции. Надо искать и находить «пряники», что, к счастью, прекрасно понимают руководители многих регионов, принимающие целевые программы поддержки молодых специалистов, отправляющихся работать в сельскую местность.

Конечно, нужны и приличные подъемные, и благоустроенное жилье, и возможность получать субсидии и выгодные кредиты. Но помимо финансового благополучия, существует еще и вопрос социального комфорта. Ведь зачастую молодой учитель, сталкивающийся на первых порах с массой профессиональных трудностей, даже не знает, куда кинуться за помощью. Опытным коллегам часто не до него, да и забыли они уже, как сами начинали. Поэтому хвала тем регионам, где создается пространство для общения молодых педагогов — виртуальное в течение года, а на каникулах живое, очное, в виде конференций, мастер-классов, слетов, педагогических десантов и лагерей. Это непростая организационная работа, которая требует сил, времени, дополнительных средств, но, господа, если мы задумали решить кадровую проблему сельской школы, к этому надо быть готовым. Чтобы молодой человек захотел остаться на новом месте, ему нужен и теплый дом, и полноценная, насыщенная жизнь, наполненная общением, а не «драконовскими» законами.

Позавчера – это неинтересно

Учительская газета, № 19 от 12 мая 2015 г.

Что происходит сегодня с системой повышения квалификации учителей? Этот вопрос, как мне кажется, обсуждается куда реже, чем он того заслуживает, хотя имеет прямое отношение к реформе педагогического образования. С чем связана необходимость перемен в системе повышения квалификации? Во-первых, с постоянными изменениями на федеральном уровне, с регулярным появлением новых законов и нормативных актов, напрямую касающихся школы. Кто может все это прокомментировать учителям и управленцам, подробно объяснить, что стояло за тем или иным нововведением и каких последствий от него ждать? К сожалению, в большинстве случаев педагогам остается полагаться лишь на «сарафанное радио», на вездесущий Интернет, и лишь в некоторых регионах за решение этой задачи берутся те, чьей прямой обязанностью это, собственно говоря, и является – институты повышения квалификации.

Какие проблемы сейчас стоит особенно активно обсуждать в системе ИПК? Только что приняты примерные образовательные программы для основной школы, с 1 сентября по ним придется работать всем педагогам, без исключения. Готов к этому среднестатистический учитель? Очевидно, нет. Может ли он ждать год, два, когда до него дойдет очередь попасть на курсы повышения квалификации, где ему, наконец-то, все подробно расскажут и объяснят? И снова нет. И кто должен взять на себя эту работу, если учесть, что районные методкабинеты в большинстве субъектов Федерации давно приказали долго жить?

Система повышения квалификации должна стать более гибкой и мобильной. Незамедлительно реагировать, во-первых, на все законодательные изменения на федеральном уровне, чтобы педагоги не оставались с ними один на один. Во-вторых, удовлетворять конкретные потребности школы и учителя. Ведь все мы

разные. У преподавателей со стажем одни вопросы, у молодых – совсем другие. Одним не хватает воспитательных навыков, другим – предметных, у кого-то не получается готовить к ЕГЭ или ОГЭ, кто-то хочет, наконец-то, разобраться с тем, что такое портфолио, или заняться оценкой качества образования. Профессиональный стандарт педагога требует от учителя знаний, которых он, скорее всего, в вузе в должном объеме не получил: как работать с одаренными учениками или, напротив, с подростками с девиантным поведением, с детьми, у которых есть те или иные проблемы со здоровьем, с инофонами, для которых русский язык – не родной. На эти вызовы и должна реагировать система повышения квалификации, причем реагировать оперативно. Но опросы, которые мы проводили в рамках некоторых проектов, показывают, что учителя, к сожалению, часто не находят ответа на волнующие их вопросы в действующих программах повышения квалификации, более того, большая часть ИПК продолжает работать по старым «позавчерашним» программам, имеющим мало общего с окружающей нас действительностью. Лекторы исходят не из того, что нужно учителю, а механически воспроизводят уже отработанные практики.

Выход, как мне кажется, в демонополизации системы повышения квалификации. В создании лицензированных структур, альтернативных традиционным ИПК, реализующих современные, действительно необходимые учителю программы. Такие примеры есть, теперь важно, чтобы они стали не единичными, а массовыми.

Решили как-то студент, работодатель и вуз...

Учительская газета, № 4 от 23 января 2018 г.

После отмены обязательного распределения, которое было в советской высшей школе, в российской высшей школе как некоторая паллиативная замена была предложена целевая контрактная подготовка, в рамках которой студент, работодатель и вуз заклю-

чали трехсторонний договор. Инициатива хорошая, и даже было время, когда таких студентов брали на первый курс вне конкурса. Но будем говорить откровенно: очень скоро по такому принципу в вузы начали в основном поступать дети региональных руководителей различных уровней и сфер. Конечно же, практически никто из них обратно не возвращался. Не было и реальных способов заставить подготовленного специалиста отработать вложенное в него.

В последние годы советской власти обязательное распределение перестало решать проблему обеспечения кадрами самых отдаленных мест нашей страны, хотя в свое время была даже такая студенческая песня про распределение и Индигирку. Кто попадал в эти самые отдаленные и карьерно неинтересные места? Двоечники и троечники. Почему? Потому что при выборе мест приоритет был всегда у отличников. К тому же если попадал: в конце советского периода не желавшие работать там, куда вуз послал, стали просто получать на местах открепительные талоны. Когда за красивые глаза, а когда и за хорошие деньги. Правда, я не помню ни одного судебного дела, которое бы призывало к порядку тех, кто давал эти талоны, и тех, кто их получал. Не говоря уже о том, что ни одного не поехавшего по распределению не оштрафовали... Но в середине прошлого века обязательное распределение хоть как-то работало.

Начиналось все с мест. Несложно ведь посчитать, кого и сколько надо будет в локальном хозяйстве через два-три года. Возьмем, скажем, удаленное село, которому не на кого надеяться, кроме себя. Медработник в фельдшерском пункте старый, географ и математик тоже скоро на пенсию пойдут... Все это фиксируется, анализируется, и идет заявка наверх.

Сегодня, по большому счету, с анализом потребностей местного рынка ситуация та же. Бюджетным организациям очень легко подсчитать, кто им нужен, и сделать запрос. И даже направить местных жителей на поступление на нужные специальности. Но опять-таки гораздо труднее получить выпускников обратно. Са-

мый простой путь – предусмотреть финансовые санкции в размере вложенного в подготовку и еще сверх того.

Сегодня уже делаются попытки перейти на умную модель целевого обучения, когда в бакалавриате в конце второго курса студент приходит на собеседование к потенциальному работодателю, и начинается разговор, предваряющий заключение целевого договора... Здесь снимается один из важнейших рисков: подготовить не совсем того или совсем не того, кто нужен. На втором году в целом понятно, сильный студент или слабый. Если условия устраивают, студент проходит практику у работодателя, пишет под его руководством и по проблематике, которая его интересует, курсовые и выпускные работы. Вуз ради этого создает для студента или студентов индивидуальный учебный план, а работодатель вкладывается не только в практику и руководство курсовыми и выпускными, но еще и в другие проекты института.

Дискуссии, которые шли в рамках проекта модернизации педагогического образования с министрами образования регионов, с начальниками муниципалитетов, показали, что такая форма целевой подготовки им импонирует гораздо больше, чем все остальные. Хотя бы потому, что с ней выше шансы на то, что человек вернется.

Сейчас планируются очередные перемены в области целевого обучения. Минобрнауки России предлагает даже внести поправки в Закон «Об образовании в РФ». Я думаю, если не сворачивать все то хорошее, что уже придумано в этой области, и сделать все юридически грамотно, то мы решим проблему заполнения рабочих мест даже в самых отдаленных регионах. По крайней мере учителями и врачами точно.

С пониманием дела

Учительская газета, № 17 от 28 апреля 2020 г.

Как известно, в большинство вузов сегодня выпускников принимают по результатам ЕГЭ. Есть, правда, образовательные органи-

зации, которым дано право проводить собственные дополнительные творческие испытания. Но периодически возникает вопрос: а что мешает сделать то же самое и в педагогических вузах, учитывая их специфику? Ведь если говорят, что учитель должен быть и актером, и психологом, и оратором, то неплохо бы проверить, насколько он ко всему этому предрасположен.

Конечно, будущему учителю очень важно знать много чего помимо своего предмета. Собственно, этот момент раньше был учтен на приемных экзаменах. Сегодня у нас есть ЕГЭ – обязательные и по выбору. Но лично мне не совсем понятно, для чего всем, кто решил поступать в педвуз, нужно непременно сдавать обществознание. Я считаю, что русский язык и математику надо, безусловно, знать всем. Плюс тот предмет, который ты собираешься преподавать. Это обязательно. А вот дальше...

Не надо заставлять абитуриента рассказывать о том, что он всю жизнь мечтал работать с детьми и грезит об этом во сне и наяву. Мы все прекрасно знаем, что, как только мы введем нечто подобное, в Интернете тут же появится масса рекомендаций «Как убедить комиссию, что вы действительно достойны быть педагогом», притом что на самом деле вы можете быть ярким детоненавистником. По той же причине вряд ли стоит надеяться на то, что ситуацию прояснит какое-нибудь мотивационное письмо или эссе, в котором вы излагаете, почему выбрали именно педвуз и эту специальность.

А вот что бы я действительно ввел, так это проверку коммуникативных компетенций – насколько человек способен понимать устную и письменную информацию, а также насколько грамотно, доступно и внятно он может что-либо объяснить другим. Это крайне важно, потому что без данных навыков человек просто не сможет ни учиться сам, ни тем более учить других.

В принципе тут мы выходим на тему модных сегодня четырех «к» – критического мышления, креативности, коммуникативности

и командной работы. Но при всей важности этих понятий именно коммуникативность я ставлю на первое место. Ведь если человек не понимает других и не может выразить свою мысль так, чтобы другие поняли его, то все остальное теряет смысл. Это не учитель, совершенно очевидно.

Были предложения дополнить ЕГЭ испытаниями коммуникативных способностей, были разработаны даже специальные тесты, позволяющие все это оценить. И говорили, что подобное тестирование хорошо бы совместить не только со знанием школьных предметов, но и с решением конкретных жизненных ситуаций. Например, объяснить ребенку, как добраться до библиотеки, как воспользоваться принтером, и так далее. Но в результате пришли к выводу, что пока не стоит умножать сущности сверх необходимого. Не нужно усложнять и без того непростую жизнь учителей, преподавателей и абитуриентов. Вдруг это отпугнет людей от педвузов? Поэтому реализацию идеи отложили до лучших времен.

Но, если в стране сложилась ситуация, что в педвузы готовы брать кого угодно, потому что налицо недобор, это само по себе говорит о падении престижа педагогической профессии. И чтобы поднять его, нужно повышать зарплаты не на словах, а на деле, и параллельно работать над тем, чтобы учитель перестал быть бесправным существом, которое перед всеми в долгу и всегда во всем виновато. Тогда дополнительные испытания при поступлении в педвуз будут восприняты в обществе с пониманием.

Взято с потолка

Учительская газета, № 39 от 29 сентября 2020 г.

К чужим (не своим!) кандидатским диссертациям люди обычно предъявляют целый ряд стандартных претензий — мол, нет в них глубины, тема высосана из пальца, проблематика бесконечно да-

лека от того, что действительно волнует научный мир и обычных граждан. Словом, толку от них ноль. Есть ли здоровое зерно в этой критике или это банальное критиканство? На самом деле тут есть два принципиально важных сюжета.

Во-первых, всегда можно перевести стрелки на практиков, которые-де не могут или не хотят использовать достижения научной мысли для решения повседневных задач. Ведь, чего греха таить, наши производства до сих пор пользуются многими технологиями, разработанными неведь когда, и завидуют иностранцам, которые постоянно предъявляют миру что-нибудь потрясающее – от компьютеров до медтехники.

Между тем очень многие идеи были в свое время разработаны нашими же учеными, просто за рубежом сумели внедрить их труды в жизнь, а у нас нет. Сколько интереснейших идей так и остается лежать десятилетиями в архивах разных патентных бюро, хотя их можно и нужно было бы воплотить в жизнь! И это, увы, правда.

Но во-вторых, нужно быть честным и сказать открыто: действительно, подавляющее большинство из представленных к защите кандидатских работ не имеет серьезной научной и практической ценности. Чтобы далеко не ходить, давайте вспомним, что происходило в системе образования за последние десятилетия: цифровизация, компьютеризация, введение образовательных стандартов, создание федеральных университетов и так далее. Плюс, разумеется, ЕГЭ, ОГЭ, НИКО, ВПР, участие в международных исследованиях по оценке качества образования и иже с ними. И что же, много ли у нас появилось диссертаций, в которых рассматривались все эти инновации и процессы? Отнюдь!

Казалось бы, вокруг нас великое множество серьезнейших проблем, о которых не только говорят, а просто кричат педагоги и родители. Тут тебе и буллинг, и влияние электронных гаджетов на здоровье детей, и воздействие видеоконтента на психику

учащихся, и неравенство доступа к образовательным ресурсам, и подходы к оценке качества образования, и анализ содержания ФГОСов и КИМов в контексте исследований PISA, и эффективность работы управляющих советов и так далее. Много ли у нас работ на эту тему? Нет, их единицы.

Кто же в этом виноват? В первую очередь научные руководители, ибо именно от них зависят во многом темы диссертаций, а также то, как будет организована научная работа и каким будет ее КПД. Доктора наук предпочитают предлагать своим аспирантам и соискателям тот спектр проблем, которые интересуют их самих последние 20–30 лет, чем они занимались в рамках своей собственной докторской диссертации. И крайне редко кто решается выйти на принципиально новый уровень, затронуть темы, за которые ранее никто не брался. Это слишком смело и чересчур сложно.

Что делать? Я бы предложил начать поиск талантливых потенциальных аспирантов, способных выйти за рамки дозволенного, среди победителей профессиональных педагогических конкурсов «Директор школы», «Учитель года», «Педагог-психолог», «Учитель-дефектолог» и так далее. Это энтузиасты, привычные к интеллектуальному труду, у них нестандартное мышление, они горят желанием сделать что-то полезное, нужное, у них есть опыт и выход на огромную аудиторию учащихся и коллег. То есть им сам бог велел этим заниматься.

Да, им понадобится помощь, им тоже будет нужен научный руководитель. Но почему бы не предложить, в свою очередь, для такого контингента организовать встречный конкурс – среди ученых – на право получить доступ к столь сильному ресурсу? Помоему, это будет справедливо!

Вот тогда, уверен, качество кандидатских работ значительно повысится. И они наконец будут помогать решать насущные проблемы нашего образования.

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ — О ЖИЗНИ

Спасибо — это так просто

Учительская газета, № 05 от 4 февраля 2014 г.

Думаю, одно из важнейших качеств, которое человек должен в себе воспитывать на протяжении всей жизни, — это умение быть благодарным. Не устать, хотя был мысленно, говорить спасибо тем, кто, однажды пройдя через твою судьбу, так или иначе изменил ее ход, направил по тому пути, на который без посторонней помощи ты, возможно, никогда бы и не ступил. У меня таких встреч, к счастью, было немало.

...Я вырос в частном секторе на окраине Красноярска — там стояла воинская часть, где служил отец. Практически в каждой семье кто-то сидел. Только в моем классе треть ребят получили сроки, не дождавшись выпускного. Вырваться из этой среды было практически невозможно. Но у меня получилось — благодаря старшим друзьям, которые привели меня в спортивный клуб «Марина». Его педагоги и вытащили меня, шпану покровскую, с улицы, направив бьющую ключом подростковую энергию в мирное русло. Это были не просто серьезные изматывающие тренировки, которые позволили в будущем заниматься настоящим скалолазанием и сплавляться по самым сложным рекам, но и первый жизненный урок. Именно там я понял, что только работа, трудная, без жалости к себе, способна сделать из тебя человека, который по жизни в состоянии штурмовать скалу за скалой, не выдыхаясь, не пасуя перед трудностями.

Еще одной грандиозной удачей стала школа профессора Льва Абрамовича Айзенберга, на научный семинар к которому попал, еще будучи «зеленым» второкурсником Красноярского университета. Там я повстречался с потрясающими, высокого полета

профессионалами, большой многонациональной командой, работавшей и мыслившей на одной волне. Что это были за люди! Гениальный математик Шамиль Даутов, увы, так рано и трагически нас покинувший. Сергей Знаменский, с которым мы и математикой занимались, и по рекам ходили. Манук Мкртчян — теперь он заместитель министра образования и науки Армении. И еще многие и многие, каждому из которых готов посвятить отдельный рассказ. Кого-то, к сожалению, уже нет в живых, другие давно за границей, где, в отличие от современной России, к теории функции многих комплексных переменных, над которой мы все работали, относятся с интересом. Встреча с этими людьми оказалась своеобразным вызовом: со мной, еще мало что собой представляющим мальчишкой, на равных разговаривают уважаемые серьезные ученые. Им важно мое мнение, они хотят со мной многим поделиться. Значит, нужно соответствовать. Работать. Снова работать. Одно могу сказать теперь: математиком я стал вовсе не потому, что учился на мехмате, а оттого, что прошел школу Айзенберга и Южакова.

А как не вспомнить ректора нашего университета Вениамина Сергеевича Соколова? Спокойно и расслаблено плыть по течению он никому не давал. А мне и моим товарищам заявил однажды: вот вы все ругаете пединститут, а это проще всего. Возьмите и сами организуйте в университете программу подготовки педагогов. И это была очередная скала, которую мы с единомышленниками моими и друзьями просто обязаны были покорить. И покорили, открыли наш факультет, потому как рядом вновь оказались уникальные люди, в том числе Георгий Петрович Щедровицкий, Василий Васильевич Давыдов.

Мои учителя и наставники, они все были очень разные. Но одна общая черта их объединяла: им было не все равно. Им нравилась молодежь. Их всерьез интересовало ее мнение. Они не давали нам ценных указаний. Они работали вместе с нами. И каждому из них я говорю спасибо.

Искренность на грани откровенности

Учительская газет», № 09 от 4 марта 2014 г.

Когда речь заходит о женщинах, всегда вспоминаю слова одного из своих учителей, Георгия Петровича Щедровицкого, утверждавшего, что есть вопросы, в которых человеку просто необходимо быть искренним на грани откровенности. О женщинах и с женщинами нужно говорить только так – от всего сердца. И каждый день, а не только по большим праздникам.

Мне повезло с женским окружением с самого рождения. У меня была замечательная мама Нина Дмитриевна. Есть чудесная сестра Галя, любимые жена Наталья, дочь Марина, племянница Катя, а теперь вот еще родилась внучка Алина.

И на работе меня всегда окружали прекрасные женщины: и в университете, где был секретарем комитета комсомола, а потом деканом, и в Министерстве образования, и в Рособназдоре. Вопреки расхожему мнению, убежден, что работать в женском коллективе куда комфортнее, чем в мужском. Женщины обязательны: если дают слово, то держат его. В делах они тоже аккуратнее и предусмотрительнее нас, мужчин: с плеча не рубят и необдуманных решений практически не принимают. И если начну сейчас перечислять имена всех, с кем посчастливилось встретиться в жизни, «Учительской газеты», боюсь, для публикации этого грандиозного списка не хватит.

А вот любимой актрисы, на фильмы с участием которой бегал бы еще мальчишкой, как, впрочем, и любимой певицы, у меня никогда не было. Вы не подумайте, что я такой бесчувственный и не умею ценить прекрасное. Еще как умею! Конечно, я всегда понимал, что Венера Милосская, допустим, – это красиво и гармонично. Но ведь она неживая, ненастоящая. Вот и красавиц экрана я никогда не воспринимал живыми, из плоти и крови. Все дело в том, что для меня необычайно важна эмоциональная со-

ставляющая любых отношений, и женщин я ценю не глазами. Их внешность вторична. Для меня важно, чтобы от человека исходил внутренний ток тепла, доброты и обаяния. Хороша только та, кто излучает этот потаенный, не придуманный свет.

В канун 8 марта, этого главного, наверное, весеннего праздника, я хочу пожелать вам терпения и любви. На вас дом, на вас дети и работа. И вы везде и все успеваете. Без терпения тут, конечно же, не обойтись. А без любви жизнь и просто невысказана. И пусть ваши мужчины восхищаются вами не только 8 марта и в ваш день рождения, но и в остальные 363 дня в году. Особенно, когда у вас что-то не получается. В такие моменты любому из нас, а женщинам вдвойне, нужны поддержка и сочувствие.

Ни для кого не секрет: российская школа держится на женщине, на ее плечах, на ее упорстве. И все успехи, которые мы наблюдаем в образовании, — это, как правило, женские успехи. Поэтому не могу не пожелать вам достойных и благодарных учеников. И разумных начальников. И здоровья, конечно. Без него никуда.

Не стоит прогибаться под изменчивый мир

Учительская газета, № 25 от 24 июня 2014 г.

Прошло уже много лет, но я, конечно же, помню свой школьный выпускной вечер. Мы гуляли по ночному Красноярску, вышли на берег Енисея, пели песни, смеялись. Не покидало ощущение, что впереди сплошные чудеса, мы всемогущи и весь мир у наших ног.

Класс был очень дружный, мы до сих пор переписываемся и перезваниваемся, хотя нас и разбросало по свету. Часто встречаться не получается, но когда собираемся, всегда очень рады друг другу.

После 10-го класса я собирался поступать на геологический факультет Красноярского института цветных металлов. Чтобы заниматься любимым делом — пропадать в таежных походах и

экспедициях, только делать это уже профессионально. Но друзья уговорили попробовать сдать экзамены в Красноярский филиал Новосибирского университета, мол, лишняя тренировка в этом деле не повредит. Я согласился и сразу после экзаменов ушел в поход. А когда вернулся, оказалось, что зачислен в университет. Это к вопросу о том, насколько сознательно вчерашний выпускник может проектировать свою жизненную траекторию. При этом сразу скажу, что никаких репетиторов у меня не было. Я ходил в математическую школу при университете, но нас там не готовили к экзаменам, мы просто решали очень сложные и интересные задачки.

Я поздравляю всех, кто оканчивает школу в этом году. За спиной – целая жизнь, во всяком случае, один из важнейших ее отрезков. Впереди – новые, неведомые еще возможности и большие, уверен, победы. Знаете, чего хочу пожелать вам? Постарайтесь внимательнее прислушиваться к себе, к своему внутреннему голосу, а не к рекламе. Не подавайте документы в первый попавшийся вуз, только потому, что вокруг все твердят: «каждый уважающий себя человек должен получить высшее образование». Эти лозунги устарели. Скажу как бывший руководитель Рособнадзора: в нашей стране, к сожалению, немало вузов, которые я бы ни за что не порекомендовал детям, чья судьба мне не безразлична. Программы позавчерашнего дня не обещают ничего, кроме потери нескольких лет жизни. А ведь время – самый главный, бесценный ресурс, который у нас есть в этом возрасте. Кто отстает на старте, тот, как правило, отстает навсегда. Обратите внимание на среднее профессиональное образование. Колледжи, в отличие от многих вузов, зачастую предлагают студентам куда более прогрессивные программы, в том числе прикладного бакалавриата. Здесь и новейший приборный парк, и увлеченные преподаватели, настоящие специалисты в области современных технологий. Все это позволит вам в будущем найти хорошую ра-

боту, получать за нее приличные деньги, заниматься интересным делом, быть уважаемыми людьми. Честное слово, если бы сегодня я оказался на вашем месте, я бы долго выбирал между академическим и прикладным бакалавриатом.

Вопросы без ответов

Учительская газета, № 40 от 7 октября 2014 г.

Я давно живу на свете и много чего повидал. Попав в систему образования, я встречался с детьми и взрослыми, преподавал в летних школах, в университете, на курсах повышения квалификации. Но есть вещи, делать которые так и не научился, задачи, решения которых до сих пор не нашел, как ни старался. Признаюсь честно, я не знаю, как работать с немотивированными или демотивированными людьми, как пробивать ледяную стену равнодушия и апатии, которую они выстраивают вокруг себя. Сколько раз бывало: читаешь лекцию на курсах повышения квалификации, две трети аудитории с тобой в эмоциональном диалоге — они реагируют, реплики подают. А оставшейся трети нет до происходящего никакого дела, они тебя просто не видят. А как преподавать старшеклассникам, которые уже окончательно для себя решили, что тот или иной предмет им никогда не понадобится, а значит, и учить его они не будут? Понимаю, что в индивидуальном режиме один на один можно много добиться, переубедить, «перенастроить», учитывая особенности и интересы каждого конкретного человека. Но как быть, когда перед тобой целый класс? В теории ответ на этот вопрос, конечно, существует. Необходимо показывать каждому ученику его личный прогресс, давать задачи из зоны ближайшего развития. Но все это работает только при индивидуальном подходе, реализовать который в массовой школе на деле затруднительно. Вот почему я ушел от обсуждения проблематики стандартов: на мой взгляд, путь, который выбрали наши ученые

еще в 2004 году – это путь тупиковый. Не может быть единого стандарта для всех, необходимо их многообразие, чтобы у каждого ученика была возможность выбирать собственную вершину, которую он хочет и может штурмовать.

А еще я так и не научился находить общий язык с теми, у кого нет вопросов, а есть только готовые ответы. Это страшные люди, исповедующие принцип: кто не с нами, тот против нас, кто не хочет в рай, того будем гнать туда бейсбольными битами. Мировая история, и история нашей страны в том числе, наглядно показывает, к чему приводят подобные сценарии. Мой старший товарищ и учитель Георгий Петрович Щедровицкий часто повторял, что фашизм – это простое решение сложных проблем. И залитый кровью юго-восток Украины – это ведь тоже попытка решить сложную проблему простым путем. Причем оружие оказывается единственным доводом обеих сторон.

Могу только догадываться, какие вопросы, связанные с последними украинскими событиями, задают сейчас ребята своим учителям. Отвечать на них непросто. А не отвечать нельзя. Но, думаю, детям важно понимать, что своя правда есть у всех и всегда. Пусть поразмышляют, стоит ли некая призрачная победа тех страданий, крови и слез, что обрушились сегодня на простых людей, таких же, как они и их родители, на тех, кто не хочет играть в исторические игры, но хочет просто жить. Может быть, те задачи, что поставил перед собой Донбасс, возможно было решить иначе, пойдя путем более сложным, длительным, но мирным? Пусть дети зададут себе эти вопросы. Даже если пока они и останутся без ответов.

От агитации до анонии

Учительская газета, № 11 от 13 марта 2018 г.

Они сейчас везде... Открываешь Интернет, включаешь телевизор, листаешь газету – одни напоминания о том, что «скоро выборы!».

Сплошные агитация и пропаганда разной степени адекватности, которые обрушиваются на взрослые и не совсем взрослые головы. Что в этой ситуации нам делать с детьми и что делать самим детям? Те дети, которые уже по возрасту имеют право голосовать, – это отдельный сюжет. Среди них, кстати, есть те, кому в дальнейшем работать с другими детьми: и это не только будущие педагоги, но еще и все те, кто занимается волонтерской деятельностью. Вот с них-то и надо начинать формирование нормальной гражданской установки, если она к первому курсу еще не сформирована. Но это конструктивный сюжет, а есть еще и другой – деструктивный: отслеживание в вузах, сколько человек проголосовали и за тех ли вообще проголосовали... Вплоть до карательных мер!

Неудивительно, что такие подходы рождают противодействие: «Ах, вы меня гоните голосовать? Ну я вам сейчас проголосую!..». Как же быть? Вовлекать в обсуждение этой темы тех детей, которые еще «не подходят по возрасту». Да, школа у нас отдельно, а большие взрослые дела вроде политики отдельно. Даже министр на днях об этом сказала. Но кто сказал, что нужно вовлекать лобовым рассказом про конкретную персону, которая тебе, учителю, крайне импонирует? Нужно не агитировать и пропагандировать за конкретных потенциально хороших президентов, а рассказывать школьникам о той роли, которую президент играет в стране, не приводить абстрактные примеры, а предлагать проанализировать те самые программы, которые должны быть у каждого кандидата в президенты. Нужно учить их критическому мышлению, а не голосованию сердцем, а этому как раз и можно противодействовать чтением программ и их сравнением, а не обсуждением того, кто на кого водой плеснул. Причем учитель никак не должен квалифицировать эти вещи, он должен просто предложить прочитать и сравнить...

А дальше уже дело родителей, которые, кстати, вместе с ребенком могут о чем-то задуматься чуть глубже, чем обычно. Ну а

уж если никак не получается без учета и контроля, то контролируйте и оценивайте успехи школ в формировании гражданской позиции учащихся не по тому, как они поддерживают правящую партию или действующего президента, а по тому, какое число выпускников школы принимает участие в выборах. Ведь, по сути, бойкот выборов как крайность противодействия – дело совсем не симпатичное. Мы не идем голосовать, а потом шипим, что выбрали не тех. Но выбирали-то, получается, и не мы... А отсюда недалеко до, как сказали бы древние греки, аномии – состояния общества, в котором нет ни законов, ни правил. Нет, конечно, если совсем не хочется голосовать, пожалуйста, но это тоже должно быть осознанное, обоснованное решение, подкрепленное, скажем, личной уверенностью в том, что ни одна кандидатская программа тебя не устраивает.

На чьи плечи сегодня ложится задача этого взвешенного политпросвета? Опять на учительские. И учитель опять должен пройти по грани между агитацией за конкретного кандидата и агитацией за активное проявление гражданской позиции. Все это вполне можно обсуждать на общественном мнении, истории и даже классному руководителю на классном часе. Выборы – чем не тема для нормальной человеческой беседы об актуальном на равных? Или классный час существует совсем не для этого?..

Виктор Болотов

Выскочить из колени.

Мои записки про образование вчера и сегодня

Редактор

Вадим Мелешко

Компьютерная верстка:

Наталья Пузанова

Дизайн обложки:

Валерия Каменева

Корректор

Елена Андреева

В оформлении обложки использована фотография: <<https://pixabay.com/ru/photos/цветок-жизнь-желтый-цветок-трещина-887443/>>
(автор – klimkin)

Формат 60×88/16. PT Sans

Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 8,5

Печать офсетная. Тираж 150 экз.

Заказ № 18406.

Отпечатано в Типографии НИУ ВШЭ
105187, Москва, Измайловское шоссе, 44, стр. 2.
print.hse.ru

Виктор Александрович Болотов

Российский государственный деятель и организатор образования
Заместитель министра образования (1992–2004 гг.)
Руководитель Рособрнадзора (2004–2008 гг.)
Академик Российской академии образования
Широко известен как «отец ЕГЭ»

В этих текстах боль всего учительства, родителей и детей. Очень-очень грустно, что сегодня в образовании нет руководителей такого уровня и менталитета. Все руководители — лишь администраторы. Эти заметки должен прочитать каждый, кто претендует на пост руководителя, и сдать по этим материалам ЕГЭ.

***Людмила Антонова**
директор издательства «Вита-Пресс»*

Думаю, будущие историки образования высоко оценят эту серию очерков. О сложных проблемах и вызовах последних десяти лет в ней написано доступно и просто. Книгу можно было бы назвать хроникой текущих событий, и мне кажется, что Виктор Александрович как никто другой подходит на роль ее автора. По долгу службы и по призванию реформатора он был на острие радикальных перемен. Меняя должности, Виктор Александрович никогда не изменял себе, и потому ему удалось сохранить непредвзятый и взвешенный взгляд на происходящее.

***Елена Ленская**
директор Центра изучения образовательной политики МВШСЭН*

С большим интересом и грустью читаю эти короткие эссе. В них целая эпоха моей общей с образованием жизни, с вопросами, сомнениями и переживаниями, с анализом и бурными дискуссиями. Прекрасный язык, живой, интеллигентный и «читкий» — по известной аналогии с питким вином.

***Ангела Мальшева**
выпускница психолого-педагогического факультета Красноярского госуниверситета*

